

Невьян- ские иконы XVIII века

уральский **10**
ОКТАБРЬ 1991
С Л Е Д О П Ы Т

Встреча с «БЕЛОЛИКИМИ»

Слайды Олега Капорейко

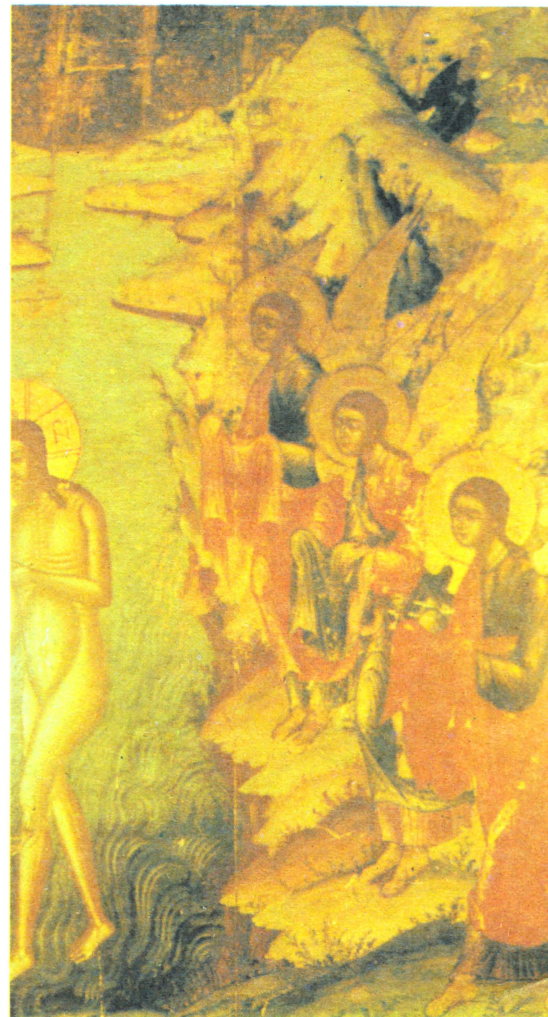
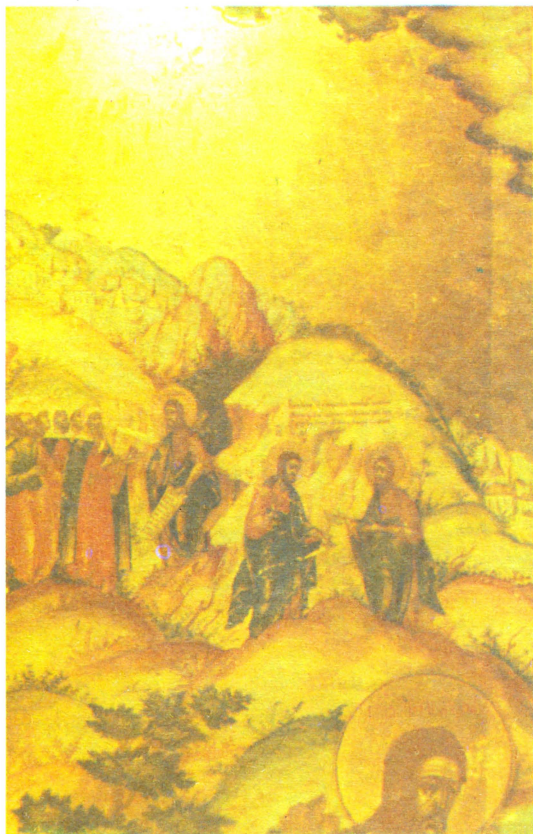
Статью Юрия Рязанова читайте на 2-й странице

На слайдах:

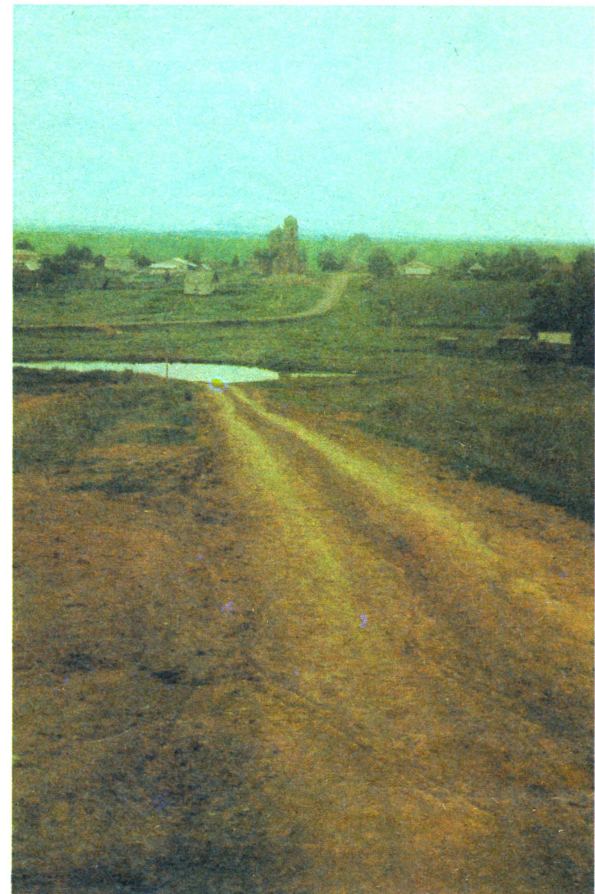
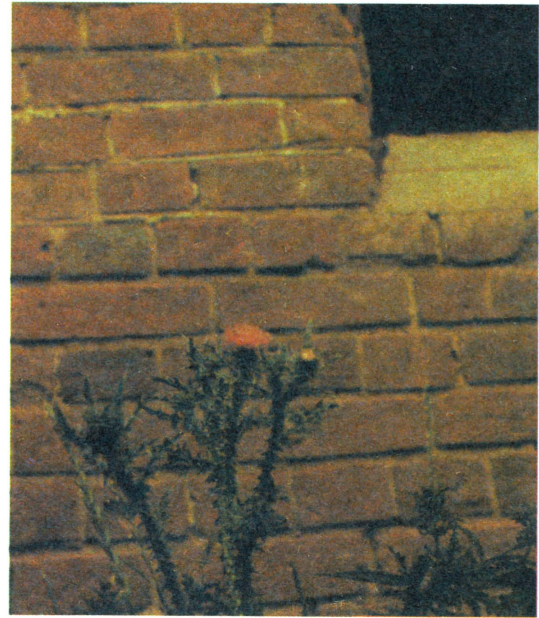
на 1-й стр. обложки: **вверху** — икона «Богоматерь. Знамение»; **внизу** — икона «Рождество Богоматери», хранящаяся в музее «Уральского следопыта»;

на 2-й стр. обложки: **вверху** — икона «Беседа Иисуса Христа с Иоанном Предтечей (Крестителем)» — клеймо иконы «Богоявление (Крещение) Иисуса Христа»; **слева внизу** — икона «Богоматерь Одигитрия» со святыми на полях; **справа внизу** — икона «Богоявление (Крещение) Иисуса Христа» (фрагмент);

на 4-й стр. обложки — икона «Богоявление (Крещение) Иисуса Христа».

Сирота НИКОЛАЕВСКАЯ

В раздолжных окрестностях города Бирска далеко видать купола церкви в селе Николаевке. Едешь по быстролетному шоссе и невольно ищешь ее взглядом. А она то скроется за холмиком или дубовой куртинкой, то опять лукаво покажется в теплом закатном освещении. И — странное дело! — сразу куда-то девается чувство одиночества, неприкаянности и бестолковщины, которые то и дело одолевают нас в нашем сегодняшнем безвременье.

В селе Николаевке нам показали дом дешенего старожилы Алексея Яковлевича Черникова. И вот мы сидим на лавочке у ворот, в двухстах шагах от той самой церкви. Вблизи ни лукавства, ни теплоты от нее не исходит — незрячая, середоточенная в себе, словно выставившая тяжелый арналет громада...

Алексей Яковлевич рассказывает.

Церковь открыли в 1915 году, а строили долго, чуть ли не 12 лет, потому что все своими силами, на средства прихожан. Только мастера и были пришлые, вольнонаемные — все остальное сами.

Николаевка была тогда на 270 дворов (нынче в ней — 160). О зарождении деревни Черников говорит так: где-то в середине прошлого века царь подарил земельный надел солдату. Земли здесь лежали богатые, и леса было много. Назвали селенные Николаевкой: то ли в честь императора Николая I, подарившего землю, то ли в память самого солдата-первопоселенца. Уж не знаю, выдержит ли эта версия критику серьезного историка. За что купил, за то и продаю.

Так вот, о церкви. Камень для фундамента и его облицовки жители возили на лошадях за 90 километров, из-под села Мишарино, что на реке Уфимке. Там камень обрабатывали («строгали») и готовым везли в Николаевку. Кирпич делали и обжигали сами из здешних глин. Яйца и молоко для раствора хозяйки приносили с каждого двора. Так и росла эта церковь, как общее деревенское дитя...

«И куда все подевалось?» — недоуменно спрашивает Алексей Яковлевич. И долго молчит. А я не уточняю: ЧТО подевалось, — понимаю, о чем он говорит.

Ведь дальше-то как дело пошло? В тридцатых годах церковь закрыли, хранили в ней зерно, «разный шурум-бурум». То один, то другой колхозный председатель заставлял вчерашних строителей ломать церковь на кирпич — для коровника или для сушилки. Но раствор кирпича не отдавал, а если со всего плеча били, рассыпался кирпич прахом — и все тут!

Так и оставили церковь, отвернулись от нее — покалеченной, незрячей. Село живет теперь само по себе. Церковь в центре его думает свою тяжкую думу.

Скажите, люди добрые, мораль какого человеческого общежития — языческая, христианская, коммунистическая — поощряет такое вот открытое предательство?

Ю. Сентябрьев

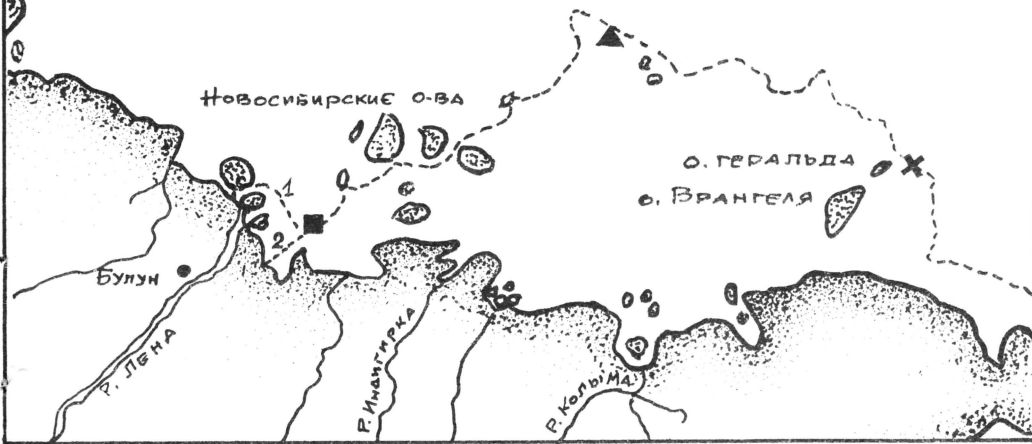
Фото Олега Капорейко

Человек — звено космической сансары?

Читайте на 76-й стр.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

- ✕ Место, где яхта вмерзла в лед
 - ▲ Место, где яхта затонула
 - Здесь лодки разбило штормом
- 1 Лодка Де-Лонга
 - 2 Лодка Меллвилла

Там, расспросив Ниндеманна и Нороса о маршруте, Меллвилл организовал спасательный отряд на поиски Де-Лонга и его товарищей. Увы, поиски, продолжавшиеся до декабря, так и не увенчались успехом. Группа вернулась в Булун. Следующей весной Меллвилл снова отправился на поиски пропавших. Их тела он обнаружил неподалеку от мест, где искала первая спасательная группа. Был обнаружен дневник Де-Лонга, последняя его запись датировалась 30 октября 1881 года.

Из 33 участников экспедиции в живых осталось 13 человек; один из них скончался, так и не добравшись до дому. Конгресс США назначил комиссию для расследования обстоятельств гибели экспедиции. Комиссия пришла к выводу, что вины Де-Лонга в гибели людей нет, что «силы природы оказались сильнее человеческих сил».

В газетах США и других стран появились статьи об экспедиции. Беннетт, закупивший право на публикацию отчетов, полностью оправдал свои затраты. Интерес к экспедиции был велик, начали раздаваться голоса с требованием официального признания подвигов отважных моряков.

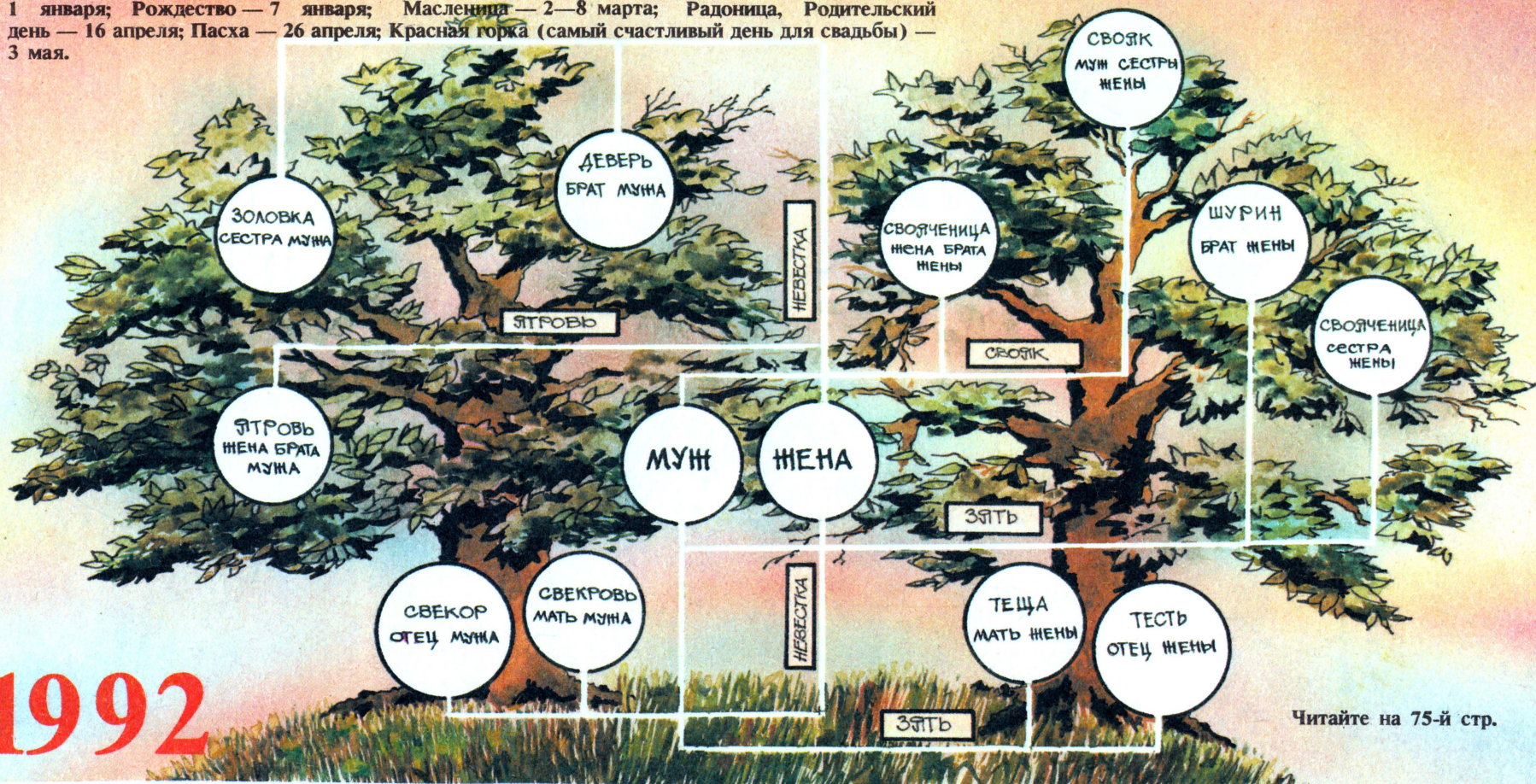
Под этим давлением 30 сентября 1890 года Конгресс издал Указ об учреждении особой медали и награждении ею всех оставшихся в живых участников и тех, кто не вернулся. Только 6 апреля 1892 года была закончена работа над проектом медали, он был утвержден и послан на монетный двор для изготовления штемпелей. 17 июня 1892 года первый образец, отчеканенный из золота, был представлен на утверждение, а через три дня начали чеканить медаль. Всего были отчеканены 33 медали, восемь из которых были золотыми и предназначались для награждения «людей кают-компаний», то есть офицеров, механика, врача, метеоролога, натуралиста и штурмана. Остальные 25 медалей были серебряные — для награждения членов экипажа. По свидетельству дотошных

газетчиков, эти медали обошлись казне в 723 доллара 25 центов — сумма стоимости материала и чеканки. Гравёр и художник работали бесплатно.

Медаль Арктической экспедиции «Жаннетты» 1879—1882 годов, или «Жаннетта», как ее чаще всего называют, имеет круглую форму, диаметр ее 39 мм. На лицевой стороне в центре изображена тонущая яхта, раздавленная льдом; на переднем плане — группа людей среди торосов, собаки, сани и лодка. На оборотной стороне сверху по окружности надпись: «Арктическая экспедиция «Жаннетта», внизу даты. В верхней части оставлено место для гравировки имени награжденного, а ниже — надпись в 7 строк: «В память о встреченных вами опасностях с выражением высокого уважения и признательности Конгресса. Указ утвержден 30 сентября 1890 г.». Медаль носилась на белой ленте, на верхнем конце которой прикреплен металлический планка в виде орла с раскинутыми крыльями, держащего планку с надписью «Жаннетта».

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ (числа для 1992 года, по новому стилю): Новый год — 1 января; Рождество — 7 января; Масленица — 2—8 марта; Радоница, Родительский день — 16 апреля; Пасха — 26 апреля; Красная горка (самый счастливый день для свадьбы) — 3 мая.

1992

Читайте на 75-й стр.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ПН	13 27	10 24	9 23	6 20	4 18 1 15 29	13 27	10 24	7 21	5 19	2 16 30	14 28	
ВТ	14 28	11 25	10 24	7 21	5 19 2 16 30	14 28	11 25	8 22	6 20	3 17	1 15 29	
СР	1 15 29	12 26	11 25	8 22	6 20 3 17	1 15 29	12 26	9 23	7 21	4 18	2 16 30	
ЧТ	2 16 30	13 27	12 26	9 23	7 21 4 18	2 16 30	13 27	10 24	8 22	5 19	3 17 31	
ПТ	3 17 31	14 28	13 27	10 24	8 22 5 19	3 17 31	14 28	11 25	9 23	6 20	4 18	
СБ	4 18	1 15 29	14 28	11 25	9 23 6 20	4 18	1 15 29	12 26	10 24	7 21	5 19	
ВС	5 19	2 16	1 15 29	12 26	10 24 7 21	5 19	2 16 30	13 27	11 25	8 22	6 20	
ПН	6 20	3 17	2 16 30	13 27	11 25 8 22	6 20	3 17 31	14 28	12 26	9 23	7 21	
ВТ	7 21	4 18	3 17 31	14 28	12 26 9 23	7 21	4 18	1 15 29	13 27	10 24	8 22	
СР	8 22	5 19	4 18	1 15 29	13 27 10 24	8 22	5 19	2 16 30	14 28	11 25	9 23	
ЧТ	9 23	6 20	5 19	2 16 30	14 28 11 25	9 23	6 20	3 17	1 15 29	12 26	10 24	
ПТ	10 24	7 21	6 20	3 17	1 15 29 12 26	10 24	7 21	4 18	2 16 30	13 27	11 25	
СБ	11 25	8 22	7 21	4 18	2 16 30 13 27	11 25	8 22	5 19	3 17 31	14 28	12 26	
ВС	12 26	9 23	8 22	5 19	3 17 31 14 28	12 26	9 23	6 20	4 18	1 15 29	13 27	

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудоу коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

14
ЗДЕСЬ ОТЕЧЕСТВА ДЫМ... Стихи
В. Топоров

75
ТВОЯ РОДНЯ
 Ятровь, деверь, золовка — кто кому кем
 приходится?
М. Рут

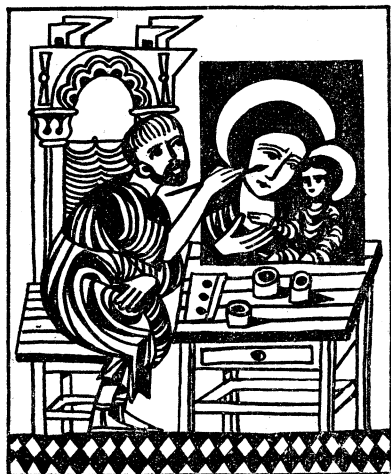
76
ЧЕЛОВЕК — ЗВЕНО КОСМИЧЕСКОЙ
САНСАРЫ?
В. Дебердеев

77
МИР НА ЛАДОНИ

78
КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ. ПОЧТА КЛУБА

79
2 «ПОЛЯРНЫХ» МЕДАЛИ
И. Викторов

3-я стр. обложки
ХУДОЖНИК С УРАЙМАША
И. Горячев

15, 57
НОЧНАЯ СТРАЖА. Повесть
 Главный герой — врач — сталкивается с ге-
 негическими последствиями Чернобыльской
 катастрофы. С элементами фантастики.
В. Щепетнев

25
СФЕРА РАЗУМА
 Новый фантастический роман уральского
 писателя.
С. Слепынин

53
ЗАОЧНЫЙ КЛФ
62
ПАГАНЕЛЬ. Рассказ
А. Цветаев

63
ЗА БОРАМИ, ЗА ДРЕМУЧИМИ
В. Меншиков

65
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА

68
ПОСЛАННИКИ ГОНЧИХ ПСОВ
 Продолжение темы о космических при-
 шельцах. Контакт с инопланетянами жи-
 тельницы Хабаровска.
Е. Ищенко

72
ОТВЕТИМ ПО-РУССКИ?
 Русский стиль самозащиты в сравнении с
 восточными единоборствами.
А. Нива

1-я стр. вкладки
СИРОТА НИКОЛАЕВСКАЯ
Ю. Сентябрьев

2
ВСТРЕЧА С «БЕЛОЛИКИМИ»
 Невьянская иконописная школа — в чем ее
 особенности? Невьянские иконы XVIII века
 в музее «Уральского следопыта».
Ю. Рязанов

4
ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА ГОСПОДНЯ
 Продолжаем рассказывать о христианских
 праздниках.
В. Колосницын

6
МЛАДШИЙ СЫН КОМИССАРА НИ-
НИТЫ
 Третий материал серии о династии Деми-
 довых.
Н. Мезенин

8
ТРОПОЙ ЧЕРКАСОВА
 Путешествие по Забайкалью.
М. Вишняков

уральский **10**
 ОКТАБРЬ 1991
СЛЕДОПЫТ

„БЕЛОЛИКИМИ“

Юрий
РЯЗАНОВ

В конце 60-х — начале 70-х годов, когда ни о каком антикварном буме никто и не помышлял, иконы в Челябинске, где я тогда жил, мало кто собирал. Я знал всего нескольких любителей древнерусской живописи и прикладного искусства да в некоторых городах области — один-два, не больше. Но это были энтузиасты, настоящие коллекционеры, как правило, увлеченные, знающие, бескорыстные. От них я впервые услышал об уральских «белоликих» иконах.

Среди трех с лишним тысяч икон, прошедших через мои руки в те годы, когда покупать и обменивать их не воспрещалось, довольно часто попадались «доски» уральского письма, и в их числе — невьянские, иногда датированные и с авторскими свидетельствами, с установленным местом изготовления, а бывало, что и с легендой об авторе.

Одной из первых в коллекцию попала икона-«эталон», написанная Иваном Анисимовым в Невьянском заводе. Дата окончания работы оказалась сбитой, но по ряду признаков я определил ее концом XVIII — началом XIX века.

Попадали в коллекцию подписные и датированные иконы (дважды) из мастерской невьянских иконописцев Богатыревых. Правда, поздние, второй четверти XIX века.

Иконы, написанные невьянскими мастерами, можно встретить в церквях, моленных домах, музеях и частных собраниях многих уральских городов. Есть они даже в фондах Ленинградского музея атеизма, разместившегося в здании бывшего Казанского собора.

Обилие икон, созданных в мастерских Невьянска и в их традициях во второй половине XVIII—XIX веков, не могло не навести на мысль о существовании целой живописной школы.

Впервые это предположение высказано Л. Д. Рязановой в 1986 году и подтверждено в последующие годы другими исследователями. Большим фактическим материалом о невьянской школе иконописи владеют свердловские ученые Татьяна Анатольевна Рунева и Всеволод Иванович Колосницын. Они собрали и научно обработали большой по объему материал. Их совместный труд в виде монографии, насколько мне известно, подготовлен к печати.

Так что же такое — невьянская иконопись, и чем она отличается от других?

В музее «Уральского следопыта» находится с десяток предметов мелкой пластики и столько же икон на дереве. Едва ли не все они — уральские и сибирские. Одна из них — замечательный памятник искусства XVIII века. Изучением этого экспоната занималась Л. Д. Рязанова. Она установила, что пядная домашняя икона «Рождество Богоматери» происходит из Невьянска. Очень декоративная, яркая, разрисованная тонким орнаментом по золоту. На золоченых полях слева и справа две фигурки святых-покровителей в кютах: Ангел-Хранитель и преподобная Ксения, а на верхнем — Господь Саваф, — все великолепно выписанные.

Живописная плоскость иконы заполнена почти сплошь, чистого фона нет, причем много цвета оранжевого, красного, фиолетового, оттененных пятнами голубого. Очень на-

Рисунок
Алексея Лебедева

рядная и дорогая икона. Создана она, вероятно, в последней четверти XVIII века и имеет характерные признаки невьянской школы: своеобразие ликов, яркость и чистоту, особую звучность красок, богатое узорочье орнаментов, оригинальную архитектуру, обилие золота и т. д. Правда, изображение здесь зримо плоскостное, никаких намеков на прямую перспективу (ее элементы появятся позднее). Нет еще и оригинальных невьянских горок. И вообще, в иконе ощущается влияние ярославского письма. Исследователи нашли документы, подтверждающие, что в XVIII—XIX веках в Невьянке работали иконописцы — выходцы из Ярославля, а также из Устюга, Москвы, Владимира.

Собственно невьянский стиль, по нашему мнению, сформировался к середине — второй половине XVIII века, и на него оказали влияние многие школы иконописи. К концу XVIII века местное иконописание — это очевидно — достигло своего расцвета и зрелости.

Только массовостью продукции можно объяснить то,

что и до наших дней дошло довольно много икон этого периода, причем с живописью хорошего и высокого мастерства. Невьянские иконы отличаются также добротность материалов, из которых они изготовлены: прямоволокнистая древесина, выдержанная после распиловки, доски хорошо просушены, скреплены глубоко врезанными торцовыми шпонками, а иконы большого формата — и тыльными. Все сделано на совесть и с доскональным знанием ремесла: положена паволока, на нее крепкий многослойный левкас. Невьянские мастера-живописцы охотно употребляли краски, растертые из местных минералов, например, из малахита, что придавало иконам особый колорит. Некоторые из икон, написанных в конце XVIII века (в основном — храмовые) и в последующие десятилетия, закрашены с тыльной стороны, что предохранило их от насекомых-древоедов и коробления.

С первых десятилетий XIX века в Невьянске и, видимо, в других недалеких населенных пунктах изготавливается множество домовых икон попроще, победнее красками, вплоть до деревенских примитивов в три-четыре краски — дешевых по стоимости и не искусных по исполнению, намалеванных местными самоучками-богомазами. Но даже в столь непритязательных поделках сохраняются детали невянского стиля и в первую очередь — цветные (точнее — разноцветные) покатые горки, которые за их оригинальность можно назвать «невьянскими». Введены они местными живописцами, вероятно, во второй половине XVIII века.

В понятие «невьянские» иконы следует включать не только произведения, созданные в мастерских этого города, но выполненные в определенном стиле, который в своем развитии видоизменялся и как бы расщеплялся в зависимости от уровня художественной выучки и времени создания. Возьмем манеру, условно названную нами «анисимовской» — иконописца И. Анисимова.

Несомненно, талантливый и самобытный художник, может быть, самый талантливый из тех, кто работал в то время в Невьянске, он внес большую лепту в формирование оригинального стиля уральской иконописи. Набор образно-художественных, композиционных приемов значительно обогатил местную иконопись, стал применяться и варьироваться в дальнейшем другими мастерами, передаваться из поколения в поколение. Например, горки, о которых уже упоминалось, трава — тоже разноцветная, синеватые и зеленые сосенки на склонах горок, лиственные деревья, нередко сучковатые, обрывистые берега реки со свисающими корнями растений...

Удивительно техническое, художническое мастерство Ивана Анисимова. Его иконы будто акварелью нарисованы — легко и мягко, ярко и живо. В колорите явно чувствуется приглушенная благородная серебристость. Работы Анисимова выгодно отличаются от икон, например, Богатыревых и других современников, тоже невянцев — не только виртуозным владением кисти, но общим лиризмом изображаемого, продуманностью употребления деталей и, главное, удивительной гармоничностью.

Очевидна отличная выучка автора как рисовальщика. Явно тяготение художника к реализму, в частности, в природном и архитектурном пейзажах. В зданиях угадываются постройки горнозаводских комплексов второй половины XVIII века, купола и силуэты уральских храмов. Да и природные пейзажи очень напоминают уральские ландшафты.

За минувшие четыре года с помощью «эталона» — так можно назвать наше «Богоявление» — Л. Д. Рязановой удалось выявить еще два великодушных произведения, несомненно принадлежащих кисти этого замечательного уральского изографа. Причем одно датировано тоже концом XVIII века. Возможно, его же рукой созданы несколько икон из домашней молельни Расторгуевых-Харитоновых, находившейся в их белоколонном дворце.

И тут следует остановиться на анисимовском личном письме. Лики персонажей его икон как бы находятся на

границе между древним схематизмом и жизнеподобием новой живописи. Они выписаны очень тщательно, но не сухо. Моделировка их сложная, энергичная, но построена не на контрасте тонов, как в то время было принято, — плави многослойные, рельефные. Ангелы (на «Богоявлении») круглолики, а у остальных персонажей лики продолговатые. Но все они очень похожи на некие образцы, типичны. На некоторых ликах отражены оттенки чувств. В ликах ангелов есть детская невинность и трогательная чистота помыслов. Столь же сложны выражения ликов Христа и Иоанна Крестителя. В позах фигур персонажей отсутствует нарочитость и скованность, что присуще, например, Богатыревым. Если мысленно оживить картину, то движения фигур (а они в большинстве запечатлены в движении) будут разнообразными и естественными. Позы фигур пластичны и музыкальны, будто они движутся под мелодию. Эта деталь тоже говорит о художническом таланте И. Анисимова.

Пока «Богоявление» — единственная известная нам невянская икона, написанная столь живо, легко, непринужденно, я бы сказал, — вдохновенно. Такой свободой живописи никто из невянских современников Анисимова не владел. Жаль, что об этом незаурядном живописце почти ничего не известно.

Долгое время в коллекции находилась храмовая «белолика» икона «Богоматерь Знаменая», не так давно переданная нами в Свердловский музей уральской иконописи. Написана она весьма профессионально и в хороших невянских традициях. По всем признакам ее можно отнести к последним десятилетиям XVIII века или самому началу XIX-го. Этот период, по нашему убеждению, заслуживает название «золотого» в невянском иконописании.

История иконы любопытна. Я ее выменял почти двадцать лет назад в городе Кыштыме Челябинской области. Происходила она из тамошнего храма, построенного, согласно легенде, заводчиками Демидовыми в конце XVIII века и расписанного невянскими мастерами, что тоже подтверждает нашу атрибуцию и датировку.

На лицевой стороне доски среднего формата до сих пор видны следы обуха топора, которым ее выбили из иконостаса. В начале 1930-х годов храм был осквернен и ограблен, иконы уничтожены, а эта — чудом уцелела. Храм же превратили в городскую конюшню. Еще в начале семидесятых я видел железные кольца, вбитые в стены храма — остатки стойл.

На одной из недавних городских выставок мы увидели датированную невянскую икону, настолько близкую нашей по исполнению, что стало ясно: обе доски — из одной мастерской и, возможно, одного автора. Так атрибуция и датировка «Знаменая» полностью подтвердилась.

В XIX веке прослеживается как бы несколько течений в невянской иконописи, разнокачественных и отличающихся своими особенностями. Продолжается ранний тип «белоликих». Свои традиционные признаки сохраняет продукция Богатыревых и других фамильных мастерских. Устойчивыми становятся и признаки народной иконной живописи (близкой к примитиву и примитивной), образцами которой служат иконы из невянских мастерских.

Началом XIX века и его первой половиной можно датировать иконы (их выявлено несколько), написанные в манере Анисимова, хотя и уступающие ему по мастерству.

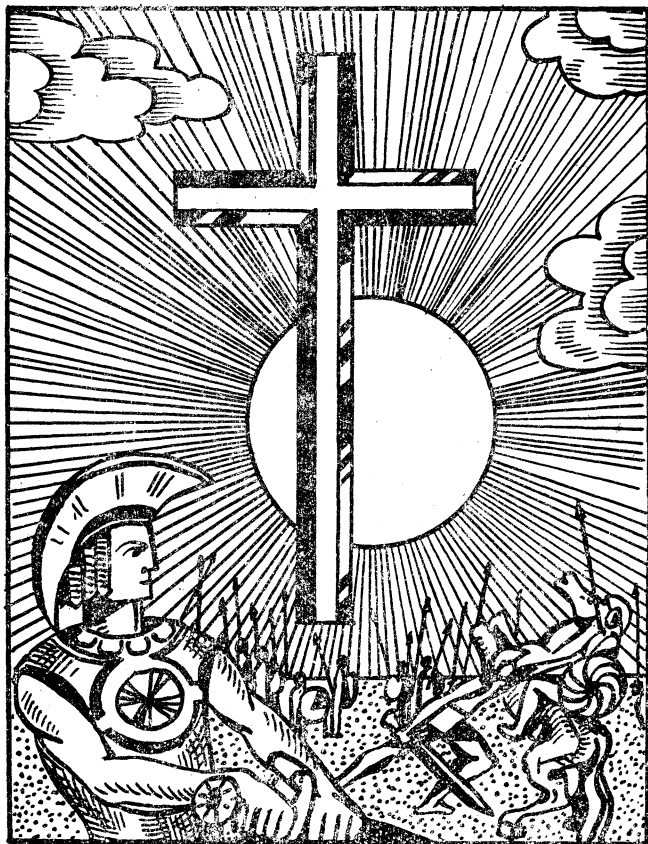
У коллекционеров считалось, что «белоликие» невянские иконы прекратили писать в середине XIX века. Но это не так. Известна датированная икона, типично «белолика», относящаяся к началу 1870-х годов. А две самые «молодые» иконы невянских традиций, встреченные нами, отмечены 1893 годом. Несколько невянских «белоликих» икон находится в музее уральской иконописи.

Этот новый музей призван собрать и сохранить как можно большее количество уральских икон во всем их многообразии, а также стать научно-исследовательским и реставрационным центром всего Урала.

Воздвижение Креста Господня

Всеволод
КОЛОСНИЦЫН

Рисунки
Алексея Лебедева

Праздник Воздвижения Креста Господня в отличие от других двенадцатых праздников (кроме Троицы) посвящен не событиям земной жизни Иисуса Христа или Богоматери, а событиям священной истории, которые происходили столетия спустя после воскресения Иисуса и служили утверждению новой веры, ее конечному торжеству.

С этим праздником связаны три события. О первом повествует основатель христианской историографии, знаменитый византийский историк Евсевий Кесарийский (263-339). Перед решающей битвой императора Константин Великого с его соперником Максенцием на закате солнца Константин и его войско увидели на небе крест с надписью «Сим победишь». Во сне, ночью, Константину явился сам Иисус Христос и повелел нашить на воинские знамена кресты как символ грядущей победы. Максенций был разгромлен, а Константин, возвратившись в Рим, приказал воздвигнуть свою статую с крестом в руке.

С этого времени Константин стал покровителем христианства. Его политика в отношении религии отличалась государственной мудростью и веротерпимостью: он не преследовал язычество, признавая свободу вероисповедания для всех граждан империи. Сам Константин принял крещение только перед смертью, но его мать Елена стала христианкой значительно раньше.

С ее именем связано второе, главное событие — обретение Креста Господня. В 324 году Елена совершила паломничество в Иерусалим и узнала, что под языческим храмом зарыт крест, на котором был распят Иисус Христос. По ее приказу были проведены раскопки и найдены три креста и дощечка с надписью «Иисус Назарянин, Царь Иудейский». На двух из них, по Евангелиям, были распяты разбойники, на одном Христос. Как же отличить Крест Господень от двух других? Привели больную женщину, которая прикоснулась ко всем крестам. Прикосновение к одному из них исцелило больную. Так был установлен Крест Господень.

Желающих поклониться Кресту оказалось так много, что патриарх иерусалимский Макарий, встав на возвышенное место, несколько раз поднимал, т. е. воздвигал, Крест при молитве народа «Господи помилуй». Это событие и именуется Воздвижением Святого Креста Господня.

Праздник отмечается 14 сентября (27-го по новому стилю). В этот день в церквах на утрене читается текст из Евангелия от Иоанна: «Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю. Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром. А другие говорили: Ангел говорит Ему. Иисус на это сказал: не для меня был сей глас, но для народа: ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон; и когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к себе. Сие говорил Он, давая разуметь, какой смертью Он умрет...»

На утрене же в алтаре, перед крестом, лежащим на престоле, поется величание «Величаем Тя, живодавче Христе, и чтим Крест Твой Святой, им же нас спаси еси от работы вражия». И затем: «Величай, душе моя, пречестный Крест Господень».

На литургии читаются тексты из послания апостола Павла к коринфянам и из Евангелия от Иоанна, повествующие о суде Пилата, вынужденного приговорить Христа к распятию вопреки своей воле — под давлением иудеев, возмущенных священниками, и о смерти Иисуса на кресте. «Свершилось!» — таковы были последние слова Христа, — свершилось великое преступление и вместе с тем — великая жертва во искупление грехов всего рода человеческого во имя его спасения.

Поэтому крест — не просто орудие казни, это символ искупления, символ того пути и через преодоление страдания и через покаяние, которым, следуя Христу, должен пройти каждый верующий в своей земной жизни.

Накануне Воздвижения за всеобщей из алтаря на середину храма торжественно выносят украшенный цветами крест, и верующие поклоняются ему с пением: «Кре-

сту Твоему поклоняемся и святое воскресение Твое славим».

Третье событие связано с поражением Византии в войне с Персией и утратой Креста Господня, который был увезен в столицу победителей. Произошло это в 614 году. Но в 628-м император Иракий одержал решительную победу над персами и добился возвращения святыни. Крест привезли в Иерусалим и внесли в храм, построенный еще по указу императрицы Елены. Именно тогда праздник Воздвижения Креста Господня был причислен к двенадцатым.

Надо сказать, что культ креста гораздо древнее христианства. В эпоху верхнего палеолита (каменного века)

Сын Божий». Устанавливать крест надо было так, чтобы место пересечения экватора и эклиптики указывало на ту точку небосвода, в которой осенью кульминирует созвездие Рыб — Ихтис. Со временем эта символика была совершенно забыта.

Значение креста в христианстве исключительно велико. Он стал явлением совершенной божественной любви, символом жизни вечной, или, как сказано в Символе веры, «воскресения мертвых и жизни будущего века». Оберегал от бесов и всякой нечистой силы.

На Руси день Воздвижения приходится на то время года, когда осенние полевые работы в основном заканчиваются: дожинают последний хлеб, делают первые обмо-

кестообразно сложенные палочки были орудием добытия огня: вертикальную палочку, крепко прижатую к дощечке, вращали с помощью горизонтальной. Крест, таким образом, стал символом огня, а затем и символом очищения.

Известны самые различные формы крестов: равноконечные, кресты с более длинной вертикальной чертой (так называемый латинский крест), кресты с окончаниями в виде лепестков, кресты с ушком... В древнем Египте крест с ушком читался как иероглиф «анх» и означал «жизнь». В древнееврейской письменности последняя буква алфавита имела форму Т (тау) и считалась знаком сопричастности Богу и самого Бога. В православии преобладает крест восьмиконечный с очень сложной символикой, идущей от времен раннего, даже первоначального христианства. Вертикальная черта означает земную ось, средняя, более длинная, горизонтальная — экватор. Верхняя горизонтальная — тропик Рака, нижняя, наклонная — эклиптику, линию видимого движения Солнца среди созвездий Зодиака. Поскольку Земля считалась центром Вселенной, то крест нес в себе модель всего мира, законов его движения. Но, кроме того, он был связан с символом рыбы, по-гречески «ихтис», что считалось аббревиатурой. Значение ее расшифровывалось так: «Иисус Христос, Спа-

лоты зерна, готовятся к осенней ярмарке. Христианский праздник сливался со многими народными обычаями, которые различались в разных местностях. В деревнях варили пиво, устраивали братчину (общую трапезу), пили толокно, замешанное на кислом молоке или воде, пели песни. В некоторых местностях после того, как сжата последняя полоса, было принято кататься по ней, приговаривая: «Жнивка, жнивка! Отдай мою силку на пест, на мелион, на колотило, да на молотило, и на криво веретено». Кое-где Воздвижение совпадает с бабьим летом, чудесным временем года, когда наступает теплая и сухая золотая осень. Здесь водили хороводы, пели песни, плясали, делали украшенное цветами и лентами чучело из последнего снопа. В празднике сливалось все: и радость от успешного окончания полевых работ, и светлое ожидание жизни вечной.

Вот почему наши недавние попытки отделить в праздник народное начало от христианского, религиозного, были обречены на неудачу: в жизни народа все соединилось в единый радостный праздник, когда вместе радуются человек и природа, душа и тело.

Младший сын комиссара Никиты

Николай
Мезенин

БРАТЬЯ-СОПЕРНИКИ. Никита Никитич называл себя «тульской оружейной слободы кузнецом, железных водяных заводов промышленником». Н. И. Павленко отмечает: «Отдавая должное уму и стяжательским талантам Акинфия Демидова, не следует забывать, что младший его брат Никита мало в чем уступал ему, и если достиг меньшего, то только потому, что с самого начала был поставлен в неизмеримо худшие условия».

Акинфий не построил ни одного завода в центральном металлургическом районе и расширял свое хозяйство только за счет Урала; Никита же Никитич с равным усердием строил как на Урале, так и в Европейской России. Однако на Урале Акинфию принадлежали 14 домен, а Никите лишь одна — на Шайтанском заводе. Это объяснялось тем, что отец не допускал младшего сына на Урал, и в результате его владения образовали два комплекса, не связанных друг с другом по производственной линии, но оказывающих взаимную финансовую поддержку.

Первым заводом, построенным Никитой Никитичем, был Дугненский. Его начал строить еще брат Григорий Никитич в 1707 году. Завод стоял на низком месте и часто затоплялся. В 1717-м Никита решил его перенести на новое место. Но в донесении Берг-коллегии в 1722 году хозяин

уже писал о нем как о действующем предприятии. Затем в строительстве заводов наступил длительный перерыв. Никита был поглощен накоплением капиталов на покупку вотчин и уральскими интересами. Он внимательно следил за отцом и старшим братом, выжидал. И когда через три с половиной года обнаружил, что Акинфий, получив разрешение, не приступал к постройке завода на р. Ревде, он обратился в Берг-коллегию с просьбой передать ему неиспользованное заводское место. Усилия старшего брата помешать младшему обосноваться на Урале оказались бесплодными. Но и своего упускать он не хотел, хотя и пошел на уступки. Акинфий просил оставить за собой Ревду, а Никите отдать место на р. Шайтанке. Братья договорились, что Акинфий поставит новый завод на р. Ревде и будет брать руду с Волчьей горы, а Никита Никитич построит завод на р. Шайтанке, где у него будет и рудник. В этом смысле в июле 1730 года в Берг-коллегию и была подана челобитная, подписанная обоими братьями, где они сообщали, что «договорились между собою полюбовно». Братья торжественно обещали «друг другу в заводских делах помешательства ни чрез какие вымыслы не чинить».

НОВЫЕ ВЛАДЕНИЯ. Никита Никитич отличался крупным нравом. В его деревнях и на заводах нередко происходили бунты. Крестьяне требовали освобождения от заводских работ и возвращения в прежнее состояние. Они писали жалобы, совершали побег, посылали ходоков в правительственные инстанции. Наконец, шли на массовые открытые волнения.

Однако напористый заводчик продолжает свое дело. След за Шайтанским он создает на Урале еще один промышленный комплекс из двух заводов: Верхнесергинского (1743) и Нижнесергинского (1744). Затем к его владениям добавились еще два завода: в 1751 году он купил у тульского купца Я. Коробкова Каслинский, реконструировал и расширил его. Позже завод был продан по духовному завещанию Петру Григорьевичу Демидову. Построил Кыштымский завод (1757).

А крестьянские волнения продолжают. В 1761 году в непокорные селения по просьбе заводчиков прибыли на постой 500 донских казаков, а затем еще 300 солдат с пушкой. Крестьяне все равно отказались выполнять заводские повинности. Их окружили и поставили перед заряженной пушкой. Бунтари стали на колени, заявляя: «Хоть головы всем нам рубите, а к Демидову на работу не пойдем». После массовой порки часть крестьян была сломлена, остальные же не повиновались. Произошла кровавая схватка с войсками, было ранено 52 солдата. Спротивление подавили лишь в марте 1762 года.

А Н. Н. Демидов между тем принялся расширять свои владения в Европейской России. При покупке Ромадановской волости он обнаружил на р. Вырке в семи верстах от Калуги удобное место. Здесь возник Выровский завод. Но в 1734 году последовал указ об уничтожении подмосковных заводов для сохранения лесов. Это была инициатива графа П. И. Шувалова, который извлекал большие доходы от переделки медной монеты на казенных заводах. Под действие указа попали заводы Никиты Никитича Дугненский и Выровский. Началась упорная борьба за сохранение владений.

Старший сын, Евдоким Никитич, подал в Сенат прокет, объяснив, что хотя Дугненский завод и стоит в 170 верстах от Москвы, но лес к нему доставляется с верховий Жиздры и Угры. Кроме того, писал он, дугненское железо «против других тутошних заводов, кроме сибирского, явилось способнее» для производства оружия, а близость завода от Тулы создает удобства для использования его продукции Оружейной канцелярией. То ли возымели свое действие «законные резоны», то ли в ход были пушны подношения, но Демидову удалось отстоять свои владения. Более того, он получил разрешение на

постройку новых предприятий. Так появились заводы Людиновский (1756) и Есенковский (1757).

К концу жизни Н. Н. Демидов владел 11 заводами. Это значительно меньше, чем построил Акинфий Никитич — 18 заводов. «Однако если учесть, — отмечает Н. И. Павленко, — что Н. Н. Демидову пришлось самому создавать производственную базу на Урале и преодолевать сопротивление ближайших родственников, то его успехи следует признать значительными. Во всяком случае, отец статского советника Н. Н. Демидова комиссар Никита Демидов ошибался, когда в свое время давал нелестную характеристику своему младшему сыну».

Темпы заводского строительства на Урале нарастали. Частных заводов в этот период было построено в три раза больше, чем казенных. А всего за полвека возведено 63 завода. Возник новый металлургический район, занявший ведущее положение в горной промышленности России. И в этом немалая заслуга энергичных сыновей комиссара Никиты. Демидовы имели наибольшее число заводов среди частных владельцев — свыше 30. У Строгановых было 12. Остальными владели Осокины, Мясников, Турчанинов, Воронцов, Чернышов.

По производству металла Россия вышла на второе место в мире, уступая только Швеции. Из страны, импортирующей металл, она в XVIII веке превратилась в страну, торгующую им. И здесь особенно ощутимы успехи Демидовых. В 1750 году частные заводы страны давали 1410 тыс. пудов чугуна, из них на долю Урала приходилось 880, а на долю Демидовых — 867 тыс. пудов (с учетом заводов в центре).

СЫНОВЬЯ. АЛЕКСЕЙ НИКИТИЧ. В декабре 1758 года статский советник Никита Никитич Демидов, «чувствуя престарелые свои лета», решил поделить имущество между четырьмя сыновьями (пятый — Василий — умер ранее). Однако сыновья не удовлетворились проведенной жеребьевкой и, с согласия отца, произвели обмен между собой. В итоге Евдоким стал обладателем Людиновской части в составе Людиновского и Дугненского заводов, а также 1749 душ мужского пола. Иван получил Сергинскую часть на Урале с двумя Сергинскими заводами и 826 душ. Никите досталась Шайтанская часть, куда вошли Шайтанский, Каслинский и Кыштымский заводы, и 620 душ. Младший сын Алексей довольствовался Брынской частью, включавшей Брынский, Есенковский и Выровские заводы, парусно-полотняную мануфактуру в Мещовском уезде и 1445 душ.

Дележ наследства каждый раз разрушал сложившийся промышленный комплекс, обеспечивавший равновесие доменного и переделного производства.

Сразу же после оформления завещания Алексей Никитич, получивший в наследство лишь молотовые заводы, обратился в Берг-коллегию с прошением, где писал, что «без домен ему для выплавки в употребление на помянутые молотовые заводы чугуна пробыть никак не возможно». Берг-коллегия разрешила построить на Выровском заводе две домы. Строительство едва завершилось, как вышел новый указ Сената о закрытии подмосковных заводов, куда попадал и Выровский. Указ нанес хозяйству Алексея Никитича непоправимый ущерб. Тягаться с вельможей Шуваловым было бесполезно. Силы Демидовых в третьем колене были уже не те, что у их могущественных предков.

Не помог и указ Берг-коллегии, разрешивший восстановить домы Выровского завода. Даже предоставленная А. Н. Демидову льгота — увольнение в течение 10 лет от уплаты десятины — не компенсировала понесенных убытков. Хозяйство Алексея Никитича медленно хирело. Тогда неудачливый заводчик решил поправить дело сторонними капиталами. В 1780 году он принял в компанию калужского купца И. Н. Коробкова. Но союз оказался недолговечным. Разлад между компаньонами начался сразу

же после пуска заводов. Демидов забирал себе всю продукцию, а в наступивший срок уплаты своего взноса отказался это сделать. Коробков подал жалобу в Сенат. А когда стали разбирать конфликт, то оказалось, что Коробков сам сбежал от заимодавцев, его дом и имущество за неплатеж по векселям были проданы. На грани катастрофы находился и Алексей Никитич, которому предъявили векселей на 40 000 р. Просить помощи у братьев он не стал. Это в роду Демидовых почти не практиковалось. Имена потомков А. Н. Демидова не остались в истории промышленности. Одна ветвь Демидовых-заводовладельцев исчезла. История ее показывает, каким образом потомки знаменитой династии постепенно выбывали из игры.

ЕВДОКИМ НИКИТИЧ И СЫНОВЬЯ. Более удачно вел свои дела старший брат Евдоким, еще при жизни отца и задолго до раздела имущества представлявший интересы фирмы. Он имел обстоятельный план развития своего хозяйства, предусматривая перемещение деятельности на Урал. Здесь он купил за 90 тыс. рублей Верхний и Нижний Авзяно-Петровские заводы. А к началу крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева добавил к ним Кагинский молотовый (1769) и Кухтурский доменный (1773). В ходе восстания все четыре завода оказались полностью разрушенными, причем восстановить удалось лишь плотины, остальное надо было строить заново. Евдоким Никитич сумел в короткий срок восстановить все заводы да еще построить новый Верхнеузянский с двумя домами (1777).

Е. Н. Демидов умер в 1782 году, оставив вдову и шестерых сыновей. Разделу подлежало шесть заводов. Было образовано три самостоятельных комплекса, каждый из которых должны были владеть два брата. Первая, Дугненская часть, оказалась во владении отставного гвардии прапорщика Петра Евдокимовича Демидова. Вскоре он построил Сукремский завод. Однако его финансовые дела пришли в упадок: он не мог уплатить казне и частным кредиторам 400 тыс. руб. долга. Неизвестным способом прапорщик восстановил-таки свой кредит и даже сумел построить Нижнедугненский завод (1797).

Авзяно-Петровскую часть Демидовым сохранить за собой не удалось. Лейб-гвардии прапорщик Василий Евдокимович продал оба завода именитому гражданину М. Губину. Третьей частью, Узьянской и Кагинским заводами, в конце XVIII века владел дворянин Иван Евдокимович Демидов. Эта линия владений также сокращалась и, наконец, иссякла.

БРАТЬЯ НИКИТА И ИВАН. Осталось сообщить о владениях средних сыновей Никиты Никитича — тоже Никиты и Ивана.

Дворянину Никите Никитичу Демидову — так официально называли в документах этого представителя рода в отличие от отца, статского советника — досталась Шайтанская часть на Урале. Поначалу новый владелец, поддавшись наступившей в стране строительной горячке, развернул бурную деятельность по возведению новых и переделке старых заводов. На протяжении двух лет (1759—1760) он ископал три разрешения. Однако аппетиты третьего Никиты далеко превосходили его финансовые возможности. В 1757 году ему пришлось продать Шайтанские заводы гороховским купцам Ширяевым. К концу XVIII века Никита Никитич владел тремя заводами: Верхне- и Нижнекыштымскими и Каслинским. Последний он позже продал по духовному завещанию Петру Григорьевичу Демидову.

Династия уральских горнозаводчиков продолжалась по линии сыновей Акинфия Никитича.

Михаил
ВИШНЯКОВ

Тропой Черкасова

Бальджиканский казачий караул — это самое «убиенное» место во всем обширном Забайкалье.
А. А. ЧЕРКАСОВ

Рисунки
Наталии Петровой

1.

Почти десять лет подряд старший брат Иван подбивал меня на «тропу Черкасова». Сколько упорительных часов и ночей провели мы в зимовьях за воспоминаниями о забытых маршрутах Александра Александровича, известных по старинному изданию «Записок охотника Восточной Сибири». Урюм, Кара, Бальджа — эти названия были куда звучнее и слаще сердцу, чем какая-нибудь Амазонка или острова Кука. Само имя Черкасова стало паролем и тайным знаком принадлежности к кругу бывалых и именитых промысловиков. Вообще, авторитет Черкасова, его наблюдения и мысли о природе и таинствах животного мира и через сто лет уважительно чтут настоящие охотники Забайкалья. Просто добытчик пушны никогда не заденет живую струну в душе, только великий гражданин тайги, ее хозяин и ее дитя, исследователь-удачник и бедолага, щедрый, эмоциональный, зоркий и отзывчивый, мечтатель и первопроходец, народный помощник и радатель остается в памяти времен.

Он — остался, хотя не был коренным сибиряком. Род Александра Александровича по отцовской линии происходил из Пермской, по материнской — из Тверской губернии. Небогатые помещики, офицеры, служилые чиновники, представители горнозаводской технической интеллигенции — фамильные корни Черкасовых ветвились в тех пластах российской жизни, где еще не прервалась крепкая связь с кормовым наделом, пашенной и луговой землей, небольшим участком леса с озерком и речкой. Заядлым охотником был отец Черкасова, любивший не столько промысел, сколько участие в нем, красочные приключения и рассказы о всевозможных обитателях зеленого царства.

После горного кадетского корпуса в Петербурге, поездок на практику в Финляндию и Олонекскую губернию молодой красивый офицер с весьма честолюбивым и гордым характером добровольно напросился на службу в Нерчинский горный округ. «Золотая лихорадка» в Забайкалье только начиналась. Во главе изыскательских партий А. А. Черкасов изъездил и исходил сотни долин и распадков, тысячи таежных ключей, забирался в самые дебри и трущобы глухого края. Шилка и Онон, Бальджа и Шахтама, Кара и Урюм, Зерентуй и Култума видели этого статного, неутомимого, чрезвычайно азартного человека. «Ну, ты, барин, и орел!» — не раз говаривали бывалые следопыты и промышленники.

Забайкальские жители с их давней склонностью к землепроходчеству и некоторому авантюризму в скитаниях, бесстрашно перед лицом дикой природы нашли в лице «барина Ляксандра Ляксандрыча» верного друга и напарника, меткого стрелка и лихого наездника, тонкого слушателя и ценителя охотничьих и житейских историй. А после женитьбы на дочери забайкальского казака Евдокии Ивановой, красавице и приветнице местного населения, судьба Александра Александровича надолго и прочно срослась и скипелась с нерчинско-даурским краем.

Черкасов не только разведал золото на Бальджике и Урюме, он открыл европейскому читателю золотые россыпи и самородки «сибирской Швейцарии» — ее могучую природу, красоту народной жизни, талантливых и необычных людей: казаков, крестьян, проводников, зверопромышленников, эвенков — этих «Дерсу Узала» забайкальской тайги. Очерки Черкасова с их внешне «охотничьей» канвой начали печататься в лучшем столичном журнале того времени — «Современнике», а в 1867 году были изданы отдельной книгой под редакцией поэта Некрасова. А это значит, что и гиганты отечественной литературы Тургенев, Толстой, Тютчев, Лесков, сами заядлые охотники, чи-

тали и знали имя одного из первых певцов Сибири. Журнал «Отечественные записки» в одобрителной рецензии похвалил автора за необычайную свежесть, простодушие и истинность материала. Всемирно известный натуралист и путешественник Альфред Брем, автор «Жизни животных», так увлекся рассказами Черкасова, что, будучи в Сибири, даже ездил с Александром Александровичем на охоту.

Очень жаль, что у нас не хватало ума и памяти поставить где-нибудь на таежном перевале, близ великой дороги на Тихий океан, скромный памятник этому незаурядному человеку, горячему патриоту сибирской земли и сибирской природы. Затерялась могила Черкасова на Тихвинском монастырском кладбище в Свердловске, рассеялся личный архив писателя. Есть только в одном отрада: его сердце и душа нашли приют в Забайкалье, его день рождения — 26 декабря — многие таежники отмечают как День благословения. Может быть, в этом и есть высокий смысл совместного бытия человека и природы — остаться живым для живых на быстротечных пролетах истории.

2.

Между тем горы понизились, тайга как бы осела и просветлилась желтыми языками луговин, перелесками, ерниковыми падами. Ощущение воздуха, простора, светлой распаханности открылось впереди. Машина, проломив лед на заберегах Бальджикана, чихнула и резко взяла на веселый мысок, залитый медовым сиянием солнца, блеском заиндевелой лиственничной коры, праздничным сверканьем наледи, изливающейся самым что ни на есть хрустальным родником.

Две синицы, один поползень и крикливая сойка приветствовали нас дружным переполохом. Ну, вот мы и на месте! Здравствуй, смолостое, в два окна — на утреннюю и вечернюю зарю, веселое и теплое жильё таежников! Здравствуй, брат Бальджикан — кедровый и лиственничный, горный и долинный, с белой шапкой гольца и желто-бурыми увалами у подножья, край изюбра и соболя, рыси и колонка, лося и медведя, один из немногих тихих уголков Забайкалья.

В нашем роду землепашцев, людей довольно рослых, не торопливых на сборы, с тягловыми плечами и тяжелой поступью, старший брат Иван — необычное исключение. Поджарый, подсушенный в плечах, расторопный, прыткий на ногу, с глазами цвета бразильского кофе; глядит остро, чуть хищно и цепко, одет ладно, подпоясан туго — настоящий охотник!

— Во-он, видишь вершину? — Иван показал на далекий зубчик хребта. — Там должен быть увал к южной стороне. Встретимся в полдень.

Я не успел как следует разглядеть хребет, солнце еще не явилось, свет шел неровный, с тенями и сполохами, словно светило раскачивалось на гигантской луке горизонта. Не уточнил взема встречи, не спросил, как быть, если разоидемся, — брат уже рассекал падь летящими шагами.

«Всегда так: путем не договоримся, а я потом мучительно угадывай и разбирайся на месте — тот ли это увал, та ли вершина?» — подсадовал я, может быть, в тысячный раз. Закинув за плечи рюкзачок с котелком и немудреной закуской, я подпер дверь зимовья поленом. Зарядил мелкашку и двинул встречь солнцу.

Богат Бальджикан травостоем, целебными травами и кореньями: сразу за руслом ручья, под северной стороной леса, стали попадаться усохшие стебли «золотого корня» — роднолы розовей, чудодейственные свойства которой особенно ценят тибетские лекари. А на тенистом увальчике пошли заросли левзеи сафлоровидной, больше известной под названием маральего корня. Тут же встретились двести куртины лабазника, среди них пестрели лимонно-блеклые лепестки красоднева. Резко пахнуло чабрецом, его горьковатый и горячий дух постоянно стелется по всему

Бальджикану. Вся земля ископчена тропами и переходами, примята старыми и свежими лежками. Дёрн пружинил мощным слоем стеблей, листьев, опавших соцветий и семян.

По этому увальчику я подобрался к вершине большого сивера и нашел тропу. Хорошо набитая, с осенними вмятинами копыт изюбра тропа вывела из перешеек между двумя гривами отрога. Перед глазами открылись южные безлесые склоны, рассеченные ручьистыми бороздами и распадками. Ярко белел снег в противоположных сиверах, бодрая и звонкая синь установилась в хребтах.

«А это что? Косули или кустарник такой? — даже не подумал, а вслух пробормотал я. — Если вы — косули, то почему не убегаеете?»

Как-то смешно и несерьезно было в первый же день, в первый же час охоты, вот так, не скрадывая, не прислушиваясь к биению сердца, не замирая от каждого шороха, выйти в упор на четырех косуль. Крупный гуран смотрел на меня, козлуха обкусывала кустарник, а еще две блаженствовали на боку. Утреннее солнце стелилось по рыжему склону, маскируя животных под цвет жухлой осенины. Метров за триста косуль и не приметить, а тут — трепещите, охотничьи души! — всего-то шагов шестьдесят. Я замер...

Здесь необходимо пояснение. Моя малокалиберная винтовка ТОЗ 16-01 рассчитана для охоты на белку. Позорно и противозаконно плодить подранков, губить животных, обреченных слабой убойностью этого оружия на мучения и поживу хищникам. Да и лицензия у нас была одна — для Ивана.

Гуран, видимо, впервые встретил такого охотника — пень пнем, только очки сверкают, как две звезды. Зверь поднял копыто, цокнул о землю. Молоденькие косули повернули головы и лениво приподнялись, старая козлуха сделала два-три спокойных скачка, вытянула шею и хватала воздух ноздрями. Но ветра не было, и никакой тревожный запах не дошел до нее.

Я решил проверить животных на чувство опасности. Возле гурана ярко сверкал серо-серебристым боком сухой лиственничный пень. Медленно, по двадцать — тридцать секунд на сантиметры движения, я снял с плеча мелкашку, прицелился в пень. Шелчок выстрела хлестнул по склону, и эхо откатилось вниз. Козлуха спружинила, на задних ногах и за несколько скачков оказалась в яме, заросшей куртинами караганы. Козочки бросились к гурану, развернулись, наострили уши, взбрыкнули и утянулись за матерью. Гуран еще выше вскинул голову, выбросил тело из мелкого кустарника и предстал во всей красе: глаза встревожены, каждая жилка на шее напряжена.

— Гэй! — крикнул я.

Гуран встал свечой, развернулся в воздухе, вытянулся и полетел — только бужанье копыт донеслось из распадка. Минут через пять с дальней гривы отозвалось сердитое «Га-у». Потом второй, третий, четвертый крик. Я стал считать — восемьдесят четыре раза! Никогда до сего времени не встречал таких горластых козлов.

И потянулась моя дорога через несколько крупных распадков с лиственничным молодняком и кремнистыми великанами. Везде чернели рваные вывертны и корчи. Буреломные ветры разбили вершины деревьев, порвали корни с северной стороны, поставили торчмя земляные пласти с рогатинами острых корневищ. За каждым таким вывертнем чудились медвежьи тени и звероподобные головы. Волна тревоги, напруга, может быть, и страха гуляла во всю спину — что бы я смог сделать со своей мелкашкой в этих дебрях? А серо-седые, темно-серебристые космы лишайников чуть шевелились на стволах, а тени от коряг меняли очертания, зловеще и дико закаркал ворон, глухой выдох — может быть, упал старый пень — прошелся слева... Кто бродил в одиночку, тот поймет и гулкие переломы сердца и летучую походку, выносящую из черной ямы, и особую остроту зрения в такие минуты — видишь

словно в четыре глаза. И — дерзкую, пьянящую радость покорения себя, и удивление — вон в какие чертоломные дебри зашел, и живой!

Наконец выбрался на вершину хребта, огляделся: черно-серые валы тайги с постепенным повышением уходили к дальним гольцам. Там чересполосицей сверкало солнце и белыми свечками горели ледники, там бушевали метели, и звонко-сизые продухи, как столбы, тянулись к зениту.

Какой же увал из десятка лежавших передо мной назначил Иван для встречи? Все с зубчиками, все, как братья-близнецы, тянулись острыми гривками, белели сверами, рыжели южными бочинами.

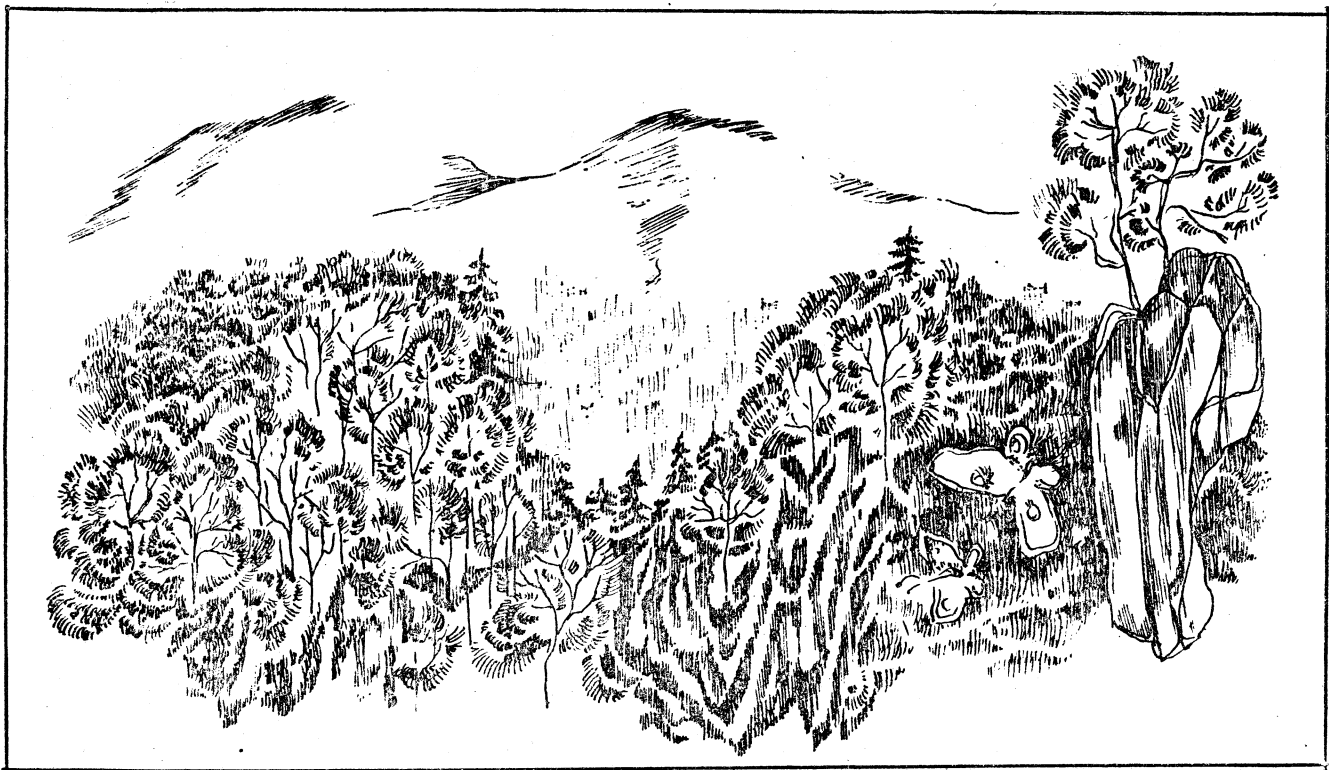
Неподалеку бухнул выстрел. Я пошел на звук и вскоре увидел Ивана. Он стоял на тропе и разглядывал следы.

— Видишь, какие «рога» тут ходили?

да спросить их: кто бывал на тропе Черкасова? Единицы, не больше! — Иван счастливо заулыбался, блеснул своими бразильскими глазами. — Где еще такие хребты? Такой чай с дымом? Такие нежные березы? Чуешь запах? — отгалиной, цвелью живой, юнью юной тянет. Такое в детстве бывает и запоминается, и снится. Какой космос дышит в нас, манит, зовет не то красотой, не то любовью? Забились в каменные дома, закрутились в суете, оглохли вроде. Не-е, я, как те почки, чуть только обмираю, а потом снова проснусь ночью, ворочаюсь-ворочаюсь и выглядываю душой в природу.

— Белки нынче совсем нет, — отчего-то вставил я.

— Да пропади она, эта добыча! Ну, вернемся пустыни, ну и что? Разве в пушнине дело? Пусть душа отдохнет, выкупаются в родном покое, звезды увидит, ветер услышит. Это, как окошки со ставнями: годы да усталость,

Действительно, это была всем тропам тропа: нахоженная изюбрами, кабанами, косулями, рысью и зайцами, со старыми затесами — дремний и генеральный ход из Бальджикана через Хаваргун на Бальджу, на дальнюю Ашингу.

— Так и назовем ее — тропа Черкасова, — предложил Иван.

— Да, другой здесь дороги быть не могло, самое удобное направление между хребтами, — согласился я.

Мы потянулись вниз по северу, отыскивая место для обеда. В ослепительно белом беззьянке остановились, здесь в небольшой ямине, окаймленной желтыми усами осоки, поднимались свежие расплывы наледи. Небольшой ключ был до самых последних дней, наконец водоток перехватило морозом, и вода теперь выпирала через щели тонкой пленкой наледи.

У костра с его задумчивым гудением, смолистым запахом и особой расположенностью к разговорам мы размышляли.

— Вот собрать бы двадцать тысяч охотников Сибири

да наши дурные страсти, как хмурый хозяин, покрывает все ставни — зари не видно. А ветер потянет, щелчки продует, какая-нибудь птица дальнеклет, ручей зажурчит — и упал старень с окошка, далекий свет в душу пошел... Да-а...

Первый день скитаний мы завершили неподалеку от зимовья. Здесь тянулись открытые солнцу увалы. Иван таинственно поманил меня наверх от ключа и где-то на середине склона, в ложбинке, заросшей редкими пучками высокой травы и мелкого кустарника, остановился. Бережно извлек из внутреннего кармана какую-то коробочку, высыпал содержимое на ладонь.

— Семена марьиного корня. По науке — пион необычайный.

— А приживутся?

— Не знаю, но должны бы.

— Если приживутся семена, то это место назовем увалом Розовых пионов? — предложил я.

Мы заделали семена в верхний слой дерна, еще не

смерзшегося на сухом южном склоне. Может быть, лет через пять здесь вспыхнут ярко-бело-розовые маковки ди-ковинной красоты. Внешне они похожи на одичавшие розы. На Бальджикане, среди Медвежьих, Кабанийх, Ры-сьих и иных ключей и распадков вдруг да расцветет увал Розовых пионов...

3.

На третий или четвертый день мы решили идти в дальние леса, за русло речки Кумыл, за самый темный кряж, покрытый непроходимыми дебрями...

Выспались как следует, подъем сыграли в шесть утра. По темноте напились чаю, собрались и резко махнули через широкую пустынную долину. К руслу Кумыла добрались уже на заре и опешили — река бурлила, шумно плескалась в ледяные забереги, вертела мутные воронки, не пускала на тот берег. Наконец Иван отыскал плес со стоячей водой. Здесь мороз успел на небольшом отрезке перехватить русло ледяным мостом. Возле узкой горловины воды и льда Иван без всякой подготовки взлетел в воздух — хрусть-хрясь! — брызги во все стороны! — и его легкое тело уже на том берегу.

— Ну ты даешь! — я прикинул свой вес с рюкзаком, примерился и понял, что грохнусь на кромку, проломлю ее и, как тяжелая булыга, уйду под лед. Лучше уж по центру плеса, по ледяному покрытию. Для страховки нашел длинную жердь и спустился на лед. Он качался, трепетал, как живой, пушинки куржака искрились и двигались, создавая иллюзию плавания в невесомости. Но все обошлось благополучно.

Чем ближе мы подходили к темному дебряку, тем грознее и выше вздымались в небо его каменные ребра. Возле самой подошвы остановились: не одолеть или одолеем?

Позлезли. Пять-шесть шагов — и передышка: сердце заходит, воздуха не хватает. По косулей тропинке. Мимо гранитного выступа до старого пня. От пня до кривой лиственницы, до кустов багульника, до новой косулей тропинки. Дальше оказалось, что склон рассечен поперечным распадком. Вот и грива, можно перевести дух и двигаться дальше без героических усилий.

Только втянулись на гриву, услышали легкий стук копыт.

Иван поднял бинокль.

— Косули! Две, три, шесть!

Я присел на корточки, затаил дыхание.

— Спускайся ниже, пойдем полукольцом. От тебя должны броситься в мою сторону, — свистящим шепотом приказал Иван.

Я обжег какие-то кусты, высунул из-за них. Ну-у, и зрелище: целый табун изящных козочек с крупным гураном во главе пасся на ковыльно-желтом склоне. Солнце золотило точечные шеи и ноги, ласковая осенняя обволакивала землю. Покой и тишина, мягкое пастбище, блаженство раннего утра.

Мне было видно, как Иван выглядывал из-за кромки гривы и опять прятался. Он, видимо, не мог выбрать место, чтобы двигаться скрытно.

И — надо же! — именно в эту минуту в небе появился огромный ворон. Залаял, закурлыкал, застонал над распадком. Гуран шумно выпустил из ноздрей струю пара. Всполошились косули, задвигались, насторожили уши.

— Кгай! — кашлянул гуран.

Косули встрепетались, как бы слились с жухлой осе-нинной и пристроились одна к другой в ломаную цепочку. Влажные, ярко-коричневые глаза, желто-серые спины, нежно-горячие ноздри с легким парком дыхания — я мог разглядеть даже трвинку, закушенную резцами молодой козочки.

Иван не вытерпел и показался вполроста: ружье на изготовку, шапочка на бровь наехала.

— Бяу! — рывкнул гуран и прыгнул почти на меня. От неожиданности я тоже рывкнул, растопырился, сбросил рюкзак. Косули прыгали через меня, обдавали резким запахом пареного сена. Я кричал и бросал в них рукавицами, шапкой, наконец, запустил рюкзаком — только котелок сбрыкал! Да... это пером не опишешь, тут бы кино снимать. Кинокомедию с Чарли Чаплином в моей роли. Иван подошел, хлопнул шапкой оземь.

— Ну почему ты такой везучий? Почему на тебя бегут, а?

— Один мой друг-москвич спрашивал: почему комары кусают летом, а не зимой?

— Ну и что?

— А то, что зимой комары видят — шубу не проку-сишь...

Мы посидели на солнечном увале и решили разойтись на ширину трех-четыре километров.

— А там что чернеет — пень или куст? — спросил я, указывая на осинник у кромки сивера.

Иван мельком повел глазами и в ту сторону, махнул рукой:

— А-а, пень лиственнич.

Я уже пошел своим путем, но вспомнил, что у меня нет с собой спичек. Окликнул Ивана, подошел к нему. Брат отсыпал мне в ладонь спичек, отломил бок короб-ка. Я еще раз посмотрел в сторону осинника, все-таки очки минус восемь.

— Иван, а куда пень делся? Ушел пень-то! — выдох-нул я.

Иван резко дернулся, впился глазами в кромку леса и потерял дар речи: серая тень мелькала по осиннику. Надо же! В ста шагах от нас сидел волк, видимо, наблю-дал косуль. Вот тебе и пень!

«Неужели дурной день сегодня?» — суеверно подумал я и молча ползл поперек склона.

Ключ, в который спустился, оказался непроходимым. Чашоба из ерика, упавшие деревья, мерзлые кочки, рыт-вины от прошлых дождей — какая тут ходьба, глаза выхлещешь, ноги вывернешь. Я решительно взял назад и выбрался на светлый прогал с огромными старыми ли-ственницами. Столетние великаны, патриархи тайги до-живали последние годы: снизу опалены пожарами, свер-ху разбиты бурями, расщепаны молниями. Почти в каж-дом стволе чернеет дупло, тянутся глубокие витые про-точины с наплывами окаменевшей смолы. Какое-то тихое уважение, даже благоговение охватило меня. Может быть, вечная природа напоминала о невенной и хрупкой жизни?

Старая древесина дышала теплой сухью. В морщи-нах и трещинах, как тихий звук или древнее языческое эхо, бродил свет, и казалось, что это — не сегодняшний, а тот, который пришел от сгоревших звезд много-много ты-сячелетий назад. Космос слышал, как говорила земля че-рез вещи трубы этих стволов. Говорила о своих цветах и дождях, о подземной работе корней, о серебряной жи-вице и золотой смоле. Может быть, птицы учатся петь с голоса деревьев, с настроя этого звездного камертона, ко-торый каждую зарю доносит до нас гармонию мира, не-изъяснимую загадку бытия. Почему же шум леса и плеск воды так завораживают человека, так исцеляют и лечат его память и измученное сердце? Ни в одной научной кни-ге не найдешь ответа, лишь музыка леса навеет что-то, даст чуткой душе намек ли, предчувствие ли, пророче-ство...

А день разгулялся — с горьким запахом чебреца, с бе-леющими языками наледей, чуть сиреневым опущением долинных тальников, редкими и пышно-зелеными курт-нинами кедрача.

Я зашел в бело-березовый сивер и вспомнил, что вче-ра мы поправляли мушку на оружии. Надо бы пристре-лять после правки. Прицелился в корень старой березы, выстрелил. Пуля звонко чмокнула в цель. Из-под корней березы, мне показалось на миг, выбилось красное пламя. Еще мелькнула мысль: не загорелась ли береста? Но уже

в следующую секунду сообразил: это — колонок, ржеогненный красавец! В два-три прыжка я был у старого дерева, передегивая затвор и досылая новый патрончик. Но он никак не лез в канал ствола. Колонок тем временем, как огненно-рыжая змея, волнообразными прыжками протронулся по земле и взлетел на соседнюю дуплистую березу. Рыснул по ветке, вернулся, взобрался выше в развилку крупных верхушников. Красный шар на фоне синего неба и ослепительной белизны берез завораживал взгляд. Я раскосил глаза — один на колонка, другой на затвор. В чем дело? Рванул затвор назад, заменил патрончик — не лезет. Растерянный, вспотевший, бросил мелкашку на землю, подбежал к березе. Полет колонка напомнил падающую шаровую молнию. Каждый волосок искрился, играл, пускал электрические лучи и радужное свечение. От развилки до дупла было метра два, мне же показалось, что зверек летел долго-долго, словно демонстрировал свой нарядный мех. Ну, хорошо, голубчик, походи в дупле, а я займусь оружием.

Приглядевшись, я заметил на обрете патронника какой-то серый ободок. Как будто в канал вставлена дополнительная втулка. Я напряг зрение, наконец сообразил: после выстрела, при виде колонки, в азарте я так рванул затвор на себя, что оторвал заднюю часть гильзы. И теперь в стволе, действительно, образовалась дополнительная втулка — ни назад, ни вперед ее не вытолкнешь.

«Дурной день, черный день», — завертелось в голове...

Разведя костерок, мы больше часа выковыривали злосчастную гильзу из ствола с помощью лезвия для консервов. Дальше все пошло-поехало наперекосяк: я дважды смазал по рябчикам, Иван промахнулся в зайца. Я вывернул ногу в коленке, Иван порвал штанину. Но и на этом наши злоключения не кончились. Видя, что я прихрамываю, Иван предложил мне идти на зимовье.

Я спустился вниз, и, как предполагал, нашел хорошую тропу и довольно рзвжо покатылся вниз. Вот и долина, вот и русло реки. Теплый день расквасил снег в сиверах, подточил и обрушил лед. Минут двадцать я искал переправу. Мне повезло: крупная верба днем обрушилась с берега на берег. По этому надежному мосту я перебрался через речку, стал дожидаться Ивана.

Через час день стал догорать, от гор протянулась огромная тень, подул низовой холодный ветер. Вот и шесть часов, начало темнеть. Я решил медленно идти на зимовье, двести — триста метров ничего не решат, голос у меня зычный, докричимся. Через триста метров я остановился. Бросить родного брата в тайге? Меня аж морозом продраило. Стал кричать, стрелять в воздух — тайга молчала. Через полчаса я охрип, разболелась нога. А вдруг Иван загнал соболя в дупло? Да его теперь никаким трактором от дупла не оттащишь. Разведет костерок, переночует. Да и чем я здесь, среди пустой долины, помогу ему? Лучше идти на зимовье, брать фонарик и ковылять к соседним охотникам, у которых есть лошади. На лошадях и поедем искать. Да, это единственно верное решение...

И вдруг на зимовье бабахнул выстрел. Мелькнул свет фонарика, и вскоре мы встретились

— А я спустился по другому распадку, кричал, стрелял, ты не отзывается. Полхожу к избушке и вижу, что дверь подперта. Аж сердце колынуло. Схватил кусок хлеба, рюкзак, фонарь, выстрелил и побежал, — торопливо выдыхал он. — Неужели ты выстрелов не слышал?

— Не слышал, брат. Это все черный день, дурной день. Хорошо, что все хорошо кончается.

4.

Сон на таежной заре сладок и розов. Можно слушать малиновые звоны родника, первую переключку синиц, игру ветра с хрусталиками инея. Вот уж поползень Яшка запархал над продуктовой полкой и устроил себе дармовой

завтрак, уже начали перебранку сойки. Гулко, с мелодичным эхом отстреляла наледь на Бальджикане, просвистели крылья сокола. Золотой звон воздуха и синий таинственный гул азиатского неба, острые лучинки зари, ленивое и затаенное обмирание осенины — все слышится или чудится или видится сквозь ресницы.

Наконец я открываю глаза: алый брусок зари бьет из восточного окна и пересекает меркнувший отсвет западного оконца.

В это утро мы поднялись с особым настроением. Вскипятили воду на чай, в заварку накрошили мелких кусочков чаги, ритуального и экзотического продукта сибирской тайги. Некоторые охотники ценят чагу, как женьшень: мол, восстанавливает силы, лечит язву и гастрит, стимулирует умственную деятельность, а главное — никогда не заболешь раком. Другие люди уверяют, что чага отводит электричество, снимает печаль и даже... утихомиривает злую тещу. Не знаю, не знаю... но думаю — что не вредно, то полезно.

После завтрака я взял ведро и пошел к роднику. За вечер мы выпивали это ведро полностью. Такой сладкой, живой воды я не встречал со времен детства. Родник уникальный: бьет из-под самого бугра, но вода не опресненная, не из мертвых ледяных горизонтов, а из какой-то подкорневой жилы, богатой микроэлементами, мягкой и целебной силой тайги. Родник дышал, сверкал и гнал напористую струю по деревянному желобу.

Кроме поползня Яшки мы с первых же дней познакомились с кургузым и лихо раскосым, совершенно растрепаным и хулиганствующим зайцем Коськой. Он жил рядом с зимовьем и каждое утро вылетал из-под ног, как камень, брошенный кривой рукой. На скаку заяц заносило в какой-нибудь куст или на горелый пенек. Обшарпанный, измазанный в саже, Коська порой разворачивался назад и снова вылетал кривой загогулиной на Ивана. Иван пробовал стрелять в зайца, но несколько раз не успевал, потом стал смеяться, привык к утренним проделкам ушастого.

Наша лайка Байкал сразу же возненавидела кургузого. Только мы выходили из зимовья, пес начинал крутить мордой, сердиться, делать разбегающе-тормозящие фигуры, вставать столбиком, идти юзом. А Коська уже выглядывал из-за лиственницы и с мстительным наслаждением поджидал нас. Когда до Байкала оставалось шагов пятнадцать-двадцать, белая растрепанная вылетала на вид, фыркала и давала газу вдоль кромки леса. До дальнего косогора продолжалась принципиальная погоня, но там Коська делал что-то такое, от чего Байкал отставал, лял со смущенной хрипотой и возвращался к нам. Это живое кино продолжалось до конца охоты. Может быть, и зайцу, и собаке нравились утренние пробежки? Не знаю, врать не буду, но через тридцать дней, во время отъезда, мне показалось, что Коська был грустным, с отвисшим левым усом и маленькой слезинкой в глазу. Где ты сейчас, веселый и ушастый зайчишка?

...Дни Большой Охоты пришли в тайгу. Наш сосед Куприянов взял первого соболя, соседи справа, братья Михайловы, добыли медведя, изюбра и кабана. Промысловик Токтоев за один только день спрымышлял рысь, кабаргу, двух соболей и колонка. Разошелся знаменитый соболятник Быков. Грузовики с мясом, камусами и дорогой пушнинной зачистили из тайги в склады госпромхоза. По оценкам знающих людей, бальджиканская тайга, примыкающая к Сохондо, не стала беднее, чем во времена Черкасова. Во-первых, сто лет назад на Сохондо не было заповедника. А теперь в сейфе директора заповедника лежит документ, подписанный Генеральным директором ЮНЕСКО Амаду-Махтар М' Боу, где удостоверено: «Международный координационный совет поверенной ему властью объявляет, что Сохондинский заповедник СССР признан частью международной системы биосферных резерватов. Эта система охраняемых эталонов мировых экосистем выделена для консервации природных объектов и

научного исследования». Исполнилась мечта многих поколений исследователей о том, чтобы уникальная горная страна Сохондо стала заповедной. Отсюда широко расселяются по забайкальской тайге не только соболи, лоси, медведи, рыси, изюбры, но и беркуты, орланы, самый быстрый сокол мира — балобан. Шур, клест, розовый урагус, сибирская чечевича, овсянки и ополовники, желна и чечетка — почти сто шестьдесят видов птиц встречаются на территории заповедника. Есть даже свидетельства, что видели в здешних краях редчайшего, воспетого в былинах и сказках белого кречета.

Во-вторых, богатства Бальджиканской тайги возросли за счет уменьшения населения, закрытия золотых рудников и присков на россыпях, которые открывал и исследовал Черкасов. Да будет благословен этот край еще на тысячу лет вперед!

...Штормовое предупреждение свалилось, как снег с ясного неба. Диктор читинского радио стал обещать ураганный ветер, метель, обледенение дорог.

Иван крутил колесико транзистора и, как истинный забайкалец, лукаво посмеивался: ладно, мол, пугать-то, подумаешь, беда какая — снег да ветер! Но, подумав, мы возвратились в зимовье. Принесли воды, накололи дров, приготовили обед. Еще за столом услышали, как далеко в тайге зародился глухой, рокошущий звук, похожий на эхо аэродрома.

Я вышел на крыльцо. Свет солнца убавлялся, хотя ни облачка не было над головой. Сиротливо обвисли ленты старой коры на ильме, погас блеск серобородника, тонко запел вихор ковыля-волосатика. Лайка свернулась в белый клубок, спрятала морду в пушистый хвост. Никакой резкой волны ветра не донеслось, он как бы возник вокруг зимовья, воспарил из жухлой травы или поднялся от родника. Полетели сожинки, мелкие иглы и листья из ближнего леса. Качнулся клок рубероида на крыше, а печной дым сник, стал вейтя сажей и золой.

И вот словно белый взрыв разнес вершину гольца — к зениту бросило ослепительные полосы, которые свивались в серебряные жгуты и завертки и раскручивались по горизонту. Сизые продухи открылись над гольцом, в них тревожно выигрывало солнечное вещество с бусыми пятнами, столбами, скалами. За какие-то пять минут все изменилось, взъерошилось и напружинилось. Мощные валы густого ветра пригнули сопки, вытянули их вдоль Бальджикана, нахлобучили северные склоны на южные. Это был уже не ветер, а сухая буря.

Мы занесли в зимовье все снаряжение и запас продуктов. Подбросили дров в яростно гудящую печь, устроились на теплых нарах.

— Да-а, сейчас не сладко в хребтах. Может зашибить какой-нибудь буреломной вершиной или задавить гнилым великаном, — задумчиво и понимающе вздохнул Иван.

— А ты не заметил, что в последние годы природа как бы ожесточилась: ливень — так обломный, ветер — так ураган, снег — так лавина небесная! Раньше природные явления были мягче, добрее к земле и человеку.

Резкий удар потряс крышу зимовья, клочки мха и пакли, которыми законопачены щели, посыпались с потолка.

— Так вот, — продолжал я. — Надругательство над природой в глобальных масштабах порождает ответную агрессивность климата. По всей Сибири безжалостно вырубается леса. На Урале исчезают птицы. Кузбасс превратился в газовый крематорий. То мелеет, то бушует Волга. Погиб Арал. В опасности Байкал. Гибнет кедровое кольцо вокруг Телецкого озера. Посмотришь на землю — живого месга нет. Что это — общее сумасшествие или сознательно подготавливаемый конец света?

— Не знаю. Видимо, чтобы донять беду, надо наклониться над самым краем пропасти, — печально сказал Иван.

Новый удар ветра качнул зимовье, распахнул двери. Мы выглянули наружу: ураган корежил тайгу, с ревом и

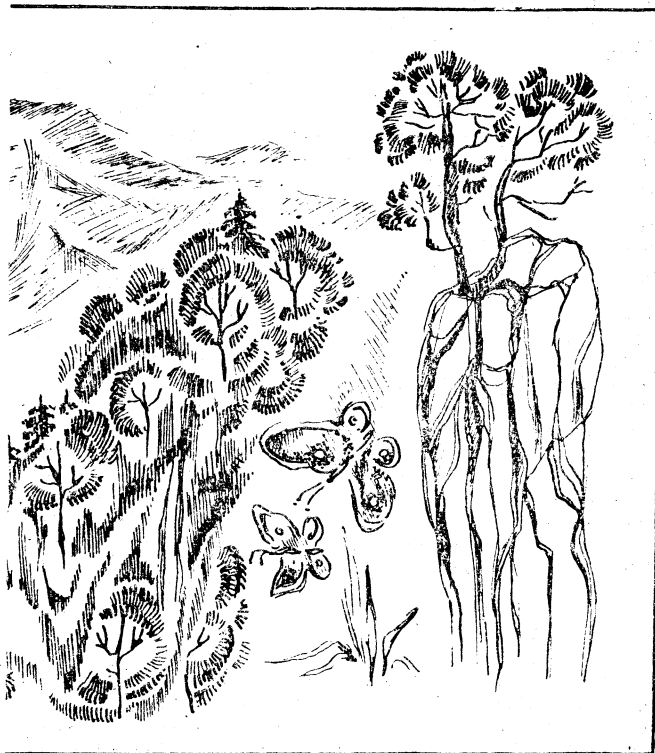
черными комями земли летела по соседнему склону вырванная с корнями лиственница. Трескались, падали старые деревья. Низкий и грозный ветровал шел от гольца, взрывался в распадах, вымахивал вверх с реактивным барражированием. Стихийное бедствие нарастало...

Целые сутки бушевала непогода. Целые сутки боролись деревья за право стоять на кручах и в долинах суровой земли. Слабые упали и закончили свою жизнь. И только сильные, с мощными корнями и живой сердцевиной, обветренные и налитые здоровьем остались на земле продолжать ее вечную и таинственную жизнь. Жизнь в борьбе и цветении, яростном перехлесте стихийных и разумных сил бытия. Как это похоже на человеческое общество!

...Всего не расскажешь, друг-читатель. В Бальджиканской тайге я провел лучшие дни за все последние годы. Здесь, по словам Черкасова, «вся душа выходила нараспашку». Приехал на зимовье с большим сердцем, с полиэтиленовым мешочком таблеток и капель, я так ни разу и не воспользовался лекарствами. Вечно синее небо, да воля, да целебная тишина успокоили сердце. На одном дыхании я штурмовал крутяки, много и резко ходил по хребтам и каменистым россыпям, как добрая гончая, бегал на залистый лай Байкала. Тридцать дней на свежем воздухе да со свежей и ясной головой — это редкая роскошь в наше время. Яркое и эмоциональное восприятие природы начинается в детстве, а вот понимание приходит позже, когда увидится жизнь в оба конца, когда с болью и любовью можно сказать березе: «Что, сестренка, переживаем, а?»

Остались на Бальджикане наши, не ранившие землю следы. Сладко спит и ждет первого цветения увал Розовых пионов. Убраны буреломные деревья с тропы Черкасова, и потушены голубые костры. Прощай, брат Бальджикан! Прощай, чтоб долго и бережно хранить в памяти твое звонкое имя.

*Бальджикан — Кыра — Дарасун — Чита
Октябрь — декабрь 1988 г.*

Здесь Отечества ДЫМ...

МАТЬ-ПРОВИНЦИЯ

1.

На стороннем веселье
И сам-друг с маею
Нипочем не забуду,
Кто я есть и откуда.
Всей душою досель я,
Мать-Провинция, твой!

Пусть живешь небогато,
Здесь Отечества дым.
Покидаю столицу
В навий день, в Радуницу —
Мне к родителям надо,
К двум могилкам родным.

Тишина там святая.
Но в весенней ночи
Сонно утка прокрячет,
Горько чибис заплачет,
Над болотом летая:
— Чьи вы, чьи, москвичи?

2.

Как березке, рябинке
И себе объяснить,
Что в Москве из глубинки
Пол-Москвы, может быть?

Ведь родной, неплакатный,
Безземельный народ,
Как песок перекатный —
Жди, куда занесет!

Душит русское поле
Дикорост наяву...
Ну а вольному — воля:
Хоть в Сибирь, хоть в Москву.

ПРОЕЗДОМ

Стоянка автобуса двадцать минут,
покурить я могу.
Дымятся покрышки колес —
отдыхают они,
остывают на мокром снегу.

Обычный поселок.
За ним элеватор вдали —
Храм хлеба,
Храм веры в пока что родящую
силу земли.

Над сквером замыганным
поднял линияльный свой флаг
сельсовет.

Под небом, под флагом
сидит в одиночестве дед.
Не раз его в жизни, наверно,
лишь Бог один спас,
Но он без укора

глазами младенца
глядит и на мир, и на нас.

Распутица.
Пять пожилух месят грязь —
на вечернюю дойку пора,
А их телогрейки
еще не просохли с утра...

Опять, что ли, клясться,
что я этим людям родной,
Когда мое сердце полно
и стыдом, и виной.

Виной перед ними,
стыдом за себя и за них,
Что жизнь замирает
на этих суглинках глухих?!
Калач горожанам к обеду
сулит элеватора вид.

Мне что?
Я отсюда уеду.
Мне что?..
Вон — автобус гудит.

ЗАСТОЛЬЕ

*Если б гармошка умела...
(из песни)*

Нынче гармошка едва ли
Встрянет в застолье родни.
Что мне — другой нет печали?!
Выпьют, закусят вначале
И расшумятся они.

Тесть мой — он лидер бессменный, —
В сталинский тычет портрет.
Зло возражает сосед...
Маленький митинг семейный
По материалам газет.

Словно застолье не в радость,
Гневен и этот, и тот.
Грозной полемики градус
С каждою рюмкой растет.

Выдох:
— Молились Иуде!
Выкрик:
— Дурак ты на блюде,
Топай-ка — знаешь куда!..
Ссорятся русские люди.
Вот бы гармошку сюда!

РАЙОННЫЙ АЭРОДРОМ

Ты с Домодедовым не в споре,
Но человекнее стократ,
Аэродром, вернее — поле,
Где «кукурузники»
Пылят.

Где касса в домике приветном
Среди цветов и спелых трав,
Где на шесте горячим ветром
Набух матерчатый рукав.

За полем манит лес малиной.
А здесь скучающий пилот
Шагнет и синею штаниной
Дым с одуванчика собьет.

Он молодой еще пилотик,
Но весь его спокойный вид
Нам говорит, что самолетик,
Быть может, даже прилетит.

Пять пассажиров нас в тенечке,
Все друг у друга на виду...
Радеет дед о младшей дочке:
— Вишь, прижилась в городе!

Свезу ей ягодок да рыбки
И повидаюсь заодно...
И космос чувств в его улыбке,
Познать который не дано.

БЕЛАЯ НОЧЬ. ПОЛЕТ НАД ТУНДРОЙ

На той широте высокой,
где властвует Гиперборей,
Где лед подо мхом бессмертен
в придуманных нами веках,
И где с высоты озера —
похожи на диких зверей,
А грозные боги тундры
ворочаются в облаках,
Завис вертолет над ржавью
болот и над синью озер,
Для северного пилота
ни бога, ни черта нет!
И белая ночь, и небо —
рабочий его простор,
И трепетен, и уютен
приборов зеленый свет.

Но под фюзеляжем тундра,
О ней забывать нельзя:
Болото, опять болото...
И вдруг синева вздохнет,
Охватит его кабину,
И в той синеве — друзья —
Пилоты и бортмеханик,
Что в вечный ушли полет.
И дрогнет тогда машина,
свой голос сорвет на миг
И прынет к земле — навстречу
древнейших времен зверью.
Но тут же рывком осилит
небесных потоков стык,

Где воздух течет к закату
И в утреннюю зарю.
А я этот стык запомню.
Там к жизни особый счет.
Там время идет на время,
Там вольных пространств разлом...
Как тянет нас день вчерашний!
Как завтрашний день влечет!
Времен завихренья надо
Преодолевать рывком!

1.

Раздолье для Ньютонов.— Петров проводил взглядом падающее яблоко.— Интересно, куда они потом пропадают? Деревья ими усыпаны, а в траве — раз и обчелся.

Женщина вышла на крыльцо.

— Все, теперь можете жить. Я ведро там, в углу, поставила, не мешает?

— Не мешает.— Вставать со скамейки не хотелось.

— Вам как удобнее, чтобы я убирала — вечером или утром?

— Вечером.

— Ну, я завтра и приду вечером, часам к восьми, хорошо?

— Хорошо.

Она сошла по ступенькам, нерешительно остановилась около скамейки.

— Можно, я завтра свекровь приведу? Давление у нее что-то скачет.

— Приводите. Всех смотреть буду, так что кого увидите — всех зовите. С восьми утра и натошак.

Петров смотрел вслед женщине, как шла она по узкой асфальтовой дорожке, вышла через калитку и ушла вправо, в село. Надо работать.

Он встал, поднялся на крыльцо. Веранда пахла хлорамином, полы блестели от воды.

Пройтись, что ли. Хозяин усадьбы. Петров посмотрел на лист ватмана, вывешенный у двери. «Врачебный пункт». Тушь черная, спокойная.

Сначала — дело.

Он прошел через веранду в комнату. Стол, кушетка, стулья. Вдоль стены — контейнеры-укладки — дар армии. Дареному коню... Даже если этих коней все время сводили с твоего двора. Крышка легко откинулась. Красота. Другая укладка, третья. Все готово к работе. Что хорошо, то хорошо.

Вторая комната — жилая. Кровать, стопочка белья. Шкаф. Петров открыл дверцу. Пусто, только вешалки болтаются. Скелетов нет.

Одежду из чемодана он повесил на плечики, застелил постель, на тумбочку у кровати положил книги и приемник. Все. Устроился — в первом приближении. Связка ключей напоминала о еде. Так, этот — от столовой. Двадцать метров по дорожке, скрип замка. Зал на сто мест — легкие пластиковые стулья, столы, покрытые пылью. Кто и когда на них сядет? Кухню, похоже, успели прибрать, палец не оставил следа на столе. Петров повернул рубильник. Заурчал холодильный шкаф, засветилась лампочка, тусклая и ненужная посреди солнечного дня.

Он отключил ток, вышел. Зелень парка веселила. Душ. Теплая вода, разогретая солнцем, омыла руки. Чисто. Хорошо.

На асфальте лежали листья — еще и прошлогодние. Он был один — в большой усадьбе, с заросшим и одичавшим садом, парком, десятком новых, под Швейцарию, домиков, столовой, баней, душем, старым помещичьим домом, часть которого он и занял под медпункт.

НОЧНАЯ СТРАЖА

ПОВЕСТЬ

Василий
ЩЕПЕТНЕВ

Рисунки
Игоря Кожевникова

Когда-то здесь жил помещик-писатель народного толка, успевший умереть до революции, потом была коммуна, еще что-то, а лет десять назад открылся пионерский лагерь. На усадьбу претендовали еще и писатели — природа-река, заповедник, — но дети держались, строились. Теперь всех увезли оздоравливаться за тысячу километров. Судьба села пока неясна, будут, наверное, переселять, но куда? Когда?

В парк вела аллея, столетние деревья соседствовали с электрическими фонарями, подделанными под старину.

Петров пошел к воротам. Старые облешие стены призывали играть в шахматы, любить Родину и бечить природу.

Дорога из лагеря до села была короткой — метров двести, мимо пруда, на берегу которого пара рыболовов молча смотрели вслед Петрову. Село было тихим — дети отдыхали у моря, взрослые работали — кто в колхозе, кто на своих полях.

Сельмаг — старый приземистый домик грязно-серого цвета, встретил Петрова бумажкой, на которой от руки фиолетовыми чернилами было написано:

«Отпуск продуктов по карточкам всех категорий будет осуществляться при наличии справки о прохождении медосмотра».

Эк они как! Он попробовал открыть дверь — напрасно, заперто хорошо. Проходящая мимо бабка сказала:

— На свекле она, будет после шести. — И пошла себе дальше. Петров двинулся за ней, но быстро отстал — спешить было некуда и незачем.

Сельсовет был посвежее сельмага — подкрашен, подбелен, а главное, дверь была открыта. Объявление повторяло магазинное. Коридорчик привел в комнату, где за новеньким полированным однотумбовым столом сидела женщина, очень похожая на Агафью Тихоновну из телесериала «Женитьба ревизора». Выражение скуки погасло при виде Петрова.

— А, товарищ врач, здравствуйте! Как устроились?

— Нормально. — Петров сел на стул, тоже новый, но уже шаткий, скрипучий. — Мне нужны списки жителей.

— Как же, как же, у нас все готово. — «Агафья Тихоновна» вытащила из ящика стола тонкую папку. — Всего сто сорок шесть человек. У нас к вам просьба — сейчас уборка, и вы, пожалуйста, побыстрее осмотрите колхозников, с утрачка, до начала работы, а фермеров потом, они на своих полях навестают.

Петров открыл папку, полистал.

— Людей вы известили?

— Да. Объявление повесили, повестки разнесли, в бригадах предупредили — с нас ведь район сроки спрашивает. И, конечно, их в магазине не отоварят без вашей справки.

Она помолчала, будто хотела что-то вспомнить, затем спросила:

— Вы надолго к нам?

— Пока на месяц, а там — как придется.

— Да, конечно — Женщина встала со стула, пошла к небольшому сейфу в углу комнаты.

— Вот вам на месяц карточки, без них у нас и купить нечего. Надо будет еще — заходите, у вас ведь хозяйства нет своего.

Петров аккуратно сложил в бумажник разноцветные листочки.

— Если в область звонить, так прямого телефона нет, только через район. Мы не подключили пока линию, монтер из района болеет, так что если надо — звоните отсюда.

— Ладно. — Петров встал. — Завтра с утра начну осмотр.

— У вас от перхоти в голове что-нибудь есть? — «Агафья Тихоновна» явно заскучала.

— Есть, приходите.

Перхоть ее беспокоит. Неприятная штука, конечно. Он возвращался к себе (себе!), опять мимо пруда, с теми же старичками-рыбаками.

Асфальт кончался у лагеря, дальше тянулась пыльная грунтовка — к полуразрушенной церкви и куда-то дальше.

Сходить посмотреть? Идти недалеко, минут пятнадцать несчастливым шагом.

Потом. Все потом. Дня за три проведет осмотр, а потом целый месяц — лес заповедный, река, пруды, развалины вот эти. Просто мечта горожанина. Спасибо комиссии. «Население тех мест, которые были подвержены неблагоприятным факторам, получают все необходимое — чистое питание, оздоровительные мероприятия, квалифицированное медицинское обслуживание. Своевременно будет решаться вопрос о необходимости изменения месторасположения отдельных населенных пунктов». Грамотен. Благотетели народные. Распилили по наиболее зараженным местам три сотни врачей — ну и что?

Петров толкнул калитку, прошел в дом. Шесть часов вечера. Он посмотрел на стоящую в углу канистру. Двадцать литров сидра на месяц. Три стакана в день. Народная медицина в народном исполнении. Подарок родителей, они живут в чистой части страны. Проверено у радиологов.

Стакан наполнился светло-желтой жидкостью. Просто анализ мочи, да и только. Свинские мысли.

Он сделал глоток, другой. Сколько тут спирта? Градусов семь, восемь, не больше.

Со стаканом в руке он сел на скамейку перед домом, раскрыл номер «Независимости».

Скамейка через полчаса показалась жесткой.

Вечером он обживал усадьбу — сходил в душ, столовую, побродил по парку.

Ночь подошла, шорохи одиночества долго не давали уснуть.

2.

Он сидел на диване, гладил толстого Бобку — чепрачного крыса, довольно попискивающего на коленях. По ковру подкрался кот, крыс метнулся в угол, кот за ним, а он, пытаясь спасти крыса, все тянулся и тянулся в щель между стеной и диваном, пока оттуда не вышел крыс — без головы, из шеи тонкой струйкой текла кровь, оставляя след на ковре, по которому крыс, покачиваясь, шел на задних лапках, кружась по комнате.

Часы заиграли музыку, и Петров, проснувшись, не мог отойти от гадкого ощущения, что сон этот — и не сон вовсе, но еще до второй чашки чая чувство

это поблекло и ушло вслед за другими снами, пере-виденными за тысячи ночей.

3.

Ура... Активный этап работы выполнен. Петров поставил микроскоп в футляр, закрыл журнал. Лимфоциты продолжали ползать по сетчатке, раздражая мозг.

Три ударных дня. Осмотрены все. Пять человек — в область, остальных можно считать здоровыми — по новым нормам Минздрава.

Хватит. Теперь — деревенская жизнь.

Он прошел в столовую, разогрел обед. Приблудная кошка заскреблась в дверь, выпрашивая кусочек рыбы. Петров смотрел, как она вылизывает жестянку. Кошка как кошка. Не худая. Мышей, наверное, ловит. А инстинкт и ее зовет к чистым продуктам.

Чай на дистиллированной воде. Фирменный напиток. Хороший дистиллятор, армейский.

Таблетка — блокатор радионуклидов. Рутинная процедура, как чистка зубов. Зато чай хорош, особенно цвет.

Он посмотрел на часы. Можно и погулять.

Скрипучие ворота открывают мир. Направо — село. Зачем?

Петров сошел с асфальта налево — на грунтовую дорогу, местами поросшую травой. Толстая полевка пересекла путь. Как ей тут живется, столько лейкоцитов в крови? Долго еще ерунда будет в голову лезть?

Полуразрушенная церковь стояла чуть в стороне, дорога, минуя ее, спускалась к кладбищу. Великова-то оно для сегодняшней Раптевки. И церковь — какой она была раньше?

Позвякивание отвлекло взгляд от развалин. Человек ступал твердо, в руке — ведро, из него торчала ручка кисти, одежда заляпана серебряной краской.

— Здравствуйте, доктор. Не узнаете? Конечно, нас вчера полсотни перебивало. Петр Семенович Папкин я, пенсионер.

— Здравствуйте.

— Интересуетесь развалинами нашими? Это сейчас населения тут всего ничего. А раньше — до пятисот дворов было, значит, тысячи три, не меньше. — За взглядом его, прямым и бодрым, чудилась тоска — будто два разных человека смотрели сквозь одни глаза. — Да, было село когда-то большим. А теперь — так, не село даже, а деревенька. Знаете, в чем разница? Есть церковь — село, нет — деревня. На старых могилах даже мрамор лакросский стоит. Сейчас на него очередь в облизполкоме для больших чинов, что там... — Он перехватил взгляд Петрова. — Это я могилу жены в порядок приводил. Ограду подкрасил, то, се. У пенсионера время есть. Ну ладно, не буду вам мешать.

Шаги быстро стихли, а скрип ведра еще долго царапал слух.

Петров подошел к церкви — к тому, что от нее осталось. Толстые стены, пустые окна. Внутри свет из пролома купола. Запустение. Птичий по-

мет устилал все вокруг. Наверное, тут его — тонны. Высококачественное удобрение, недаром местами видны следы лопаты — брали на пробу, видно. Распробуют — подчистую выметут.

Ладно, отметил.

Открытое небо, свежий воздух — вот уже и приятно. Как мало человеку надо.

Он стал спускаться вниз, к кладбищу. Крапива выше человека, сквозь нее иногда проглядывали кресты и пирамидки — не старая, но запущенная часть кладбища. Осторожно раздвигая стебли, он пробирался мимо заржавленных оград, полуразрушенных надгробий. А, вот — черные кубы, вросшие в землю. Это и есть лакросский мрамор? Выбитые буквы обозначали живших когда-то людей. 1832—1912. Неплохо. Долго жил и вовремя умер. Родные смогли поставить памятник, не спрашивая разрешения облизполкома. Что с ними стало?

Угадывались и другие памятники, но усталость начала заполнять Петрова.

Слишком много вопросов. Жили люди и жили, кто лучше, кто хуже.

Он шел уже мимо новых могил, еще ржавчина не проникла сквозь краску. Где-то здесь и знакомец-пенсионер ухаживал за могилой жены. Отставник, кажется, ему всего около шестидесяти.

Даты. Десять, тридцать, восемьдесят лет. Все возрасты покорны смерти. Хотя есть какие-то пропуски. Совсем отсутствовали тридцатые годы. Не умирали, что ли? Или не хоронили? Или следы надписей стерлись?

Пустое умствование. Он повернул обратно. Черный силуэт церкви на предзакатном небе, безлюдье, крики парящих галок угнетали, захотелось людей, смеха, музыки, хорошей еды. Нет, о еде лучше не думать. Опять каша из пакетика да морская капуста. А, может, половить рыбки, сходить за грибами, купить курицу?

Вдали тархтел комбайн, ветер сносил мельчайшую соломку, и пылевой слой тянулся на сотню метров, высвечиваемый низким солнцем.

Интересно, куда это все идет? Зерно — на длительное хранение, а потом скоту — положим. А мясо, яйца, молоко? Только лишь служебным собакам? Сколько же их, собак этих? Проверь, попробуй, что достается им, что попадает на рынок, а что добавляется в те же консервы и суповые пакетики.

Молчаливый лагерь встретил его безразлично. Тепловатый душ придавал бодрости и разбудил голод. Ужиная, он поставил рядом для компании транзистор. Стакан сидра отбил неприятный вкус концентратов, слегка согрел и ободрил.

Под тихую музыку он шел из столовой, темнее небо располагало к мечтаньям и приятному общению, а впереди был долгий одинокий вечер.

Петров походил по комнате, постучал ногтем по стеклу барометра, но стрелка не шевельнулась и продолжала указывать «ясно». Когда он взял пикадоровский том Хэммета и читал, пока часы не пропищали полночь. Еще один, заключительный стакан сидра — и можно ложиться спать.

4.

Он третий раз намылил руки. Глупо, конечно, ничего на них нет, но мерзкое чувство прикосновения злосчастной рыбы заставляло вновь и вновь мыть пальцы, ладони. Порыбачил, называется. Началось то как славно — пять карасей один к одному, граммов по двести каждый. А у шестого он разглядел, когда начал сниматься с крючка, лапки, растущие рядом с плавниками... Гадость.

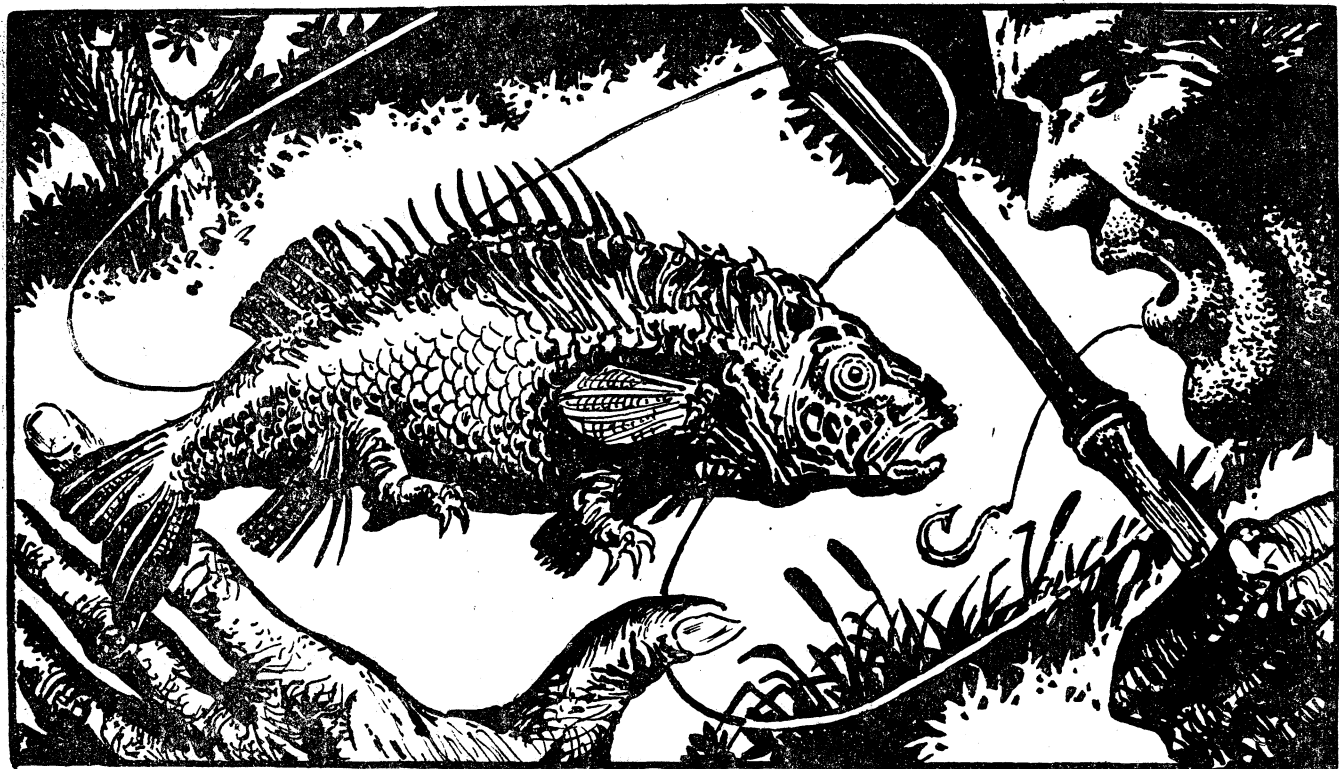
от первого издания, а впереди — экранизация, агент закидывал удочку насчет нового контракта, но нужно обождать, осмотреться.

Петров зашел в ресторан, заказал икру, шампанское и еще что-то вкусное: за столик подседа дамочка, он налил шампанского и ей...

Звук шагов пробудил его от дремоты. Краски дня были и здесь, а все остальное исчезло. Жаль. Какие они на ощупь, доллары?

От ворот к нему шли двое — давешний отставник и вместе с ним — высоченный длинноволосый парень.

— Здравствуйте! — Оставник шел чуть впереди. — Привел вот вам больного.

«Оладьи картофельные» вышли какими-то бесформенными, но вкус оказался приемлемым. Петров, отмывая сковородку, краем уха слушал умные рассуждения из приемника об аварии в московском метро, перемежающиеся с воспоминаниями очевидцев, уцелевших в катастрофе.

Теплое солнце, безветрие, чувство сытости клонило ко сну. Он вынес из комнаты байковое одеяло, постелил на скамейку. Шелест листьев, птичьи крики — общение с природой. Он прикрыл глаза. Солнце сквозь мельтешащую листву усыпляло.

Через минуту он уже шел по Москве, насыщенной красками, плакатной и чистой: на углу Почтмейстерской и Проезда яркие, светлые дома манили музыкой и огнями, странно видимыми в полуденный час, кафе под тентами заполняли пространство, вода в фонтанах была живой от радости. В карманах хрустели доллары — взял из банка толику, и это только

Петров встал, окончательно порывая со сном.

— Ну, идемте.

Они прошли на веранду. Петров сел за стол, кивнул на стоящие рядом стулья.

— Что случилось?

— Да вот племянник расцарапал чем-то вчера руку.

Запах самогона плыл от больного.

— Это он лечится так пытается, вы уж извините, доктор.

Племянник засучил рукав рубашки.

Пятно походило на крысу, вгрызшуюся в руку — серое, большое, багровый хвостик тянулся к локтю. Ярко-красные края разве только не светились.

— Как же это вас так?

— Да вот, накололся на что-то, — неохотно отозвался парень. — Сначала маленькое пятнышко было, а теперь вот как выросло.

— Болит? — Петров провел ладонью над пятном. Края горели, от центра веяло холодом.

— Немеет. А по границе — жжение сильное.

— Измерьте температуру, — он протянул градусник.

Минуты шли быстро, а диагноз оставался неясным. Рожа, эризепеллоид? А почему центр холодный? Раньше бы назвали болезнь антоновым огнем. Хороший диагноз был. Только болезнь плохая.

Потом он выстукивал, выслушивал больного, мял ему живот, смотрел язык.

— Надо ехать в область. Сейчас я направление напишу.

— А нельзя — так? — Отставник просительно смотрел на Петрова.

— Болезнь серьезная, — а про себя подумал, кто там, в клинике остался? Хронически беременная Стратова да неувядающая Ляпа. Ну и, конечно, корифей новый — Дуракова, доцент выпечки ускорения. Пользы от них больным... — Кстати, что-то не помню вас, были ли вы на осмотре?

— Нет, он нездешний, погостить приехал в отпуск.

Петров достал пакетик с шприцем, ампулы, не жалея, щедрой рукой ввел раствор легодина.

— Фамилия? — Он раскрыл журнал.

— Пирогов Сергей Иванович, — глухо ответил парень, застегивая джинсы.

— На ночь примете две капсулы. — Петров протянул упаковку. — Не жевать, не ломать, глотать целиком. И никакого спиртного. С утра натощак придете. Станет хуже — звоните сразу или приходите — по самочувствию.

— Спасибо, доктор. — Отставник достал из кармана пиджака плоскую коробочку. — Возьмите, пожалуйста, из старых еще запасов.

Он смотрел, как шли они, знакомец поддерживал чуть шатающегося племянника.

В коробочке была плоская стограммовая бутылочка дагестанского коньяка. Петров пожал плечами, положил ее в стол.

Три часа дня. Сходить, что ли, в лес? По привычке взял полиэтиленовую сумку, нож, хотя знал, что никаких грибов есть не будет. По крайней мере — сегодня.

Кратчайший путь шел через парк — сначала по асфальтированной дороге, потом по широкой тропе меж деревьев, обильно перекрытой ловчими сетями сидящих в центре пауков, приходилось то и дело обходить их — жаль было труда ловцов, да и мух он не любил.

Парк кончился. Петров вышел на грунтовку, лес был рядом, в километре. Он шел мимо свернутого на бок слагбаума, по переезде. Ржавые рельсы однокорейки справа, впереди белело строение. По шпалам, ломая длину шага, он подошел к нему — мимо скошенной травы, разложенной для просушки, маленьких стожков. У станции в огороде копалась женщина. Выпрямясь, радуясь минутному перерыву, она взглянула на Петрова.

— Здравствуйте, — подошел он к штакетнику.

— Здравствуйте, здравствуйте. Не ходят поезда у нас, с зимы уже так, грузовой раз в месяц если пройдет — то и много. — Она опиралась на вилы, рядом стояло ведро, наполовину наполненное картошкой.

— А раньше как?

— Наша ветка только до Хавы идет. Дизель от Князева до нее четыре раза в день ходил, пассажирский. Ну, и грузовые составы — ежедневно, песок с карьера возили, щебенку.

— Вы тут работаете?

— Оставила дорога, вот и работаю. Какая, впрочем, работа теперь так, одно название. Деньги, правда, тоже невелики. К ОРСу зато прикреплена, раз в месяц езжу, деньги получаю и отовариваюсь там. Не хватает, конечно, огородом и живу, коза вот еще. — И, как отвечаю, из-за кустов донесся противный крик. — Отпускать далеко нельзя.

— Волки, что ли?

— Волков не видела, а собаки есть. Мало их, правда, а ведь разведутся если — не войдешь в лес тогда.

— Не стреляют их?

— Не знаю. Иногда слышны выстрелы, но, может, браконьеры?

— Ну, погляжу, что за лес. — Он заметил низкие грибы, висевшие у стены.

— Вы по грибы? Их много сейчас. Раньше тоже хватало, но заповедник все же. А теперь лесников совсем мало, да и рвут редко — приезжих нет, а себе много не надо. Да и ведь вредные они, верно?

— Да, в них концентрация повышается.

— Есть-то надо. Здоровая еда не про нас. — Женщина налегла на вилы. — Не помирать же с голода. Петров оглянулся.

— Вон по той стежке, прямо в лес и придете. — Она махнула рукой, потом наклонилась, выбирая клубни.

То тут, то там тропинку перебежали мыши. Если кошка — то плохая примета. А мышь?

Стежка оборвалась у шоссе, идущего вдоль леса. Минут двадцать, как он вышел из парка, и за это время — ни одной машины.

Шоссе, кусты — и он в лесу. Высокие дубы, растущие просторно, и воздух — хоть закачивай в баллоны и продавай. Если забыть о радионуклидах. Полтора миллирентгена в час. В среднем, по официальным данным. Вон там, на полянке, может, и меньше будет. А под тем кустом — все пять. «Реальной угрозы здоровью населения нет, проведенные мероприятия позволяют считать местность практически безопасной». Ах, скоты, скоты!

Он шел, машинально шаря взглядом по траве. Сыроежки, моховики. Вот и семья боровиков. Красота. Он наклонился, срезал ножом у основания. Чистые, крепкие. Запах —! Через полчаса сумка была полной, их тут надо не искать, а рвать, не разгибаясь. Ни одного червивого, высший сорт. Петров остановился.

Белка винтом взбегала по стволу вверх.

Даже черви не едят.

Он высыпал грибы на траву. Не черви, конечно, личинки каких-то насекомых. Поднималась досада. Мазохизм какой-то с этими грибами.

Он зашагал дальше, стараясь не глядеть на кольца лисичек, справляющих свою олимпиаду. Под ногами захлопало. Видно, болото рядом. Стало темней, пошли ели. Путь перегородила колючая проволока — частыми рядами она рассекала лес, ржавая,

натянутая на просмоленные столбы выше роста. Петров попробовал ножом раздвинуть нити колючки. Нет, слишком много их, не пролезть. И к чему? Наверное, здесь и начинается заповедник. Все равно, не в болото же залезать. Вдоль проволоки — с той стороны — ели росли вплотную. Насаживали, наверное. Он шел параллельно этой двойной ограде, пока не заметил просвет в стене елей. Разорванная проволока скручивалась в спирали, на колючках болтались какие-то лохмушки, усеянные черными жуками.

Пора назад. Ни к чему все это. Он пошел по дороге, на юг, через десять минут вышел на асфальт. Надышался, а аппетит не нагулял.

5.

«Приглашаем всех, кто не спит, полюбоваться чудесным явлением природы. Через пять минут...» Петров выключил приемник, потушил свет. С крыльца в серебряном свете лагерь казался стеклянным. Полная луна карабкалась вверх, стараясь поспеть в зенит. На часах — 23.38.

Из-под крыльца выбежал еж, на мгновение застыл на дорожке и мячиком скатился в траву. Ломаной линией пронеслась летучая мышь. Он подошел к облюбованной заранее скамейке, сел лицом к луне. Настроенные часы заиграли турецкий марш.

Он смотрел на луну, белесое, бедное звездами небо казалось совсем низким. Черный партнер луны начал поползать на край — медленно-медленно. Петров перевел взгляд на дом, столовую, парк. Слегка потемнело, и, опережая мрак, наступила тишина. Даже ветер перестал шевелить листья, никаких ночных шумов.

Он закрыл глаза, пытаясь вслушаться в окружающее.

Еще доносился лай из села, затем и он стих. Он сидел в полудремотном состоянии — сознание было ясным и спокойным, но открывать глаза не хотелось. Петров тряхнул головой, разомкнул веки. Треть Луны была уже в темно-серой тени Земли, багрово-красная граница ее напомнила сегодняшнего больного.

«Синдром Лунного Затмения». Звучное название.

На почерневшем небе появились тысячи новых звезд, число их росло и росло, и росла безотчетная тревога. Ну вот наконец вся Луна закрыта, цвет из серого стал темно-вишневым. Невольная дрожь — похолодало, что ли? Он подсветил табло часов. Эге! Третий час ночи! Но — красота, красота! Тусклая, погасшая Луна и мириады звезд во тьме.

Он встал, прошелся до ворот, похлопывая себя руками. В Раптевке — ни огонька. Может, кто и смотрит на небо, а скорее — спят. Страда, уборка, люди гребятся на полях. Это ему время есть.

В пруду сверкнул огонек — отразился выползший край луны. Надо поменять скамейку — луна успела переместиться по небу. Это не проблема — вон сколько их, скамеек, и все — для одного его.

Не успело новое место согреться, как шаги — торопливые, при шаркающих — вплелись в начинающую оживать ночь. Заскрипели ворота, к дому пошел темный силуэт, застучал в застекленные двери веранды.

Под этот стук Петров подошел к полуночному посетителю.

— Кто там?

Тот обернулся. А, знакомый отставник, Петр Семенович, кажется.

— Это вы, доктор? Я насчет племянника моего, пойдемте, пожалуйста, посмотрите его.

— Конечно, только возьму саквояж.

Пять минут спустя они уже шли по дороге.

— Ну, что случилось?

— Вчера ему стало лучше — пятно не росло, чувствовал себя нормально, капсулки ваши выпил и лег пораньше спать. А ночью я проснулся, слышу — он стонет, зашел к нему — вижу, вся рука у него серой стала, на шею поползло, щеку, грудь; зову, зову, а он без сознания, ничего не отвечает. Вот я за вами и побежал.

Они подошли к двухэтажному каменному дому.

— Минутку подождите, я собачку привяжу. — Он распахнул калитку. — Джек! Джек, где ты? Что с тобой, псина? — Послышался звон цепи, собака заскулила и — замолкла.

— Проходите, доктор.

Дорожка вела к дому. Вдоль нее тянулся провод, по которому на цепи с кольцом могла бегать собака. Сейчас она, большая овчарка, насколько можно было разобрать при свете еще не полной луны, жалаась к ногам хозяина.

Хозяин догнал Петрова у крыльца.

— Я не запираю, тут открыто. Разрешите, я пойду вперед.

Он зашел, включил свет — на веранде, в коридоре, комнатах.

— Где же больной?

— А вот, наверх подняться надо.

Лестница, короткий коридорчик привели к небольшой комнатке, почти пустой, только раскладушка с наискось лежащим одеялом, стул, одежда на спинке, на полу — пепельница с одним окурком да опрокинутая бутылка с подсыхающей лужицей самогона.

— Ну, где же он?

— Тут был. — Хозяин немного растерялся. — Я сейчас посмотрю, может, он вышел куда.

Скрип половиц, хлопанье дверей. Петров спустился вниз. Здесь было что-то вроде холла. У одной стены — пустая пасть камина, у другой — диван, в центре — столик и пара кресел.

Из двери выглянул Папкин.

— Я на улице гляну.

Петров сел в кресло, полистал лежащий на столике «Порядок», зевнул. Спать хочется. Он слышал, как отставник зовет: «Сергей, Сергей!», звон цепи и приглушенное рычание собаки, но сон одолевал его. Надо встать.

Наверное, он все-таки заснул, но звук отворяемой двери застал его поднимающимся с кресла.

— Нет нигде. Куда он мог деться?

— Это вы меня спрашиваете? — Петров посмотрел на часы. Четыре утра.

— Да нет, не пойму сам. Штаны его здесь.

— Скоро рассветет, тогда и поискать можно будет.

— Да, да. Может, он действительно выпил еще и отсыпается где-нибудь в кустах. Вы извините, что

так получилось. Я через пару часов пойду искать, как солнце взойдет.

— До свидания.— Петров пошел к двери.— Найдете — зовите.

Через десять минут он лежал в своей кровати. Спать, спать.

6.

Пес безучастно смотрел на Петрова. Да, большая немецкая овчарка. Он нажал кнопку звонка.

— А, это вы? Знаете, доктор, этот паршивец действительно напился и пошел прогуляться, за ночь отмахал дорогу до Князева и оттуда утром позвонил мне, что уезжает домой.

— Так без штанов и уезжает?

— Без штанов? Ну, он спортивный костюм надел. Уезжает, и пусть себе. Одно беспокойство от него.

— А здоровье, как?

— Нормально, говорит, проходит. Если что, в городе обратится.

— Откуда он?

— Откуда? Из Москвы, в Метрострое работает, на восстановлении.

Запах цветов — как в парикмахерской. Слишком резкий. Душно становится. Овощи, если и росли, то за домом. Зато яблоны были просто усыпаны плодами — так же, как и в любом дворе в это лето.

— Что с яблоками делаете?

— А что с ними делать? Собираю и в землю зарываю, удобрение под цветы.

Петров оглядел дом.

— Нравится? Все сбережения на него потратил, вкалывал, пота не жалели — и я, и теща с женой. Думали, уйду в отставку — поживем, детям оставим. А вот теперь живу один, попользовался, называется.

— Дети далеко?

— Дочь — в Москве, сын служит во флоте. Дочь пишет, продавай дом, приезжай, да как продашь? Три года назад за него двадцать тысяч долларов давали, а сейчас — кто сюда поедет? И рубля не дадут. Хотите, цветов нарву?

— Да нет, ни к чему. У меня ведь сейчас усадьба целая.

— Ну, конечно. Какие места пропадают. Знать бы раньше...

Петров прошел метров пятьдесят, оглянулся. Прислонившись к ограде, отставник смотрел ему вслед — или просто смотрел куда-то, видя что-то свое, может, счастливую осень жизни в своем доме, с женой и детьми.

На берегу пруда привычно уже стоял рыбак. Ловись, рыбка, большая и малая, с плавниками и с лапками. Петров подошел.

— Ну как, клюет?

— Есть маленько.

— С лапками попадается?

— Бывает и с лапками, и с тремя глазами, разные твари попадают. Но мы их кошкам отдаем.

— А остальную — едите?

— Что же еще есть? Зараженная она, рыба? Так мы все тут зараженные — и скотина, и трава, и люди. Но тут, в пруду, я только да Кузьмич ловим. Осталь-

ные на речку ходят — там больной рыбы и нет совсем почти.

— А вы что тут ловите?

— И там ловим, да старые уже, туда-то километра четыре топтать. И клюет тут хорошо. И вообще, мы свое отжили, все равно от чего помрять, лишь бы не с голода.

— Умирать всегда рано.

Он поднялся на дорогу. Бодренский, пока здоров, рыбачок этот. Хотя, конечно, на одни талонные продукты долго не проживешь. Невкусно, да и малоавтогода.

После обеда он побродил по парку, стараясь преодолеть дремоту, а потом не выдержал и лег в постель — прошедшая ночь давала о себе знать.

Стук в дверь разбудил его. На часах — половина шестого. Опять стук, громкий и настойчивый. Он вышел на веранду. На пороге стоял милиционер.

— Петров Виктор Платонович?

— Да.

— Лейтенант Фроликов. По делу к вам.

— Заболели?

— Да нет, труп мы тут обнаружили, осмотреть надо. В районе все равно судмедэксперта нет, так что придется вас потревожить.

— Минуту. Сейчас в порядок себя приведу.

Он умылся, надел свежую рубашку.

— Куда теперь?

— Недалеко.

За воротами стоял УАЗ, водитель повел машину к кладбищу.

— Час назад нам позвонили отсюда, из Раптевки. Старушка какая-то на тело наткнулась.

У развалин церкви машина остановилась. Два милиционера ждали у стены.

— Нам сюда.

Несколько шагов — и Петров увидел лежащего лицом вниз мужчину. Разорвав штанину, торчала белая кость.

— Вы сфотографировали его?

— Да, работайте спокойно.

Он пощупал шею лежащего. Пульса нет, конечно. Но еще теплый.

Медленно повернул труп на спину. Камень, наполовину вросший в землю, проломил череп, изуродовал лицо.

Десять минут. Достаточно было и двух, но для внушения доверия...

— Смерть наступила три-четыре часа назад, наиболее вероятно — в четырнадцать тридцать плюс-минус пятнадцать минут. Причина смерти — падение с высоты.

Все посмотрели наверх, на стену церкви.

— Да, вероятно, оттуда — метров двенадцать тут будет. При падении он ударился головой о тупой предмет — вот этот самый камень. Еще — перелом ноги, на вскрытии, очевидно, определятся повреждения внутренних органов, но на первом плане — травма, несовместимая с жизнью, перелом черепа.

— Вам придется все это написать.

— Знаю.

— Старуха, нашедшая его, близко не подходила. Так мы мимо пруда ехали и рыбаков видели, надо их расспросить, — подошедший капитан деловито рас-

поряжался, на лице — легкая скука рутинного действия.

— Это Папкин Петр Семенович.—Петров смотрел на стену, пытаясь определить, откуда тот все-таки упал. Из того проема, похоже. Впрочем, это уже не его дело.

— Вы его знали?

— Я всех осматривал в этом селе. А Папкин еще и племянника своего вчера приводил.

— Тем лучше. Несчастный случай, надо полагать. Посмотрим, откуда он свалился.—Капитан пошел внутрь церкви.

— Вот и все.—Лейтенант сложил в планшет бумаги.—Рыбаки видели, как он в четверть второго шел в сторону кладбища. Мы в церкви следы его нашли — там каменная лестница вдоль стены изнутри. Других следов на лестнице не было, а наверху — молоток геологический лежал. То ли он поковыряется в стене хотел, а может, просто с высоты посмотреть — неважно. Ясно, что не убийство, не самоубийство, а несчастный случай. Жаль, конечно, что вы паспорт племянника не видели, да неважно, на этот раз обойдемся.—Он встал.

— До свидания.

— Вы к себе, доктор? — Лейтенант уже выглядывал из машины.— Садитесь, поехали. Я показания сниму с рыбаков и к вам зайду.

Писанина заняла совсем немного времени. На удивление. Петров открыл банку сгущенки, положил две ложки в стакан дистиллята. Теплый, сладкий напиток — как этот августовский вечер.

Хлопнула дверца «уазика», через минуту лейтенант сидел напротив Петрова.

— Вот, все оформлено.—Он протянул лейтенанту листки.— Вскрывать где будут?

— В Плавск повезут, наш район за ним закреплен. Я как раз в колхозе насчет машины договаривался. Надо бы, конечно, спецмашиной, да в ремонте она. Да, товарищ Петров, мне и с вас показания снять надо, чтобы покончить с этим делом.

— Надо так надо, снимайте.

Через пятнадцать минут он подписал листки протокола — «Со слов моих записано верно».

— Прощайте.

Он проводил лейтенанта до ворот, посмотрел вслед машине. Не самый хороший день, голова еще разболелась. Мимо проехал грузовик. За телом. Через несколько минут машины вернулись, проехали мимо — в Раптевку и дальше. Таблеточку пирамиды надо выпить. Он вернулся в дом, раскрыл укладку-аптеку, выбрал упаковку. Надо полежать... Может, атмосферное давление скачет? Он подошел к барометру. Так и есть, на двадцать пять миллиметров упало. К дождю поворачивается.

В комнате стало темно. Что-то рано. Петров взглянул в окно. Небо почернело, с каждой минутой сумерки сгущались. Это еще что такое? Порыв ветра поднял листья с земли, разметал и закружил их. Наверное, гроза сильная будет. Еще таблетку выпить надо, сильно болит голова. Он проглотил вторую таблетку, запил водой, включил свет. Всего-то девятый час... Он постучал ногтем по стеклу барометра. Еще

пять миллиметров вниз. Он вышел на веранду. Порывы ветра раскачивали деревья, срывали листья. Совсем темно, совсем. Начало клонить в сон — действуют таблетки. Ну и ладно. Отоспаться — и все. Лампочка мигнула и погасла. Вот и электричество отключили.

Петров закрыл двери, разделся и лег. Приемник, что ли, послушать перед сном? Но сил поднять руку уже не было. Он уснул.

7.

Оглушительный грохот и яркая вспышка — свет пробился сквозь закрытые веки. Петров медленно приходил в себя. Молния, наверное, совсем рядом ударила. Вокруг — полная тьма, даже окон не видно... Он нажал кнопку подсветки табло. Одни нули, только секунды отсчитывали первую минуту. Полночь? Казалось, что он проспал больше. Нащупав на тумбочке фонарик, включил его, встал. Дождь барабанил по крыше, ветер дул сильно и ровно.

Петров осветил барометр — стрелка ушла вниз, где и шкалы уже не было.

Открыв дверь на веранду, он всматривался в темноту, потом повернул выключатель. Электричества не было. Он включил приемник, лег опять. Сквозь треск разрядов поймал «Радио-Люкс». Диск-жокей объявил перерыв, заикали сигналы времени. Час пятнадцать — средневропейского, значит, у нас — три пятнадцать. Что это с часами? Может, удар молнии стер время?

Музыка, темнота и дождь убаюкивали, он лежал в полусне, порой по радио начинали говорить о буре в Раптевке и почему-то по-русски, и Петров понимал, что это — сон, но просыпаться не хотел — все равно ведь ночь, а временами отмечал ослабление дождя, прекращение треска разрядов в приемнике, чистый звук. Головная боль стихла, затем ушла полностью, и тогда он решил встать.

8.

В сером свете комната казалась ватной. Он дождал звона Биг-Бена, поставил часы и выключил приемник. Осталась легкая слабость — наверное, от таблеток.

На улице стало прохладнее. На асфальте дорожек собрались маленькие лужи. Для больших асфальта просто бы не хватило.

Вернувшись в комнату, Петров попытался включить свет. Нет. Нетушки.

Чай заварил на спиртовке. Хорошо, что впрок нагнал дистиллята.

Мимо шла Ксения Семеновна — колхозница, подрабатывающая в здравпункте уборкой.

— Здравствуйте, Виктор Платонович. Как ночью, не страшно было?

— Голова болела, а так — ничего.

— Смерч прошел рядом совсем, столбы повалил, сейчас чинят. В деревне нашей-то все в порядке, только у Филиппова яблоню поломало — да старая она была, яблоня. И вот Папкин умер. Самый старый в Раптевке был.

— Почему самый старый?

— Нет, я не о годах. Мы тут все пришлые — кто в тридцать пятом приехал, кто позже. Деревня тогда пустая была — с голоду поумирали, наверное. Я, мне семь лет тогда было, помню, приехали — любую хату бери. Многие так без хозяина и развалились.

— А Папкин при чем?

— Он здесь родился, когда ему два года было, мать увезла его в город. Ну, а вернулся лет десять назад. Ничего не осталось, конечно, он дом купил — так, развалюшку, а потом свои хоромы и отстроил. Не пришлось пожить в них.

— А жена у него здешняя была?

— Нет. Он ведь служил, часть тут неподалеку стояла, вот он дом и прикупил, жену перевез, тещу — о старости беспокоился, чтобы не мыкаться после отставки-то. Небось, надоело за службу по чужим углам шататься. Сперва теща померла, потом — жена, дети развехались, а теперь и сам... Упал, говорят, с церкви?

— Упал.

— Он ведь часто по церкви лазил, видели. То камень долбит, то простукивает что-то. Этот вон, молодой, к нему приехал — так и зачистили туда. Мы смеемся, не клад ли какой ищешь, а он — и впрямь, мол, клад — камень если строителям продать, большие деньги заработать можно. Да как его взять? Мужик мой лет тридцать назад, когда коровник строили, ковырял его, ковырял — нет, говорит, по частям стену не разобрать, крепко держится. Из бетона построили, он давно развалился, коровник-то.

Женщина уже ушла. Петров сидел на веранде, в медицинском запахе хлорамина, надеясь на проглядывающее сквозь тучи небо.

Шутил, наверное, Папкин. А вообще-то, можно из стен старой церкви извлечь камень, годный для строительства? А где служил Папкин? Какая разница.

Петров надел короткие резиновые сапожки, прошлепал по уменьшающимся уже лужицам, напрямик, через парк пошел к лесу. Рефлекс: после дождя — в лес. Деревья, на удивление, были сухими. У самого конца тропу перекрыв поваленный ствол, рядом — еще и еще. Дюжина вековых дубов лежала, разбросанная и беспомощная. Крепость и возраст не спасли их. С людьми это кажется естественным.

Разрушения шли по дуге — с края парка начинались и на краю же кончались, уйдя в убранное уже поле. Смерч. Пройди он метров двести — как раз бы на дом нагнулся. А так — пронесло. Как же он не слышал ничего, шум, наверное, сильный стоял. За грозой да таблетками проспал.

Наглядевшись на природный погром — очень похоже, — Петров пошел через поле, вышел к переезду. Станционное здание выглядело целым. Завернуть, глянуть? Навстречу шла железнодорожница.

— У меня тут связь не работает. В селе не знаете как?

— Что-то чинят.

— На станции тоже надо, а когда теперь? Поезда не ходят, вот и делают все в последнюю очередь. — И женщина побрела по проселку.

Он поскреб ногами по рельсу, очищая грязь. Раскисшая грунтовка не манила, пришлось идти рядом, по траве.

Шоссе, тянущееся вдоль леса, подсохло. Петров шел по нему, примериваясь, где кустарник пореже. След смерча, тупой и злобный, открылся поломанными и поваленными деревьями. Он брел по нему — метров сто в глубь леса, на север, затем — на запад, не отвлекаясь на грибы, ища проходы меж поваленных стволов.

След пересек поляну, вчера еще солнечно-зеленую, а сейчас покрытую пылью, серую и притихшую. Тишина — днем, в лесу, летом. А ночью — хаос и слепая сила смерча, которому что дом рассыпать, что деревья поломать, что озеро высосать и разбрызгать над землей. Наверное, смерч шел оттуда, с болота, потому и грязь на листьях и траве.

Упавшее дерево разорвало нити колючей проволоки. Прямо как в старом кино — переход границы у реки. С каждым шагом близость болота становилась отчетливее. Еще немного — и сапоги не помогут.

Он остановился.

А, собственно, зачем ему куда-то идти? Да еще в болото какое-то...

Вокруг — сумрачное молчание. Назад пора. Неподалеку послышался хруст, что-то ворочалось в кустах, там, где угадывалась болотистая тишина. Кабаны тут водятся, днем в таких местах любят отдыхать. Посмотреть? Нет, лучше не надо. Такие зверюги попадают, что — ого!

Петров, тихо ступая, развернулся, стараясь не торопиться, но и не задерживаться. Треск, казалось, приближался. Он оглянулся — что-то кусты подозрительно шевелятся. Петров прибавил шаг и, выйдя за колючку, сразу повернул к дороге. Слышал он уже только свой шум, а когда, уже выходя из леса, остановился послушать, то ничего сзади не было — только начавшийся ветер шевелил ветки, лес оживал от ночного ужаса.

Что его тянет в это болото — безоружного, не знающего местность? Любопытство, праздность? Секача не всякая пуля остановит. А, может, это и не кабан вовсе. Бобры, например, заповедные. Или одичавшая собака. Он подошел к дому. Ура, дали электричество. Мелочь, а приятно.

9.

Чай из новой пачки был не лучше прежнего. Петров допил стакан, посмотрел на чайники на дне. Шаги за окном прервали исследование.

К дому шла молодая женщина — Петров наверняка осматривал ее, но больше ничего вспомнить не мог.

— Товарищ доктор, вас в сельсовет зовут — телефонный разговор будет.

— Спасибо, что позвали.

— Не за что. Там сейчас карточки выдают, так мне без очереди дали, чтобы я за вами сходила.

У сельсовета уже толпилось человек тридцать, остальные были внутри. С трудом пробрался Петров в кабинет.

— А, Виктор Платонович, здравствуйте! — Женщина оторвалась от раскрытых грессбухов. — Из области звонили, вас спрашивали, сейчас опять позвонят. Тут еще есть комнатка с телефоном, там и по-

дождите, пожалуйста. У нас тут сейчас сущий ад начнется — карточки за квартал по итогам сдачи продовольствия. Поспешим район, они еще не все сдали, не просчитали, потом придется дополнительные списки составлять, а обижаются только на меня. — Она провела его мимо скопившихся в коридоре в другую комнату — маленькую, стол, стул, телефон на столе. — Вот это параллельный аппарат. А я пойду мучиться.

За тонкой дверью был слышен ее голос:

— В очередь, в очереди! Успеете, все успеете!

Высокий черный эбонитовый телефон молчал.

— Аверьянова! — донеслось из-за двери сквозь невнятный шум.

— Ну что, достанется? — назойливо вопрошал старческий голос.

— Погоди, узнаем.

— Папирос бы... Курить культурно хочется.

— Тебе, как участнику, должны дать.

— Дадут — как в прошлый раз, три пачки на месяц.

— Самосад заведи. Или вреда боишься?

— Мне бояться поздно — восьмой десяток кончаю. Культуры хочу!

Стук двери.

— Ну что, дали?

— Сами поглядите, — женский голос, нервический, дрожащий, безысходно усталый.

— Востряков! — выкликнули очередного.

— Эх, дожили! Войны вроде нет, а живем, как при войне!

— Молчал бы! Много ты о войне знаешь. Думаешь, потерял глаз, так и знаток великий?

— Знаю, не бойся. Ты вот много навоевал, пачку «Примы». А вот с кем воевал, хоть знаешь? Вот что с Гитлером стало, знаешь?

— Что стало? Отравился, вроде. Или застрелился.

— Вот, вот, отравился. А дружок мой, он шофером в органах служил, говорил, что уже в пятьдесят шестом его везти привелось. Поправился тот, раздобыл, а узнал его дружок. С ним еще двое были, то ли стерегли, то ли охраняли.

— Привиделось дружку твоему. Тоже мне, спел по гитлерам. Да и на кой он нужен?

— В плен его наши взяли секретно. Может, тайны какие знал, может, еще зачем, но — берегли.

— Брехня! Либо ты врешь, либо друг тот.

— Я-то ему тогда тоже не поверил. А через неделю — сгинул дружок, напрочь, с семьей, — пожар у них приключился, ни костей, ничего не нашли в доме. Вот и призадумайся.

— Нет, басни все это.

— Викулов, вперед!

Телефон зазвонил длинно и пронзительно.

— Раптевка, Раптевка!

— Вас слушают.

— С вами область говорить будет.

Трубка немного погрешала, потом ясно и громко раздался мужской голос.

— Ну, нашли врача своего?

— Я слушаю.

— Это кто?

— Это я — Петров, врач прикомандированный.

Продолжение на стр. 57

Adventure

7'91

Соблазны

Уснули звуки, сгустились сумерки, и в душу мою вновь закрадываются страхи, недобрые предчувствия. В соседней комнате, превратившись в мышей, спят мои конвоиры и слуги. Как ни странно, к ним я уже привык. Куда труднее привыкнуть к маленькому садiku перед окном. Стараясь унять тревогу, поглядываю на кусты сирени и одинокую ободранную яблоньку. Ущербная луна роняет вниз голубой пепел и тонким слоем, словно изморозью, покрывает траву. В этом зыбком, почти нереальном свете все выглядит особенно жутким и пугающим.

Подул слабый ветер. Мне же почудилось, что кусты качнулись сами собой. В них мелькнула какая-то тень, притаилась и... снова скакнула!

«Начинается», — с замиранием сердца подумал я. Но вот ветер улегся, ветви сирени замерли, и тени принялись обычный вид. «Слава богу, пронесло», — вздохнул я.

Вслед за облегчением в груди поднималось нехорошее, злое чувство к моему таинственному собеседнику, этому змею-искусителю, соблазнившему меня «магией приключений и неведомого». Нахлебался я этой «магии» до чертиков, до дрожи в коленях. Ему бы такое!

Желая как-то забыться, избавиться от тяжелых дум, вспоминаю, что начались мои странствия далеко, со-

СФЕРА РАЗУМА

РОМАН

**ПРИРОДА — СФИНКС. И ТЕМ ОНА ВЕРНЕЙ
СВОИМ ИСКУСОМ ГУБИТ ЧЕЛОВЕКА,
ЧТО, МОЖЕТ СТАТЬСЯ, НИКАКОЙ ОТ ВЕКА
ЗАГАДКИ НЕТ И НЕ БЫЛО У НЕЙ.**

Ф. И. ТЮТЧЕВ

**Семен
СЛЕПЫНИН**

**Рисунки
Натальи
Ермолаевой**

всем в ином месте и с иных, куда более приятных, прямо-таки мажорных ощущений.

Именно ощущений... Я еще ничего не видел и ничего не сознавал, но чувствовал всеми порами родное, теплое, ласковое солнце. Я ловил его губами, пил его лучи. Потом пришло сознание. Я открыл глаза и в волнении вскочил на ноги: кругом плескалось бескрайнее море трав и цветов. А в груди такое чувство, будто появился в этом мире внезапно, будто шагнул сюда из другого существования или из небытия.

Так оно почти и было на самом деле. Третий день я здесь и никак не могу освоиться с мыслью, что мою индивидуальность, мое психическое «я» взяли из двадцатого века и временно поселили в организме человека будущего. И зовут этого человека Василием Синцовым. Третий день я обживаю его тело и привыкаю к новому миру.

А привыкнуть не в моих силах. До того острым было ощущение радости и жадности жизни, что я беспричинно рассмеялся, повалился на землю и начал с детским восторгом кататься по траве.

— Смотрите, дядя Василь кувыркается, — раздался звонкий мальчишеский голос.

Я встал. Из высоких, волнами качающихся трав выплыли ребяташки. С ними высокий смуглый человек с внушительной дымчатой, седеющей шевелюрой, уложенной наподобие чалмы. Серебрившаяся борода его кривилась, как ятаган. Прямо картинка из книжки

Журнальный вариант

арабских сказок. Он и был арабом по имени Абу Мухамед. Или, как звали дети, просто дядей Абу.

— Резвился, Василек? — с улыбкой спросил дядя Абу. — Вспомнил детство?

— Вспомнил, — смущенно ответил я, не зная, как бы поскорее отсюда убраться: контакты с людьми нежелательны.

— Вспомни заодно и Кувшина. Попрощайся с ним, — дядя Абу показал на запад.

Это был хороший предлог. Я поднялся ввысь и полетел на запад. Как и в прошлый раз, с любопытством ощупываю пояс, или, как его здесь называют, — антипояс. Изготовленный из мягкой биоткани, он обладает свойством создавать послушное малейшему желанию поле.

«Повыше», — мысленно попросил я, и желание мгновенно исполнилось. Парил я уже рядом с жаворонком, оглушительно и залихватски выводившим свои серебряные трели. Мимо, взмахивая руками и подражая птицам, пролетели двое малышей. А внизу ни малейших признаков железных или шоссейных дорог, ни одного здания. Лишь озаренные солнцем луга, рощи и перелески.

Я чуть снизился, набрал скорость, и рубашка на спине вздулась, захлопала, как парус. Замелькали верхушки деревьев. Но вот лес кончился, и в камышовой низине засверкало озеро. Никакой Кувшин! Меня здесь, конечно, не ждал. Да я и не знал, кто это.

Плавно опустившись, я пошел по воде, как Иисус Христос. Под ногами, в зеркальной глади, — глубокая синева с медленно плывущими облаками и стремительными, как черные молнии, птицами. Непривычно, даже жутковато шагать по перевернутому бездонному небу. Ступив на берег, я с облегчением почувствовал привычную тяжесть и углубился в лес.

Было в нем много неясного, жгуче таинственного. Вчера мой невидимый собеседник чуть приоткрыл завесу над загадкой лесов и полей, упомянул о какой-то Памяти, или иначе — Сфере Разума. Но лишь раздражил меня, растревил любопытство. «Природа — сфинкс». Так сказал один из самых почитаемых мною поэтов. Да, окружающая меня живая природа — сфинкс. Но не в метафизическом, не в философском смысле, какой имел в виду поэт, а в самом что ни на есть физическом, естественном. Быть может, «никакой от века загадки нет и не было у ней»? И все объясняется просто? Как желудь развертывается в дуб со всеми его корнями, ветвями, листвою, так и дремлющие необъятные силы, изначально заложенные в самом фундаменте материи, развертываются или уже развернулись во всей здешней природе. «Вон куда забрел», — усмехнулся я, не подозревая, как близок был к истине.

На одной из полян я присел рядом с дубом, потрогал его шершавую кору, потом сорвал травинку, растер ее, понюхал и пожал плечами — ничего особенного. И в то же время в каждой ветке, в каждой травинке и в каждом жуке, качающемся на цветке, чувствовал присутствие иной и непонятной жизни, даже что-то сказочное. Но что?

Поднявшись ввысь и пролетев над лесом километра три, вновь увидел под собой поля, рощи, перелески. Изредка попадались беседки с белыми колоннами, арки и даже старинные, празднично красивые часовенки. Чеканно изящные и легкие, как кружева, они естественно и просто вписывались в пейзаж — в лужайку с высокой травой. в берег реки. Они манили меня, казались воротами в недоступный мир.

На берегу я приземлился вблизи арки, белешей между высокими вербами. Справа из-за холмов неожиданно вылетел всадник на великолепном скакуне. Он прыгнул с коня, вошел под своды арки и... пропал. Будто растаял в траве.

Бес любопытства зашевелился во мне, и я нарушил один из запретов — шагнул за арку. Ничего не случилось. Та же река и те же вербы на ее берегах, даже птицы те же носились в вышине. Еще шаг, и... Что это? Медленно, как из редящего тумана, над рекой выступили мосты, появились гранитно серые набережные, заискрились купола и шпили дворцов. В нишах под колоннами дремали вереницы статуй... Город — прекрасный, как мираж, и странный, как фантазия сновидения, — выступил из ландшафта, будто вырос из лугов и рощ, как вырастают яблоки на яблоне или в травах распускаются цветы.

Вверху над крышами домов и куполами дворцов проплывали пассажирские аэролодки. Но чаще люди ходили пешком. Мое поведение, видать, им казалось странным. Они с любопытством оглядывались на меня.

Я поспешил обратно за арку, и город исчез. Он тихо растворился в реке, вернулся в травы, в листья тополи и верб... Чудно все это.

Возвратившись в тот же лес, я отыскал укромный уголок, присел и задумался. Вряд ли город явился из загадочной Памяти. Пожалуй, тут все проще и связано скорей всего с геометрией пространства, с его изгибами и параллелями. А Память — совсем другое. Память — сокровеннейшая тайна цивилизации.

Мысль внезапная и яркая, как молния, озарила меня. А что, если Память — это вся история человечества? Ушедшая в небытие, она как бы оживает здесь и присутствует в виде... В виде чего? Невидимки? Мой таинственный собеседник туманно упомянул о материализации. Все созданное человечеством Память может по желанию людей представить здесь в самом натуральном вещественном виде. Но в последние годы, как я понял, с Памятью что-то стряслось. Образы прошлого, причем образы дурные, стали оживать и помимо воли людей. Выброшенные в далекую доисторическую эпоху, они образовали там свой непонятный замкнутый мир. Целую страну. Ее надо изучить, и в качестве разведчика выбрали меня.

Почему именно меня? Вчерашний собеседник сказал, что уже были попытки заслать туда своих людей с хорошими актерскими данными. Один из них прикинулся средневековым инквизитором, другой — человеком двадцатого века. И тоже человеком довольно скверным — там только такие и нужны. Но обитатели того мира при проверке разоблачили разведчиков.

— Личность каждого человека, его «я» — это его современность, стусок символов внешнего мира, наимодернейший клубок понятий, образов и ассоциаций...

— Это я знаю, — не слишком вежливо прервал я. Мой собеседник не обиделся и продолжал объяснять. Их ученые еще не могут подделывать внутренний мир людей прошлых эпох. Поэтому их разведчики провалились и погибли.

Тогда ученые стали шарить в историческом прошлом в поисках подходящей кандидатуры и наткнулись... Нет, не могу без возмущения вспоминать вчерашний разговор. Они наткнулись, видите ли, на мою... «гаденькую душу». Боже мой, чего только не пришлось услышать! Я, оказывается, и ханжа, и повеса, и еще черт знает кто. Единственное мое жизненное правило, как он выразился, — «со вкусом ловить каждое пробегающее мгновение».

Но самое ценное для них — то, что я... приспособленец. Я, дескать, прекрасно вживусь в любую социальную среду, какой бы гнусной она ни была.

Я нагрубил ему и потребовал вернуть мою столь неприятную душу на прежнее место, в свое столетие. Пытаясь исправить ошибку, змей-искуситель начал льстить. Он с похвалой отозвался о моих способностях писателя-фантаста, о моей начитанности. Я не поддавался. Он прибег к другой уловке — стал соблазнять.

И я развесил уши. Миссия разведчика и впрямь сулила много интригующего. Во-первых, в тот мир, в доисторическое прошлое, минуя тысячелетия, я отправлюсь... на коне. На самом обыкновенном живом коне из породы орловских рысаков. Его даже звать Орленком. Во-вторых, страна, где мне предстоит побывать, загадочна невероятно. Наконец, самое главное: я проживу еще одну и совсем неизвестную жизнь! Мне обещают, что я смогу родиться в этом дивном мире. С самого раннего детства перед моими жаждущими чувствами, перед моим пробуждающимся разумом во всей своей сокровенности предстанет вот этот мир-загадка, эта цивилизация-сфинкс.

— Тебя с детства влечет магия приключений и неизвестного, — сказал соблазнитель. — Меня тоже. Вот это общее в наших психических матрицах, общее от рождения, позволит ученым проделать эксперимент, названный ими рокировкой.

— Для чего? — допытывался я. — Не для моего же удовольствия? Как я понял, вы грубые прагматики.

Он попробовал объяснить. Оказывается, конь не потерпит чужака с «гаденькой душой», поэтому мой собеседник поскачет туда сам и лишь в конце путешествия предоставит свое тело мне, моей матрице. Сам же он исчезнет надолго, свернется в особое состояние, сходное с полным небытием, и лишь временно я буду слышать его голос. А я, прожив во время рокировок новую жизнь, стану другим — таким или почти таким, как он, нравственно чуть ли не сольюсь с ним. Вот тогда конь примет меня, прочтится через тысячелетия обратно и вернется сюда.

Все это настолько интригующе, что я согласился. И впрямь: что я видел хорошего в моем скучном, томительно однообразном веке?

Занятый размышлениями, я не заметил, как солнце перевалило через зенит и теперь клонилось к закату. Пока не стемнело, решил посмотреть, каков я сейчас. Сначала попытался вызвать из моего двадцатого века зеркало, что находится в прихожей моей квартиры. Ничего не получилось. Видимо, в Памяти нет его: слишком малозначительная вещь. Тогда я вспомнил один из залов Лувра, где в простенке стоит знакомое всем посетителям старинное зеркало. И вот оно... Овальное, в золоченой раме, с пылинками двадцатого века зеркало выступило прямо из воздуха. Любуйся!

И в самом деле, передо мной красивый мальчик — стройный, с хорошо посаженной головой, с большими задумчивыми глазами. Это же я, каким был лет в двадцать-тридцать! И в то же время это Василий Синцов, его, как он выразился, «биологический сосуд». Только в сосуд этот влили другое содержание — мое внутреннее «я».

Как я понял, наше внешнее сходство очень важно при проверке, которую мне предстоит выдержать там. Проверка... Признаюсь, она меня изрядно тревожит.

Зеркало исчезло, словно знало, что оно уже не нужно. Да и темнеть стало. В лесу стелились такие мягкие и ласковые тени, а листья, затихая, шептались так дружески и братски, что тревога моя рассеялась. Нет, «природа-сфинкс» не даст в обиду, оградит от опасности даже там, в ином и неизвестном краю. Я глядел на догорающие облака, на верхушки деревьев, где розовели брызги заката, и дивился: откуда эта неожиданная убежденность? Поднялся. И опять почувствовал, что в листьях клена, в ветвях дуба, в каждой травинке таится что-то доброе и чародейское.

До того распалил свое воображение, что начался галлюцинации. Уже под вечер, когда в небе всплывали первые звезды, я вышел к реке. На крутом берегу сидела девушка и, тихо напевая, расчесывала гребнем волосы. В каждом жесте, во всем облике ее было что-то от глубокой старины, от древних народных поверий.

Заметив меня, девушка вздрогнула, бросилась с

обрыва и скрылась под водой. «Русалка», — мелькнула нелепая мысль. Охваченный детскими страхами, побежал. Через полчаса, уже в открытом поле, остановился и перевел дыхание. Начитался в своем веке Гоголя и Погорельского. И вот на тебе: русалка! Даже сейчас в крупных звездах и тихой ночи чудилось что-то малороссийское.

В двух шагах беззвучно переливался в ложбинке ручеек, дробя зеркало лунного света на сотни зыбких осколков. Я сел перед ним и стал ждать. Наконец неведомо откуда — из небытия или из глубин моего «я» — стал выплывать мой ночной собеседник. Точнее, его голос, отчетливо звучащий в моих ушах, но неслышимый для других.

— Ты где сейчас?

— Не бойся, — мысленно ответил я. — Меня никто не видит.

— Днем тебе дали возможность еще раз погулять, познакомиться с нашим миром. Не накуролесил?

— Не такой уж я дикарь... Не варвар.

— Опять обиделся. Какой все-таки несносный человек.

— Вам, как я понял, такой и нужен.

— Не нам, а им, — поправил он. — Что делал сегодня? Кого видел?

— Опять столкнулся с бездущим дядей Абу и его ребятишками. Но они посчитали, что это ты. Потом все же нарушил запрет и на минуту зашел в город.

— Ну это не беда.

— А под конец случилось что-то с моим воображением. Вечером на реке видел будто бы русалку. Бред, конечно.

— Не совсем... Ну а общее впечатление?

— Тоже бредовое. Такое, словно попал в сказку.

— Отлично! Этого мы и добивались. Ибо попадешь в мир, очень похожий на сказку. Но сказку страшноватую.

— Не пугай. Страшит он меня, но одновременно интригует. А волшебный Орленок? Вы же можете показать его?

— Сейчас тебя посетит другое видение. Что-то вроде научно-популярного фильма. Если он понравится тебе и ты дашь окончательное согласие, будем считать...

— Что эксперимент, начался?

— Да. Будем считать, что ты гаденькую душу свою... Ну-ну, не обижайся. Я же по-дружески.

— Хороша дружба...

— Не ворчи. Будем считать, что душу свою ты продал дьяволу и скоро попадешь в ад.

— Все шутишь...

— Какие там шутки! Признаюсь, мне здорово не по себе и хочу подбодрить себя. Опасно доверить свою судьбу и судьбу важного дела такому, как ты. Ведь там моим телом и свободой воли будешь обладать только ты.

— Опасаешься, что и впрямь продам дьяволу?

— Опасаемся. Но надеемся, что после рокировок ты изменишься нравственно и захочешь вернуться к нам.

— Опять эти загадочные рокировки! Интригуешь меня... И хочется, и боязно. Но больше хочется.

— Тогда начинаем?

— Начинаем.

— Ну что ж, верил бы в бога, сказал бы — с богом!

Голос с его дружелюбно-шутливыми интонациями затих. В тот же миг справа послышался странный звук. Я повернул голову и затаил дыхание. В жизни не видел ничего более прекрасного! Из мглы выступил лунно-белый конь, величавый, как божество. На высокой, лебединой шее гордо красовалась голова с выпуклыми, звездно сверкающими глазами.

Орленок! Я понимал, что передо мной лишь копия.

Видение, фильм. И в то же время чувствовал, что это тот самый обещанный мне Орленок — повелитель времени, сказочный потомок орловских рысаков.

Капризный, с надменной осанкой, он гарцевал на холме. Затем вдруг сорвался с места и бесшумным ураганом проскочил мимо. И — странно! — будто подхватил меня. Я почувствовал себя на месте всадника, и подо мной, мелькнув, исчезла степь... Нет, исчезло само пространство. Конь вырвался на просторы времени, на его мглистые дороги. Глухо рокотали копыта, пронеслись неясные тени, миг возникающие и миг рушащиеся города, древние цивилизации, эпохи...

Конь унесся, белой звездочкой сверкнул вдали и утонул во тьме тысячелетий... Видение исчезло. Я сидел на прежнем месте... С бьющимся сердцем огляделся. Тихо струился лунный свет, все так же дробился в ручейке, серебрил пустынную лесостепь.

И все это я смогу пережить наяву, а вернувшись на рысаке в чародейский мир, разгадаю его тайну? Да кто устоит перед таким соблазном! Я вскочил и, кинув прощальный взгляд на искрившиеся травы, почти вслух произнес свое окончательное:

— Согласен!

Лесостепь затуманилась, качнулась, стала уходить из-под ног. Сознание гасло... На миг кольнул страх перед проверкой в какой-то загадочной стране.

Страна изгнанников.

Проверка

Сначала проснулись ощущения. В ушах свистел ветер, шелковистые пряди охватывали меня, плескались волнами и мягко касались лица. «Конская грива», — возникла неясная мысль. Вскоре услышал топот копыт, увидел мелькающие в ночной мгле стволы деревьев.

Моя личность медленно пробуждалась, прояснялось сознание. И пришла догадка: я на месте, в доисторическом лесу. Подо мной хронорысак, только что вылетевший из тьмы веков. Приятно покалывая, по телу, по всем нервным клеткам растекались электропсихические импульсы — мое «я», моя индивидуальность.

Конь почувствовал свершившуюся подмену и, замедлив бег, старался скинуть чужака, крайне ему неприятного. На одной из полян Орленок сделал свечу, но я обхватил его шею и удержался. Тогда он дугой выгнул спину и подбросил меня с такой силой, что я перелетел через его голову и плюхнулся в болотистую лужицу. Вскочив на ноги, я со злостью крикнул:

— Ты что, ошалел?

Снежно-белый красавец стоял в шагах десяти, презрительно вскинув голову. Я не решался подойти к нему. Когда-то давно читал, что даже в моем «отсталом» веке лошади чувствовали дурного человека и шарахались от него. Как же поведет себя вот это совершеннейшее создание, этот нравственный чистюля? Что, если конь воспринимает человеческие биотоки как запах? А душа у меня, как убеждал мой собеседник, не слишком благоухающая. К стати, где ты, искуситель? Отзовись! Подскажи, что делать? В ответ — ни звука...

Из-за туч выплыла луна и осветила меня. Мое внешнее сходство с Василем, прежним владельцем тела, ввело Орленка в заблуждение. В его глазах почти человеческие чувства смущения и вины. Опустив голову и словно прося прощения, он начал приближаться, но в трех шагах от меня вздрогнул и замер. «Учуял, мерзавец», — пронеслась неприятная мысль. Вскрапнув, Орленок с отращением отскочил в сторону, затем перешел на спокойный быстрый шаг и на соседней поляне присоединился к другому красавцу — серому в яблоках коню.

Откуда взялся второй конь? Кто он? Такой же чуткий хронорысак? Я не стал ломать над этим голову. Здесь меня наверняка подстерегают неожиданности куда более странные.

И они не заставили себя ждать. Не прошел я по лесу и двух километров, как за спиной послышался шорох, словно слабый ветерок коснулся сухих былинки. Кто-то крался за мной! Я обернулся. За жиденьким кустарником шевелился клубок тьмы более черной и плотной, чем окружающая ночная мгла. Клубок кольхнулся и, зашипев, рассеялся.

Я стоял, не веря страшной догадке. За кустарником снова что-то шевельнулось. Змеино извиваясь, оттуда выползли черные волокна и мохнатые ключья. В ложбинке передо мной они сплелись, загустели, приобрели четкую форму. Тьма овеществилась!

Волосы поднялись у меня на голове: Черный паук! Создание моей же собственной фантазии! В одном из своих романов я изобразил паукообразное чудовище — пожирателя разумной протоплазмы. И вот жуткий вымысел ожил... Материализовался! Большой, почти в человеческий рост, ступок приземистой тьмы выполз из ложбинки и приближался на членистых паучьих лапах.

Единственное средство спасения — свет. Причем только естественный. Что делать?

Я вскрикнул и побежал. Запнувшись о корягу, упал, тут же вскочил и оцепенел от ужаса. Черный паук глядел на меня своими зеленовато мерцающими и словно оценивающими глазами. Удостоверившись, что перед ним то, что надо, паук протянул ко мне мохнатую лапу и удовлетворенно прохрипел:

— Разумная протоплазма... Вкусно!

Изо всех сил я бросился туда, где редели деревья. Помогало сильное, натренированное тело, ставшее моим. Я мчался, как лучший в мире спринтер, делал чемпионские прыжки. На сравнительно большой поляне остановился.

К счастью, светало. В сереющем небе таял диск луны, гасли звезды. Но Черный паук жаждал во что бы то ни стало полакомиться мною. Уж очень «вкусным» я ему казался. Он выкатился на опушку, с треском, словно танк, подминая кусты. На поляне, однако, сник; полз медленно и осторожно, придерживаясь темных низин. И все же перед рассветом не устоял. Зашипев в бессильной злобе, растаял. Рассеялся, как рассеивается обычная тьма.

Дрожа от страха и предутреннего холода, я простоял на поляне еще с полчаса. Мысли метались в голове, но понемногу я начал успокаиваться и кое-что соображать. Итак, я, видимо, в стране, где оживает все самое страшное и злое, что придумано человеком, где материализуются все его кошмары и химеры.

Странно: одновременно я забывал и об Орленке, и о миссии разведчика, и о многом другом. Знал, что я Пьер Гранье и что здесь я как бы заново родился, воскрес после смерти. «Материализовался» вместе с кошмарами! Но среди них я, как реально живший человек, должен оказаться на особом положении. Каком? Боже мой, уж не попаду ли я к ним в плен или в рабство? Вот это влип! И кто-то ведь подтолкнул меня на авантюру, соблазнил. Но кто? В памяти полный провал. В памяти лишь отдельные смутные представления о моей новой «родине» и кое-какие слова: «материализация», «персонаж». Да еще сказанное кем-то по моему адресу: «гаденьяк душа». Но кем?

Выглянувшее солнце позолотило макушки сосен, заискрились травы, и я робко шагнул в лес.

Сосновый бор наливался светом. Солнечные лучи острыми иглами протыкали ветви. Иглы накалялись, ширились и превращались в сияющие клинки, рассекавшие панически уползающую паучью тьму. Я ободрился: жуткий мой вымысел материализоваться уже не сможет. А когда бор сменился смешанным лесом, по-

чувствовал себя еще увереннее. Маленькими зеркалами сверкали листья клена, а белые стволы берез светились, как свечи. Я шел и шел в одном направлении. Куда-нибудь да выйду.

Становилось жарко. Преградившая путь река дышала прохладой, и я решил здесь передохнуть. Присея у широкой излучины со стоячей водой. На гляцевитых листьях кувшинок сидели лягушки и с любопытством таращили на меня глаза.

В середине излучины торчал сухой островок с чахлым кустиком. Рядом с ним, раздвинув слой ряски, из воды вынырнул горбатый незнакомец с водорослями, запутавшимися в седых волосах. Лицо у него широкое, с кривым носом и отвисшей нижней губой.

«Не красавец», — усмехнулся я, не испытывая ни удивления, ни страха. Мне ли, пережившему черный ужас, бояться какого-то водяного.

Водяной уселся на островок, меланхолично зевнул и огляделся. Увидев меня, захохотал.

— Ему жарко! — закричал он. — Девки, искупайте его!

Невесть откуда взялись «девки» — светловолосые русалки; одна из них упала с ветвей прямо на мои плечи.

— Искупаем! — смеялись они, ухватив меня за руки. — Мы его хорошо искупаем!

В тот же миг я барахтался в тине глубоко под водой. «Утопят, мерзавки», — со страхом подумал я, с трудом высвобождаясь из цепких русалочьих рук. Вынырнул, перевел дыхание.

— Так его, девки! — веселился водяной, но, увидев мое испуганное лицо, сжалился и махнул рукой: — Хватит с него.

Взметнув брызги, он скрылся под водой. Исчезли и русалки. «Ну и ну», — подумал я. — Надо поскорее убираться отсюда.

Через час лес наконец кончился и открылась равнина. Далеко у горизонта виднелись какие-то строения, чуть ближе коптели небо высокие заводские трубы. Я с облегчением вздохнул: знакомый с детства, привычный пейзаж!

На опушке, раскинув мохнатые ветви, росла одинокая сосна. Под ней стояла, сверкая черным лаком, новая «Волга». Я спрятался за куст и стал наблюдать.

Из машины, озираясь, вылез мужчина. Лицо у него как будто неглупое, худое, изрытое глубокими морщинами, вообще же он имел вид опустившегося и рано состарившегося человека. В том, что это человек («исторический персонаж», как здесь его, видимо, величают), я не сомневался. А знакомство с новым миром лучше всего начинать с человека. Какой он национальности, я не знал. Но мы с ним столкнемся: ведь наверняка говорим на одном и том же, неведомо кем вложенном в нас языке.

Я осмотрел свою измятую, еще не просохшую одежду. На брюках и пиджаке налипли листики ряски и зеленые нити водорослей. «Сойдет», — решил я и выступил из-за куста.

— Водяной! — попятился незнакомец и замахал руками. — А ну стинь, проклятый! Сгинь!

— Я не водяной, — успокоил я его. — И вообще не мифологический и не сказочный...

Слово «персонаж» из предосторожности не произнес. Ждал, что скажет незнакомец.

— Литературный персонаж?

Итак, «персонаж» и другие слова, навязчиво вертевшиеся в моем мозгу, здесь как будто в большом ходу. И я уверенно, даже с бахвальством заявил:

— Нет. Я исторический персонаж.

— Штурмбанфюрер! — радостно воскликнул человек. Он подскокал ко мне и, похлопывая по плечу, счастливо приговаривал: — Штурмбанфюрер! Палац! Наконец-то. Я так ждал тебя.

— Этого еще не хватало, — искренне обиделся я. — Хоть и гадкая душонка у меня, но я не штурмбанфюрер!

— А когда жил-то?

— В конце двадцатого века.

— А-а, — протянул незнакомец. — А звать как?

— Пьер Гранье.

— Немец? — Человек ободряюще подмигнул. Он все еще надеялся, что перед ним замаскировавшийся штурмбанфюрер. — Да ты не бойся. Здесь в почете будешь.

— Скорее француз. Но еще точнее — никто. По происхождению и местожительству я гражданин мира, перекати-поле. Но в последние годы жил в Западной Германии.

— Ладно, — подумав, сказал человек. — Сгодишься на что-нибудь, если пройдешь проверку на бесчеловечность. Неплохо, если бы ты был инженером или ученым. Им нужен этот... Как его? Научный и технический прогресс.

— Я писатель-фантаст.

— Очень неплохо! Однако учти, был тут у нас один писатель. Он мог писать только то, что хотел, а не то, что нужно. За ненадобностью его вчера сожгли.

«Ничего себе», — поехился я.

— Не бойся, — усмехнулся человек. — Исторические персонажи, то есть люди, большая редкость. Они дорожат нами.

— Кто — они?

— Изгнанники, — ответил незнакомец и почему-то показал на ту самую одинокую сосну. На ее нижних ветвях сидели две вороны и с явным вниманием разглядывали нас. — Их будто бы изгнали с родины, из далекого будущего. Это драконы, ведьмы и вообще нечистая сила. Они действительно сила. Даже страшно. Но они... Как это? Не могут сделать новое.

— Понимаю, — вслух сообразил я. — Они умеют только то, что заложено в них сказочной и мифологической традицией. К творчеству, к широкому поиску способны только люди.

— Ловко чешешь! — восхитился мой собеседник. — Толковый, видать, малый. Гроссмейстер будет доволен.

— А это кто такой?

— Наш диктатор. — Он отчего-то перешел на шепот. — И знаешь, кто сейчас на троне Гроссмейстера? Сам сатана.

— А почему Гроссмейстер?

— Не знаю... Все мы пешки в его руках. Может быть, поэтому? — Человек вдруг оживился и спросил: — Кстати, играешь в шахматы? Вот и хорошо. А то надоели карты.

Он подошел к машине и вытащил из багажника не шахматы, как я ожидал, а две бутылки водки и закуски.

— Выпьем для знакомства, — предложил он, усевшись на траву. — Меня зовут Алкаш.

— То есть Аркадий?

— Нет, просто Алкаш, — с затаенной обидой ответил он. — В прежней жизни меня постоянно так звали. Алкаш да Алкаш. Ну и черт с ними! Пусть буду Алкаш... А здесь я воскрес давно. Проверки еще были мягкими. Это сейчас боятся каких-то разведчиков. А тогда мне сразу поверили и дали право на жительство. Смотри!

На лацкане его пиджака красовался квадратный знак, служивший, как я догадывался, чем-то вроде паспорта. На нем светилась надпись: «Алкаш (1940—2001). Слесарь-сантехник. Сомнений не вызывает. Бесчеловечен в слабой степени».

«А я в какой степени?» — с упавшим настроением подумал я.

— Не унывай, дружище, — ободрил Алкаш. — Выпей, и сразу полегчает.

Пожалуй, он прав. Вслед за Алкашом я выпил полный стакан водки. С непривычки закашлялся; но, закусив, почувствовал приятное головокружение, прилив уверенности и храбрости. Услышав между делом о Черном пауке, нисколько не смутился, спросил почти с искренним удивлением:

— А это еще кто такой?

— Что-то очень страшное. В городе-то он появиться не может, вылезает из темноты в лесу. А чертям, драконам и даже Гроссмейстеру очень хочется посмотреть на него.

— Вот пошли бы ночью и полюбовались.

— Что ты! Они ненавидят лес и боятся леших, русалок и других лесных жителей. Кроме черного страшилища, его они обожают. Паук — их союзник.

— А как получить паспорт? — спросил я, желая переменить разговор. Я и сам догадывался, чьим союзником может быть жуткое создание.

— Мне его выдал сам директор департамента. Это какой-то нечистый, очень похожий на кота. Зовут его Аристарх Фалелеич.

— Аристарх Фалелеич! — воскликнул я. — Уж не Мурлыкин ли?

— Мурлыкин, — с удивлением подтвердил Алкаш. —

А ты откуда его знаешь?

— В фантастической повести Погорельского «Лафертовская маковница» есть такой нечистый дух. Кот-оборотень и чиновник. Уж не он ли?

Алкаш пожал плечами. Ну, конечно! Откуда ему знать Погорельского? «Все равно с ним полезно поговорить и кое-что выведать», — подумал я. А чтобы речь

Алкаша лилась свободнее, наполнил его стакан. И сделал это напрасно. Собеседник мой совсем захмелел и заплетающимся языком с трудом выговаривал слова.

— Ты где мат... мат... Тьфу, мать твою!

— Материализовался? — подсказал я. — Вон там, около реки.

— Тогда понятно... почему похож на водяного. Русалки искупали? Меня тоже чуть не утопили. Во стервы! Мне сейчас надо туда. Но боюсь.

— А зачем надо?

— У них есть сведения, что там должен мат... Тьфу, мать твою! Должен появиться исторический... Этот... Штурм... Штурм... бан...

— Штурмбанфюрер?

— Он, подлюга! За доставку обещали орден. Пытатель им нужен. При допросах.

— Здесь же чертей до черта!

— Черти слабаки, сейчас сам увидишь. — Алкаш обернулся к сосне, где по-прежнему сидели вороны, и крикнул: — Эй, вы! Носач! Мефодий! Ко мне!

Вороны каркнули, прыгнули на землю и превратились в чертей, в традиционных слуг дьявола — с рогами и копытами, с коричневой шерстью, пахнущей серой.

Черти подскочили и наставили на меня сверкающие на солнце вилы.

— Видел? — Алкаш засмеялся. — Вилы! Ничего умнее не придумали.

Однако вилы касались моих плеч и портили мне настроение. К счастью, чертей отвлекло одно странное происшествие.

Из леса выскочило существо, похожее на них же, но гораздо меньших размеров. Увидев нас, жалкое создание заметалось. Кинулось было в лес, но взвизгнув от ужаса, отскочило обратно.

— Мелкий бес! — закричал Мефодий. — Лови его!

В охоте принял участие и Алкаш. Покачнувшись, он упал, но при этом сумел ухватить беса за хвост. Мефодий вцепился в рога, а в лапах Носача неведомо как оказались ремни и веревки.

Вскоре туго связанный бес валялся у машины и жалобно скулил. Над ним склонился Носач, нюхнул и отвернулся с величайшим омерзением.

— Какая гадость!

— Вот так, — подмигнул мне Алкаш. — Стыдятся они своего родства с этой мелочью. Соберут десятка два, свалят в кучу и сожгут.

Мефодий и Носач, засунув мелкого беса в багажник, снова наставили на меня вилы.

— Этого туда же? В багажник?

— Сдурели, — рассердился Алкаш. — Мне за него медаль дадут. Вам надо иметь при нем приличный вид. Человеческий! Это же персонаж исторический.

Услышав это, черти тут же приняли человеческий облик. Предо мной стояли мушкетеры времен кардинала Ришелье. Рослый Носач мог бы сойти за Портоса, если бы не сутуловатость и непомерно большой нос. Щеголеватый Мефодий то и дело поглаживал эфес шпаги, поправлял богато расшитый пояс и улыбался. Форма мушкетера, видать, ему очень нравилась.

— А ну, проваливайте, — махнул рукой Алкаш. — Не мешайте нам.

Мушкетеры уменьшились, обратившись при этом в ворон, взмахнули крыльями и уселись на прежнее место — на нижние ветви сосны.

— Видел? — спросил Алкаш, явно хвастая своей властью над чертями.

Власть, однако, оказалась призрачной. Речь Алкаша становилась все более бессвязной, но я все же выяснил, что Мефодий и Носач действительно его слуги. Но одновременно и конвоиры. Они неотступно следовали за ним, жили в одной квартире и по малейшему подозрению в неблаговидных намерениях могли доставить в ЦДП. Что это такое — не знаю. Но когда Алкаш, с трудом ворочая языком, выговаривал «цедепе», он бледнел. И ужас этот невольно передавался мне.

Для храбрости я выпил еще полстакана водки, потом еще... Дальнейшее помню смутно. Кажется, мы с Алкашом обнимались, клялись в вечной дружбе и, как это частенько бывает, тут же подрались.

Опомнился я, когда вдруг зазвенело в голове, а из глаз посыпались искры. Мефодий, стукнувший меня копытом по лбу, стоял рядом, поддерживая за плечи. Рога и копыта исчезли, на меня с презрением смотрел мушкетер.

— Эх вы, а еще люди. Напились, как свиньи.

Обмякшего Алкаша за шиворот держал Носач. Брезгливо обнюхав его, он пробормотал:

— Свиньи. Возись теперь с ними.

— Ничего, — усмехнулся Мефодий. — Мы их в цедепе. Там они быстро очнутся.

— Не смее, — встрепенулся Алкаш.

Ужас перед ЦДП был так велик, по-видимому, что Алкаш на миг протрезвел. Он засуетился, усадил меня и своих конвоиров в машину и взялся за руль. Машина, однако, виляла, шараясь из стороны в сторону, наконец съехала во влажную луговину и забуксовала. Водитель бессильно уронил голову на руль.

— Говорил же, — уныло гнусавил Носач. — Возись теперь.

Черти вышли из машины, подхватили ее с двух сторон и... У меня сердце зашло от страха, когда увидел, что летим высоко в поднебесье. От толчка Алкаш очнулся, равнодушно посмотрел на проплы-

вающие внизу облака и, сплунув, снова упал на руль.

«Привык уже, — шевельнулась у меня злая мысль. — Как же, старожил!»

Машина приземлилась около высокого здания. Мефодий ввел меня в вестибюль, сзади плелся Алкаш и кричал:

— Доставлю! Я сам!

— Сначала выпись, — проворчал Носач.

Поднялись на лифте, шли какими-то коридорами. Меня бережно передавали из рук в руки и наконец усадили перед огромным экраном. На нем заплескали искры, поползли разноцветные полосы.

«Мои нервные токи, — мелькали догадки. — Это что? Проверяюсь на бесчеловечность? А, плевать!»

Рядом стояли какие-то люди. Но люди ли? Нет, не боялся я их нисколько. В груди бродила хмельная отвага. Я был смел до дерзости и несколько уязвлен: окружающие вели себя, как мне казалось, не слишком учтиво. Они тыкали в меня пальцами, жестикулировали и о чем-то громко спорили. До моего затуманенного сознания доходили лишь обрывки фраз.

— Сейчас бесполезно... Все его импульсы перепутались.

— Исторический?

— Несомненно... Это человек.

— Уверены? Почему?

— Хотя бы потому, что он пьян... — Я ожидал, что говоривший скажет «как свинья», но услышал еще более оскорбительное: — Он пьян, как человек.

— Это Алкаш его...

— Я не Алкаш! — взвился я. — Не путайте меня с ним! Я Пьер Гранье, известный писатель-фантаст и композитор. Это ты Алкаш!

Я ткнул пальцем в полного субъекта с красными губами и плюнул ему в лицо. Субъект злобно зарычал. Сжав кулаки, он шагнул ко мне, но сдержался и отошел в сторону.

Ко мне отнеслись терпимо. Кажется, даже уговаривали, пытались снова усадить в кресло. Особенно обходительной была молодая блондинка с нежным голосом и до того красивая, что я, взмахнув кулаком, закричал:

— Не притворяйся! Знаю, кто ты. Ты ведьма!

— Уведи его! — послышался чей-то повелительный голос. — Пусть проспится.

Проснулся я утром следующего дня в светлой уютной комнате. Сознание было ясным, но настроение — хуже не придумаешь. «Что я вытворял вчера? — с отвращением вспоминал я. — А впрочем, все к лучшему. Они убедились, что я подхожу им, что я достаточно... Как это у них? Бесчеловечен?»

Побаливала голова. Умывшись, почувствовал облегчение и стал одеваться. Отутюженная одежда лежала на стуле, ботинки начищены до блеска. Кто это поставил? Невидимые слуги? Мои конвоиры?

Я сел за стол и неуверенно произнес:

— Эй! Есть кто-нибудь?

Перед столом бесшумно возникли два субъекта. Пышные эпoletы на плечах, сапоги со шпорами, сабли... «Э, да мне достались гусары времен Кутузова», — усмехнулся я, и настроение почему-то начало повышаться. Одному из субъектов, высокому и стройному, с лихо закрученными усами, подходит, пожалуй, имя Усач. Другого, пониже ростом, но кряжистого, я мысленно назвал Крепышом.

— Чего изволите? — вежливо спросил Усач.

— Вы... черти?

— Так точно! — отозвались гусары и прищелкнули...

Вот чем прищелкнули — каблуками сапог или копытами — разглядеть не успел, ибо в мгновение ока передо мной стояли черти. Высокий и стройный мохнатой лапой поправлял свои усы, а коренастый уставлялся на меня внимательными немигающими глазами. Все это

меня забавляло, и я с усмешкой спросил:

— А еще кем умеете быть? Воронами?

— Прошу не оскорблять,— Крепыш обидчиво вскинул рогатую голову.— Мы не вороны.

— А кто же вы?

— Мышки,— ответил Усач.

Шерсть на чертах чуть задымилась, сами они затуманились и быстро свернулись в серых мышей, резво бегавших возле стола. Одна из них, с длинными усами, так и норовила взобраться на мои ботинки. Я поспешно замахал руками.

— Хватит! Верю, что вы мышки.

Смешные конвоиры мои вернулись в гусарский вид. Галантный Усач, звякнув шпорами, слегка склонился и спросил:

— Что желаете? Завтракать? Нет ничего проще.

Он взмахнул над столом рукой. Появились скатерть и чрезвычайно обильный завтрак; в большой посудине, шипя в масле, дымился поросенок.

— Куда столько?— удивился я.— Может быть, и вы со мной позавтракаете?

— Разумеется,— ответил Крепыш и без тени юмора добавил:— Ничто человеческое нам не чуждо.

Крепыш оказался прожорливым чертом. Рыбу отплевывая в рот почти целиком и перемалывая кости крепкими зубами, поросенка рвал руками, а засаленные пальцы вытирал о скатерть. Кончилось тем, что Усач не выдержал, поморщился и толкнул его в бок. Вздрыгнув, Крепыш вооружился вилкой и постарался есть аккуратнее.

Позавтракав, Крепыш сказал:

— А сейчас на проверку.

— Надо так надо.— Я понимал, что процедуры, которую вчера сорвал, не избежать.

Вышли на улицу. Одноэтажный коттедж, данный мне, вероятно, в личное пользование, стоял на краю города. Перед окнами небольшой сад с яблоней и кустами сирени, позади расстился пустырь. Вдали синела кромка леса.

На пустыре сустились изгнанники. Кто кем был, разобрать невозможно, ибо все они имели человеческий облик и были одеты в рабочие спецовки.

Внезапно, словно из-под земли, вырос цех с дымящейся трубой, потом второй, третий... Под ликующие крики «Ура!» возник завод. Кажется, точно такой я уже видел в своем двадцатом веке.

Но когда приступили к «постройке» рабочего поселка, начались споры. Изгнанники не могли даже договориться, какую эпоху предпочесть. Поочередно появлялись то небоскребы Нью-Йорка, то средневековые замки. Кто-то из озорства или по ошибке выхватил из прошлого и поставил рядом с заводом нарядную церковь, кресты которой жарко засверкали под солнцем. Это возмутило одного низкорослого типа. Он развернулся в стометрового гиганта и пнул церковь с такой яростью, что та разлетелась на куски. Обломки растаяли в воздухе, уйдя в небытие, а сам гигант вернулся в человеческий образ. Вероятно, то был злой великан из какой-то сказки.

— Засмотрелся,— хмыкнул Крепыш и грубовато толкнул меня в плечо.— Идем в город.

Город оказался хаотичным нагромождением зданий из разных эпох. Арабская мечеть стояла рядом с Кельнским собором, под боком у небоскреба притулился замок с полуразрушенными бойницами. И тут же высилась Эйфелева башня.

Однако чем ближе к центру, тем больше было единообразия и порядка. Ровными рядами тянулись многоэтажные дома. По широким улицам привычно сновали автомашины, витрины магазинов светились рекламными огнями. На минуту остановился у книжного прилавка. Романы о шпионах и гангстерах, кроваво-фантастика, комиксы— и тут же редкое издание

Шопенгауэра. Хотел взять с собой, но вспомнил, где нахожусь, и бессильно опустил руки.

«Держаться,— приказал я себе.— Главное выжить, а там будет видно».

Конвоиры не торопили меня, давая возможность освоиться. Я приободрился, начал с любопытством присматриваться к прохожим. Вскидывая тощие ноги, впереди шел какой-то долговязый тип в джинсах. Может быть, Кощей Бессмертный? Рядом с ним, тяжело ступая, шагал толстяк. «Наверняка дракон в своем истинном виде»,— подумал я. Мог я, конечно, и ошибиться. Но что поделаешь, если внешность иных горожан была выразительна до шаржа!

По сопровождавшим меня конвоирам прохожие догадывались, что я персонаж реально живший, а не вымышленный, как в большинстве они сами. Многие приостанавливались, бесцеремонно разглядывали меня. Хорошенькие девушки приветливо улыбались. Увы, и в этом мире мне льстило их внимание, хотя я прекрасно понимал, что каждая из здешних красавиц может оказаться бог весть кем.

Одна из них, миловидная и со вкусом одетая девица с зонтиком, давно уже следовала за мной, иногда забегала вперед, пытаясь лучше рассмотреть. Густой поток прохожих мешал ей. Она уселась на зонтик, ставший вдруг метлой, превратилась в старую отвратительную ведьму с кривым носом, взмыла вверх и начала кружиться надо мной.

— Позор!— слышались возмущенные возгласы.— Куда смотрит полиция?

Подскочили полицейские, ловко стянули ведьму вниз, стали избивать ее резиновыми дубинками.

— Не буду больше!— кричала она.

Не обращая внимания на вопли, полицейские продолжали «вколачивать» ведьму в человеческий облик. Когда они ушли, на тротуаре беспомощно лежала давшая девица. Ее полноватые губы рассечены, хорошенькое личико исполосовано синими рубцами. Я хотел помочь ей подняться, но девица встала сама и, прихрамывая, поспешно завернула за угол.

— Так ей и надо,— злорадствовали прохожие.— Надо долго запомнит.

Вероятно, появляться в общественных местах в своем первородном облике считалось у нечистой силы неприличным.

Но где же исторические персонажи? Хотя бы один? Как ни вглядывался в прохожих, собратьев не находил. А когда неожиданно столкнулся с таковым, то не обрадовался. Фальшивая, будто наклеенная улыбка, липкие и верткие глаза... «Скользкий тип»,— поморщился я. По сравнению с ним его конвоиры— послые гранадеры— выглядели бравыми и симпатичными молодцами.

На другой улице встретил одноногого с костылем, до того знакомого, будто дружил с ним в своей прошлой жизни. Но был он без конвоиров. От его широкой треугольной шляпы, от синего камзола и торчащих за поясом пистолетов веяло разгульной морской романтикой. На плече одноногого сидел попугай. И что-то радостное, давно забытое дрогнуло в моей груди. Это же Джон Сильвер!

Встретив мой взгляд, пират приостановился, с улыбкой спросил:

— Мой читатель?

Я кивнул. Крепыш толкнул меня в плечо и проворчал:— Не задерживайся. Здесь еще не таких типов увидишь.

Вышли на большую, покрытую гранитной брусчаткой площадь. «Парламент»,— светилось над одним из дворцов. В сотне метров от него, на другом краю площади, стояло хорошо знакомое сооружение прошлого— собор Парижской богоматери. Над ним зловещим багровым огнем полыхали буквы— «ЦДП». Чуть

ниже светилась разъясняющая надпись: «Центр допросов и пыток».

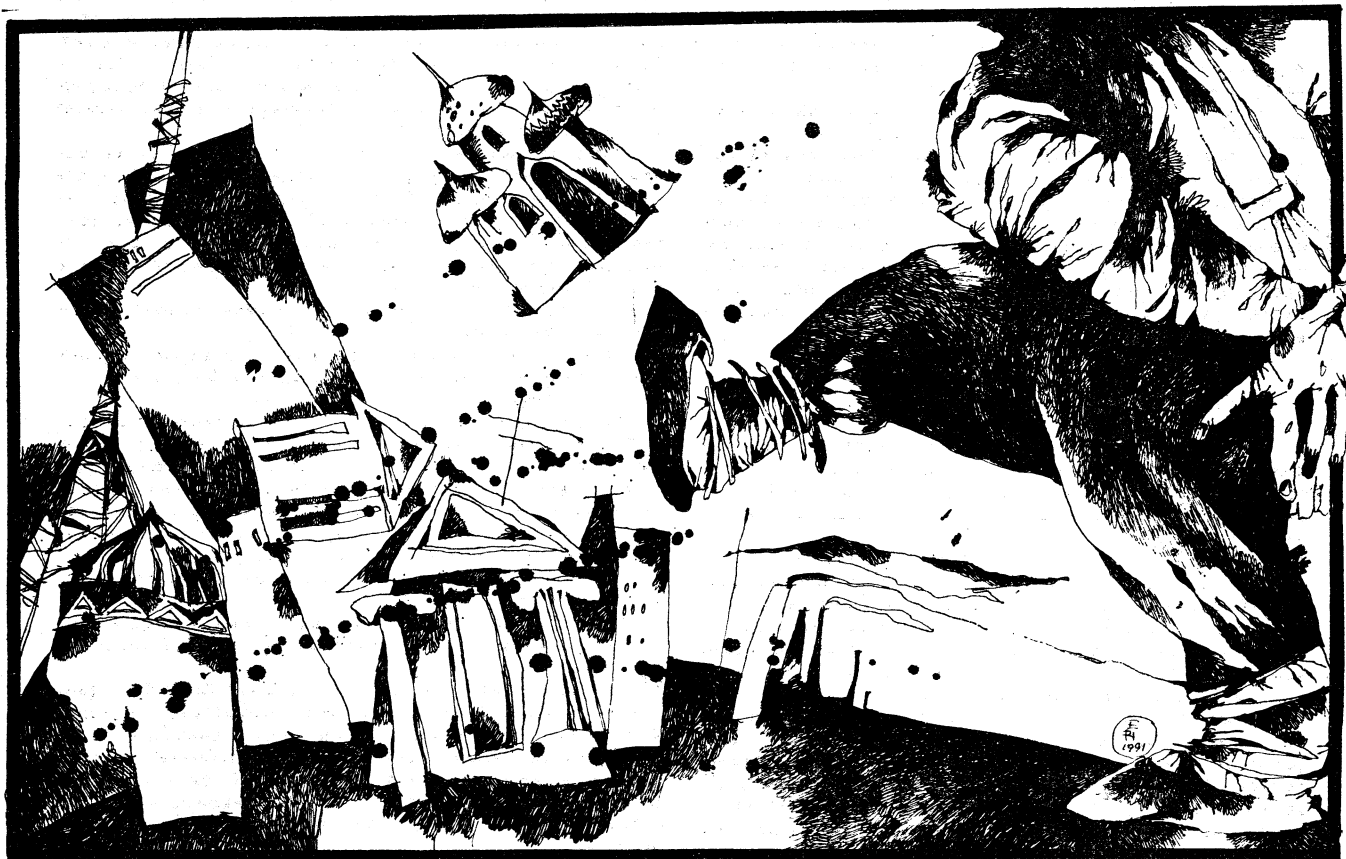
«Веселенькое заведенье», — пожегся я и хотел свернуть на боковую улицу. Однако конвоиры, ухмыляясь, подталкивали меня к страшному собору. «За что?» — хотел я крикнуть, но из горла вырвался лишь сиплый невнятный звук.

Сердце у меня останавливалось, потом гулко колотилось и снова замирало. Ноги подкосились, словно стали ватными. Гусары подхватили меня под мышки и подвели к дверям собора, где, подмигивая, насмешливо искрились слова: «Добро пожаловать». Но тут конвоиры вдруг круто свернули в сторону. Уже далеко от собора, на узкой тихой улочке, страх понемногу от-

Я очутился в маленькой темной прихожей перед тяжелыми бархатными портьерами. Чуть раздвинул их и в образовавшуюся щель увидел просторный светлый кабинет. На обширном столе кипы бумаг, телефоны, пишущая машинка. Кресло секретарши пустовало, зато рядом с машинкой сидела пушистая белая кошечка и, поглядывая в зеркало, умывалась. Услышав шорох портьер, она вздрогнула и спрыгнула в кресло.

Предупредительно кашлянув, я вошел в кабинет. В кресле сидела молодая блондинка с высокой пышной прической «Ведьма», — понял я. — Кажется, та самая, которой вчера наругался.

Секретарша встала. «Да она прехорошенькая», — отметил я, стараясь при этом не гнать столь привычные

пустил меня, разжал свои тиски. Колени дрожали, но шел я уже самостоятельно. По бокам шагали мои гусары. Они поглядывали на меня, перемигивались и довольно похотывали.

— Что это вы устроили? — с раздражением спросил я.

— Мы пошутили, — хихикнул Усач.

— Дурацкая шутка!

— Как умеем, — обиделся Крепыш.

Недовольные друг другом, мы молча подошли к многоэтажному зданию, над которым светились буквы «ДИП».

«Департамент исторических персонажей», — сообразил я. Конвоиры ввели меня в прохладный вестибюль, потом мы поднялись в лифте и остановились на шестом этаже.

— Мы будем ждать здесь, — сказал Крепыш, подталкивая меня к одной из дверей.

для меня в прежней жизни блудливые мысли. В ни-то, быть может, сейчас мое спасение... Я поклонился и с искренним сожалением сказал:

— Извините, мадемуазель. Вчера получилось не очень красиво.

— Что вы, голубчик, — нежно проворковала она. — Не переживайте. Мы же понимаем, что это Алкаш напоил вас. Сами, надеюсь, не пьете?

— Почти, мадемуазель... простите, как вас?..

— Элизабет, — улыбнулась блондинка.

— Пьер Гранье, — в свою очередь представился я. — Известный в прошлом писатель-фантаст и немножко композитор.

— Это вранье мы уже слышали вчера, — раздался зади сиплый бас.

Я обернулся, и сердце у меня зашло в груди: дракон! Тот самый толстый тип, в которого я вчера плюнул. Хотя он имел вид respectableного дельца,

вырядившегося в старомодный фрак, я почему-то не сомневался, что это дракон.

— Наш сотрудник мистер Ванвейден,— представила его Элизабет.

— Не вранье,— собравшись с духом, возразил я.— Говорю правду.

— Это мы сейчас проверим,— послышалось из угла, в котором до того никого не было.

Среднего роста субъект, одетый в зеленый сюртук, выступил оттуда и прошелся по комнате. Походка у него была мягкая и вкрадчивая, на круглой физиономии сладко жмурились глаза; шевелились длинные усы.

— Директор нашего департамента,— почтительно шепнула Элизабет.— Аристарх Фалелеич Мурлыкин.

— Вы... из повести Погорельского?— спросил я.

— Ах, ты читал «Лафертовскую маковницу»,— приятно удивился Аристарх Фалелеич и чуть не замурылкал от удовольствия.— Прелестная вещица. Прелестная. Не правда ли?

Однако тут же, посчитав, видимо, что запанибратские отношения с непроверенным персонажем неуместны, он нахмурился и властным голосом приказал:

— Введите его!

Мистер Ванвейден грубо толкнул меня еще в одну вдруг возникшую дверь. Я споткнулся о порог. «Дурная примета»,— неприятно кольнуло в груди. Обнаружил, что нахожусь в огромном светлом зале. Какие-то субъекты в белых халатах возлизили около помигивающей огоньками электронной аппаратуры.

Директор департамента хотел усадить меня за стол— знакомый мне по прежней жизни детектор лжи. Но мистер Ванвейден, скривив красные губы, сказал:

— Дурацкий примитив. Он так же врет, как этот тип.

— Ладно,— согласился Мурлыкин.— Веди его к главному экрану.

Меня посадили перед огромным, почти во всю стену экраном, от тускло-свинцовой поверхности которого веяло пугающим холодом. Я смотрел на него с неприязненным чувством. Он сейчас вывернет меня наизнанку...

Похожий на гнома низкорослый человечек суетился, нажимая кнопки, но экран не загорался.

— Опять не работает,— недовольно проворчал Мурлыкин.

— Сложная неисправность,— заискивающе юлил гном.— Нам не справиться. Согласился помочь Непобедимый. Сейчас придет.

— Сам Непобедимый!— воскликнул директор.— Будем ждать.

К моим рукам, к груди и вискам пиявками присосались датчики. Потом меня привязали к креслу и стали ждать. Немного погодя по залу прошелестел, как ветерок в камышах, почтительный шепот:

— Непобедимый... Непобедимый...

Я повернул голову в сторону двери и застыл с разинутым ртом... Дядя Абу! Откуда он? Из каких закоулков памяти вынырнул этот добряк и любимец детворы? Где мог я его видеть?

Таинственный посетитель с усмешкой оглядел рабски согнувшихся изгнанников. Увидев меня, он удивленно вскинул брови и... подмигнул. Затем подошел к экрану, повозился минуты две и удалился, сопровождаемый подобострастными поклонами.

Экран засветился, а я все еще не мог опомниться и сидел с глупо разинутым ртом. Мурлыкин хмуро обратился к своему помощнику:

— Поноухай на всякий случай. Уж не пьян ли снова?

— Дыхни!— грубо приказал мистер Ванвейден. Он склонился надо мной, поноухал и заявил:— Притворяется. Можно начинать.

На экране поплыли зеленые круги, заколыхались оранжевые полосы. Все это слилось в многоцветное

волнующееся облако— в наглядную картину моей «гаденкой души». Горькие слова эти вспомнились потому, что облако было какое-то скользкое, с неясными расплывчатыми краями. Глядя на него, директор департамента удовлетворенно потирал руки.

— Видишь?— улыбаясь и показывая на экран, обратился он к мистру Ванвейдену.— У него аморфная нравственность... Приспособленческая! Это хорошо.

Нечто подобное я где-то уже слышал не раз, к подобным оскорблениям почти привык. Вскоре я мысленно поблагодарил своих конвоиров. Их злая шутка неожиданно сыграла спасительную роль, пришла весьма кстати. Ужас перед ЦДП с большой силой всколыхнул инстинкт самосохранения, и тот до сих пор не улегся, рисуя на экране четкие линии. Директор Мурлыкин умело расшифровывал их и, не стесняясь в выражениях, давал обидные для меня пояснения.

— Что характерно для него, так это трусость и преувеличенное представление о своей особе. Чтобы сохранить свою шкуру, он будет исправно служить нам.— Обернувшись ко мне, он с усмешкой спросил:— Ведь так?

— А что мне остается?

— Верно. Ничего тебе больше не остается,— искривив губы, злорадно ухмыльнулся мистер Ванвейден.

— Внешне он умеет вести себя как порядочный человек,— продолжал директор департамента.— Но внутри-то! Видишь? Прекрасная картина. Нравственный вакуум! Полное отсутствие ненужных идеалов и моральных устоев.

— Тоже верно,— осклабился мистер Ванвейден.— Перед нами законченный подонок.

Это уж слишком! Я дернулся в кресле, но быстро совладал с собой и успокоился. Вернее, просто сник. «Я такой и нужен»,— метнулась тоскливая мысль.

— Подонок?— добродушно рассмеялся Мурлыкин.— Преувеличиваешь. Никак не можешь простить вчерашнее. Что поделаешь, поведение исторических персонажей непредсказуемо и опасно. Но так же непредсказуемы, игривы скачки их мышления и воображения. И в этом творческая полезность людей, их эвристическая ценность для нашего прогресса. Они способны на любую дьявольскую выдумку. И не только в технике. Без них не было бы сейчас ни меня с тобой, ни нашего любимого Гроссмейстера. Иной раз люди выдумают такое, чему и сами потом не рады.

«Это уж точно»,— подумал я, удивляясь, откуда хватался эрудиции кот-оборотень, этот ветхозаветный нечистый дух.

Экран погас, и я с облегчением вздохнул: проверку выдержал.

— Не радуйся,— усмехнулся Мурлыкин.— Осталось самое главное: установить твою идентичность с историческим Пьером Гранье.

— Трудное это дело,— сказал мистер Ванвейден.— Сейчас Память работает с переборами. Для начала вызову стол и стулья.

Загадочная Память работала и в самом деле из рук вон плохо, с большим трудом и неохотой выбрасывая вещи из исторического прошлого. Правда, стол она материализовала новый и крепкий, сверкающий коричневым лаком. Но что за стулья! Старые и колченогие, они будто выхвачены из захлавленного, затянута паутиной сарая. Один из стульев под грузным Ванвейденом треснул и развалился. Мистер Ванвейден тяжело поднялся и, чертыхаясь, со злостью пнул обломки.

— Приведи референта по идентичности,— предложил Мурлыкин.— У нее получается лучше.

«А дракон-то с лендой»— отметил я, глядя, как Ванвейден нехотя, вразалочку зашагал в приемную. Вернулся он с Элизабет.

— Все материалы по Пьеру Гранье, какие удалось взять из Памяти, здесь,— Элизабет подняла миниатюрную дамскую сумочку, в которой могли уместиться лишь зеркальце и пудреница.

«Небогато»,— подумал я, забыв, что сумочка принадлежит ведьме. Элизабет раскрыла ее и вытащила внушительную по размерам партитуру оперы «Раймонда» — мое юношеское заносчивое подражание Сен-Сансу. Оперу забраковали, но партитура каким-то чудом сохранилась в архивах театра. И вот ее материализовалась копия здесь.

— Не то,— Аристарх Фалелеич отшвырнул партитуру.— Как я могу по этому бараклу установить идентичность?

— Вот, кажется, то, что надо...

Мистер Ванвейден взял у Элизабет том «Литературной энциклопедии» и начал листать. Нашел мой портрет и к нему небольшой текст на одну колонку.

— Вроде похож,— сказал Аристарх Фалелеич, взглянув на портрет.

— Похожих людей много,— возразил его помощник.— А вот биографии неповторимы.

Сверяясь с текстом, он выспрашивал у меня, где я жил, в каких странах и когда путешествовал, какие произведения написал. Я отвечал подробно и уверенно.

— Все совпадает,— разочарованно пробубнил мистер Ванвейден. Очень уж хотелось ему съечь меня.— Но этого мало. Нужна спецпроверка.

— Спецпроверка? — Мурлыкин пожал плечами.— А если он от страха с ума спятил? Кто отвечать будет? Но для идентичности энциклопедии маловато.

Элизабет настойчиво предлагала шефу еще какие-то книги.

— Что это? — спросил он.

— Фантастические романы самого Пьера Гранье.

— Не надо,— Мурлыкин махнул рукой.

— Как не надо? — возразила Элизабет.— Для идентичности в самый раз. Его книги расскажут больше, чем экран. В творчестве художник проявляет свою личность, его произведения — это его духовный и нравственный автопортрет.

«Умница», — отметил я. Аристарх Фалелеич подумал и согласился.

— А ведь дело говоришь!

Он взял у нее три книги. И одна из них — жуткая фантазмагория «Черный паук». Мурлыкин бережно полагал этот роман, а потом посмотрел на меня с любопытством и уважением.

— Так это ты придумал Черного паука?

Я кивнул.

— Врет,— угрюмо упорствовал мистер Ванвейден.— Спецпроверка. Нужна спецпроверка.

— Ладно,— сдался Аристарх Фалелеич.— Против спецпроверки не возражаю. Вот ты и проведешь ее.

— Опять я,— недовольно проворчал Ванвейден, но ослушаться не посмел. Он зашелкнул на моих запястьях стальные наручники, похожие скорее на кандалы, и со зловещей усмешкой сказал: — Через несколько часов сниму.

«Ерунда», — успокаивал я себя.— Ну, снимет, расшифрует показания датчиков...» В наручниках, как я понимал, смонтирована микроаппаратура, регистрирующая самые затаенные мысли, чувства и настроения.

Тем временем директор департамента подозвал одного из служащих и вручил ему «Черного паука».

— Бестселлер Размножить и распространить.

Служащий бегом кинулся выполнять поручение.

— А самого автора отпустим,— сказал Мурлыкин.— Пусть пока живет. Ценный экземпляр.

Вместе с Элизабет я вышел в приемную. В груди бродила, плескалась животная радость: уцелел! Я им нужен! На пиджаке светился квадратный знак, дающий

право жить. На нем даты моего прежнего земного бытия и указано, что владелец его — писатель и что он «достаточно бесчеловечен». Внизу, правда, красным предупреждающим огнем горели слова: «Вызывает сомнения». Но они погаснут, как только снимут кандалы.

В коридоре меня поджидали Усач и Крепыш, мои простоватые и смешные конвоиры. Я был почти счастлив. С ними я чувствовал себя куда свободнее и безопаснее, чем в обществе страшного мистера Ванвейдена и добродушного по виду Мурлыкина.

Вышли на улицу, и первое, что бросилось в глаза — новый книжный киоск. Перед ним толпилось множество изгнанников. Отталкивая друг друга, каждый стремился протиснуться к лотку и схватить книгу. «Какая однако культурная страна,— удивлялся я.— Сколько книголюбов!»

Размахивая дубинкой, подскочил какой-то тип в новенькой полицейской форме и с ромбовидным знаком литературного персонажа на груди. Как я догадался чуть позже, это был знаменитый унтер Пришибеев.

— Нар-род, не толпись! — кричал он и лупил дубинкой по спинам книголюбов.— Р-разойдись!

— Осторожнее, болван! — возмущались в толпе.— Не видишь разве? Книги. Это разрешено.

Я протолкался вперед и увидел в лотке внушительные стопки моего «Черного паука». Вот этот роман и вызвал у нечистой силы ажиотаж: книга шла нарасхват. Раньше, в моей прежней жизни, такой успех привел бы меня в самовлюбленное и счастливое состояние. Но сейчас я отвернулся от лотка со стыдом и унынием. Тем более, что самого автора вели под конвоем и в кандалах.

На центральной площади, между «Парламентом» и страшным собором Парижской богородицы, тоже колыбалась толпа.

— Катастрофа! — слышались возбужденные голоса.— Автомобильная катастрофа!

Решительно работая локтями, из толпы выбрался субъект в кавалерийской бурке и разочарованно махнул рукой:

— Ничего особенного. Никого не раздавило.

Толпа понемногу рассасывалась, а когда вдали замаячила фигура унтера Пришибеева, исчезла совсем. На опустевшей площади — черная «Волга» с помятой фарой и врезавшийся в нее роскошный «Опель-рекорд». За его рулем сидела покрасневшая от смущения молодая девушка. Она открыла дверцу, вышла и завертела головой, не зная, куда деваться от стыда.

— Не умеешь, не берись! — сердито прогремел водитель «Волги» и тоже вышел из машины.

«Алкаш!» — обрадовался я. Подступая к сконфуженной девушке, он потрясал кулаком и кричал:

— Не берись, говорю, за руль! У, старая ведьма! Девушка и в самом деле вдруг обернулась дряхлой сгорбленной каргой, села на метлу и улетела. Да так проворно, что полицейские только рты разинули.

— Тьфу, нечистая сила,— нахмурился Алкаш. Но увидел меня, просиял: — Дружище! Жив!

— Жив. Директору департамента я понравился,— не без бахвальства ответил я.— И знаешь почему? Именно я придумал...

Хотел сказать про «Черного паука», но передумал. Опять как-то нехорошо стало, стыдно. Алкаш узнает — уважать перестанет...

— Однако что это? — спросил Алкаш.— Кандалы? Спецпроверка? Скверное дело.

— Ерунда. Снимут показания датчиков, и все.

— Снять-то снимут. Но выдержишь ли? Три дня назад один монах не вынес кошмаров, наговорил на себя. Заподозрили, что он разведчик. По дороге в цедепе помер...

— Не пугай. Меня сейчас беспокоит вон тот исторический.

— Гадкий тип,— согласился Алкаш, увидев невзрачного господина с наклеенной улыбкой, не спускавшего с меня липкого взгляда.— Как-то он и ко мне прицепился, как банный лист. Еле отвызаялся. Его здесь ценят.

— Кто он в историческом прошлом?

— Агент охранки. Ну, на машине-то мы запросто удержим!

Я уселся рядом со своим приятелем. Вскоре липкий агент остался далеко позади, а еще через полчаса Алкаш подкатил к крыльцу моего коттеджа.

— Уютный домик,— похвалил он.

А я с изумлением взирал на ставший неузнаваемым завод. Появились новые корпуса, аккуратными рядами тянулись четырехэтажные дома поселка. В рабочих спецовках сновали изгнанники. И все у них получалось быстро, добротнo и ладно.

— Здорово орудут черти,— отозвался Алкаш.— Наловчились хватать откуда-то из ничего.

— Но зачем им промышленность?— спросил я.— Из ничего они могут брать все, что угодно!

Оказалось, далеко не все. Есть какие-то барьеры или запреты на термоядерную энергию, на лазерное и силовое оружие. Изгнанники хотят сделать все это с помощью «эвристических способностей» исторических персонажей.

— Но зачем?

— Дурацкий колпак,— загадочно ответил Алкаш и показал на небо.

Я взглянул вверх, увидел темно-синее предвечернее небо, редкие облака — и ничего больше.

Тем временем Алкаш с помощью конвоиров из «ничего» вытасил для меня новенькую голубого цвета машину.

— Это дело надо обмыть,— сказал Алкаш.

— Я с тобой пообедую, но пить не буду.

— Правильно,— согласился он.— Кандалам выпивка помешает. Да и ночь лучше встретить трезвым. Кошмары будут.

«При чем тут кошмары?» — хотел я спросить, но не успел. Алкаш подскочил к своей машине, взял из багажника закуску и бутылку, которая оказалась пустой. Он с сожалением повертел ее и отбросил в сторону.

— Мефодий, достань выпивку,— Алкаш подмигнул мне.— У них это красиво получается.

— Свинья,— процедил Мефодий, но просьбу выполнил охотно и ловко. Бутылку выхватил прямо из воздуха.

— Носач! — воскликнул Алкаш, протягивая тому стакан с водкой.— Выпей хоть ты со мной.

Носач понюхал водку и, замахав руками, брезгливо prognusавил:

— Не понимаю, как люди пьют такую гадость!

— Видел? — развеселился Алкаш.— Никак не могут. А жаль. Зато в карты они научились здорово. И твоих научат.

И верно: сдружившиеся мушкетеры и гусары вскоре сидели за столом и с увлечением играли в подкидного дурака.

Меня же все больше занимала, даже чуть тревожила лихорадочная деятельность изгнанников. В заводских корпусах мелькали огни, какие-то готовые машины и приборы взлетали так высоко в поднебесье, что искорками вспыхивали под лучами упавшего за горизонт солнца. Покружившись, искорки разбегались. Видимо, на другие заводы и в лаборатории. Зачем все это? Хотят создать новое оружие и разрушить «дурацкий колпак»? И что это за колпак? Силовая сфера?

Задумавшись, не заметил, как потемнело. Густые тучи обложили небо, начал накрапывать дождик. Осоловевшего Алкаша конвоиры втискивали в автомашину.

— Свинья,— брюзжал Носач.— Возись теперь с ним.

Носач и Мефодий подхватили машину, взлетели вверх и затерялись в низко клубящихся влажных тучах. Они унесли Алкаша домой. Стало грустно и одиноко, и я поспешил в комнаты к своим гусарам. Все-таки какое-то общество.

В большой комнате Усач прилаживал к стене трехэкранный телевизор. Близился торжественный час, что вроде вечернего дьяволослужения. Я уже кое-что слышал об этой церемонии, призванной возвеличить Гроссмейстера. Оно и понятно. Диктатура сильной личности и диктатура страха — только на этом может держаться разношерстное и буйное общество изгнанников.

«Любопытно взглянуть на сильную личность», — подумал я, удобно усаживаясь перед телевизором. Крепкий выбил из-под меня стул с такой стремительностью, что я упал на пол.

— Ты что? В костер захотел? — испуганно зашептал он.— Стоять!

Превратившись в чертей, конвоиры вытянулись в струнку. И в это время засветился телевизор. Крохотные телепередатчики, летающие повсюду подобно комарам или москитам, передавали изображения на все три экрана. На левом — улице и площади, на которых горожане вдруг засуетились и заметались. Одни стремились домой к своим телевизорам, другие ломались в храмы, мечети, синагоги, где их тоже поджидали светившиеся экраны. Опоздавших хватали и тут же на улицах сжигали.

На правом экране — просторный, с высокими сводами зал какого-то храма и сотни изгнанников. В час дьяволослужения нечистой силе позволялось расслабиться, побыть в своем истинном виде, и поэтому люди — исторические и литературные персонажи — выглядели особенно жалкими и запуганными. Их почти и не видно. Толпились рогатые черти, с визгом перелетали растрепанные ведьмы, толкались и переругивались какие-то непонятные лупоглазые чудища. Сильное впечатление производил дракон, возвышающийся над остальными наподобие ископаемого динозавра.

Однако средоточие всеобщего внимания — центральный экран — скучно серел клубящимися дождевыми тучами. Но вот тучи бесшумно раздвинулись, разошлись красиво, как театральные занавесы. Открылось чистое густо-синее небо. Из-за горизонта торжественно выплыло большое кучевое облако, золотисто-подкрашенное закатившимся солнцем. Под грохот барабанов облако приближалось, и стали видны хрустальные дворцы — чертоги сатаны. Засверкали купола, замелькала колоннада. Барабанный гром нарастал и вдруг мгновенно смолк. Зритель как бы вместе с тишиной влетал в огромный, напоенный светом зал.

В центре на небольшом возвышении — золотой трон. Меня постигло разочарование: Гроссмейстер предстал не в своем подлинном грозно-сатанинском виде, а в образе обыкновенного человека со скипетром в руке. Справа выстроились директора департаментов, другие влиятельные администраторы. И тоже в строго подтянутом человеческом виде. Среди них и Аристарх Фалелеич Мурлыкин.

Я посмотрел налево и не поверил глазам своим... Ангелы! Слева от трона тихо и скромно стояли белокрылые, с нежными и кроткими взглядами ангелы. Кто они? Ближайшие советники сатаны? Быть может, по совместительству еще и палачи? Все могло статься в этом странном и страшном мире.

Гроссмейстер встал, и среди нечистой силы, толпившейся в храме на правом экране, прокатился гул восторга. Встал он и в самом деле внушительно. Театрально величественный поворот головы, и я как следует рассмотрел его лицо — не слишком умное, но как будто волевое. Во всяком случае крупное, грубо рубленое, как у какого-то римского императора.

Под нарастающие аплодисменты Гроссмейстер подошел к микрофону и заговорил. О чем? Слова тонули в шуме: трещали копытами черти, лупоглазые чудовища в храме подпрыгивали, гулко хлопал когтистыми лапами дракон, взвизгивали ведьмы. Аплодировали не только в храме, но, как я догадывался, и все изгнанники, прильнувшие к экранам.

Крепыш грозно взглянул на меня. Звякая цепями кандалов, я старательно хлопал в ладоши. Речь Гроссмейстера перестала слышаться совсем. Возможно, она вообще не имела ни особого значения, ни смысла.

Важен был ритуал. Сначала я подумал, что и он лишен смысла. Но тут случилось со мной что-то непостижимое, лежащее за пределами моего разумения и

в соседнюю комнату и с картами в руках уселась за стол. А я еще долго не мог выйти из сладостного оцепенения и, звякая кандалами, продолжал с упоением хлопать в ладоши.

— Бывает,— усмехнулся Усач, заглянув в мою комнату.

Я опомнился и, утомленный обилием впечатлений, решил лечь пораньше. Погасив в своей комнате свет и не раздеваясь (руки были скованы), положил голову на подушку. Сомкнуть глаза, однако, не удалось. За окном мелькнула какая-то тень. Птица?

Охваченный тревогой, я сел на кровати. За окном качались под ветром ветви сирени. Листья влажно блестя под тусклой, выглядывающей из-за туч луной.

опыта. Какая-то сила подхватила меня и, как трясина, засосала в ликующий аплодирующий поток. Я как бы воспарил и очутился в храме среди сотен тех, кто с гамом и свистом летал под сводами, кто восторженно взирал на Гроссмейстера и трещал копытами, хлопал когтистыми лапами.

Крутясь в беснующемся хороводе, я пытался кое-как рассуждать: что это? Имитация коллективизма? Шабаш обожания? С каким-то невообразимо приятным остервенением я хлопал в ладоши, выколачивая остатки своего «я», и погружался во всеобщее блаженное одурение. Кажется, вместе со всей нечистой силой начал даже подвывать.

Сколько времени продолжался шабаш? Час? Полтора? Я и не заметил, как под грохот барабанов и звуки фанфар погас телевизор. Мои конвоиры-черти, облившиеся в человеческий вид и гусарскую форму, ушли

Но дождь перестал. «Почудилось»,— подумал я. Но птица появилась снова, неподвижно повисла и... заглядывала в окно! По спине холодной гусеницей пополз липкий, отвратительный страх. Не птица это... Летучая мышь! А вид летучих мышей, вспомнилось, принимали вампиры — покойники, встающие по ночам и сосущие кровь живых.

Спецпроверка! — пронеслась догадка. Еле дыша, заглянул в соседнюю комнату. Шумно игравшие в карты конвоиры вдруг примолкли и, съжившись, с испугом глядели в окно. Летучая мышь слепо тыкалась в стекла. Искала, видимо, раскрытую форточку. Не найдя ее, отлетела назад, упала наземь и развернулась... в мистера Ванвейдена!

Так вот кто он на самом деле! Не дракон, как я предполагал, а вампир! Внешность его менялась на глазах. По бледному лицу разлилась синева, глаза за-

горелись кровавым огнем, а на измятом фраке, ранее отутюженном и чистом, появились следы плесени и кусочки земли. Будто он только что вылез из могилы.

Вампир приблизился и подергал рамы. Стекла задрезали, но окна не открывались. Тогда он подошел к наружной двери, и та загрохотала, заходила ходуном под ударами его ног и кулаков. Дверные запоры прыгали, но не поддавались.

Ища поддержки, я бросился в соседнюю комнату. На столе валялись карты, стулья опустели — моих гусар словно ветром сдуло. Под диваном, шурша бумажным мусором, бегали и жалобно попискивали мыши — насмерть перепуганные черти. Что это? Нечистая сила страшится другой, более высокого ранга? Или это входит в общий спектакль спецпроверки?

Спектакль... Смешно вспомнить, как подобными ироническими словечками я пытался спасти душевное равновесие. Изю всех сил я цеплялся за свои материалистические подпорки. Гнилыми они оказались, треснули, развалились. И я ухнул в жуткую невесомость, в бездну мистики...

Луна выкатилась из-за туч и осветила поляну перед окнами. Неподвижно стоявший вампир смотрел на меня с застывшим смехом мертвеца... Он будто читал мои мысли! Шевельнулся, перевел взгляд на крышу — догадался, что в комнату можно проникнуть через трубу. Но он слишком толст для этого... Начнет худеть? Случилось, однако, куда более жуткое. Щеки и рыхлые губы мистера Ванвейдена, его жирные плечи и живот начали вдруг разлагаться и опадать на землю. Через минуту вампир сбросил с себя земную плоть, как истлевший скафандр, и ярко забелел скелетом.

Поскрипывая костями, скелет подошел к водосточной трубе и взобрался наверх. Железная крыша загремела под его шагами, а меня начала бить ледяная дрожь. Вскоре скелет выпал из камина. Да так не ловко, что с грохотом покатылся по полу.

Чертынувшись, он поднялся, растопырил костяшки пальцев и медленно двинулся ко мне... И тут произошло то, что вспоминалось потом с отвращением и стыдом. Я безобразно заверещал. Животные вопли, прерываемые короткими всхлипываниями, неудержимо рвались из горла...

Скелет захохотал, протянул костлявые руки к моим запястьям и снял кандалы. Потом повернулся и влез в камин.

Я потерял сознание. Очнувшись, когда скелет был уже за окном и «одевался» в земную плоть. Минуты через две он стал прежним грузным, но изысканно одетым мистером Ванвейденом. Постоял немного, одернул фалды фрака, поправил галстук. Затем, позвякивая кандалами, снятыми с моих рук, вразвалочку зашагал и вскоре растаял во тьме.

С бьющимся сердцем я сидел на кровати минут пять. Потом простыней вытер с лица холодный пот и вышел на улицу: освежиться, прийти в себя.

По небу мчались рваные тучи, озарявшиеся багровыми всполохами, когда на заводе разливали сталь. Невдалеке, светясь обуглившимися костями, на плахе догорал какой-то изгнанник, опоздавший на дьяволослужение.

Я свернул в сторону леса и подошел почти к самой опушке. Сбежать бы и зажечь в лесу вольной жизнью... Я похолодел: там поджидает меня Черный паук! Нет, из города выходить нельзя. Здесь паук не может появиться, не приняв человеческого вида. А этого ему делать не положено. Слава богу, хоть это я предусмотрел в своем романе.

Я поспешно повернул назад. Уже недалеко от коттеджа замер: со знаком на моем пиджаке что-то творилось. Слова «вызывает сомнения» засветились ярче обычного. Потом почти погасли, еле-еле мерцая. И снова вспыхнули. Я стоял, с замиранием сердца ожи-

дая результатов спецпроверки. По-видимому, в департаменте сейчас анализируют показания кандалов, вычитывают самое затаенное в моей психике. Страх! В этом они поднаторели. С помощью страха они вычерпали из меня все до доньшка. И сейчас любуются моим «нравственным вакуумом». Устанавливая идентичность, наверное, сравнивают полученные показания с моими книгами — моим «автопортретом...»

Слова «вызывает сомнения» еще раз вспыхнули и погасли. Вместо них ровным светом засияло: «Сомнений не вызывает».

Слава богу! На меня в буквальном смысле слова рухнуло облегчение. Одновременно начала рушиться и стена забвения. Будто плотина размывалась под напором воды: стали просачиваться какие-то воспоминания, а в глубине моего «я» зашевелился «он» — мой ночной собеседник. Кажется, он призывал продолжить диалог, начатый совсем в ином мире. В каком? Смутно, неясно мир тот начал выступать из мглы. И вдруг я вспомнил все!

Я поспешил в коттедж. В комнате, где поселились мои конвоиры, все так же валялись на столе карты и горел свет. Я прислушался. Под диваном тихо... Заснул! Я погасил свет, прикрыв дверь, прошел к себе. Я ждал его голоса, я жаждал этой встречи с каким-то злым нетерпением. В груди у меня так и кипело: ну, подожди! И вот...

— Наконец-то, — услышал я слабый, но все более крепнущий голос. — Проверку ты прошел, иначе мы не вступили бы в контакт.

— Слушай, ты!.. Это подло! Втравили меня в такой кошмар. Мы так не договаривались. Вы обманули. Это подло!

Он что-то говорил. Но голоса его я почти не слышал — так был разъярен. Ругательства и проклятия сыпались из меня, как горох из разорванного мешка. Он терпеливо убеждал, уговаривал, но до моего сознания доходили лишь отдельные слова: «Успокойся... Расскажи, что видел... Вместе подумаем... Руганью делу не поможешь...»

Пожалуй, он прав. Я помолчал, собираясь с мыслями. Потом стал рассказывать обо всем, что со мной приключилось. Под конец в рассказе появились даже искорки юмора, что собеседнику моему особенно понравилось.

— Молодец! Давно бы так.

— Но... В твоём голосе я отчего-то слышу боль.

— Погиб мой друг и напарник. Помнишь, ты говорил о монахе, погибшем после спецпроверки?

— Это был мой дублер? Тогда понятно, почему в лесу оказался второй конь.

— Его конь осиротел...

— Что поделаешь! — Мне хотелось как-то утешить собеседника. — Ваши ученые многое предусмотрели, кроме мистической спецпроверки. К нему ночью кто-то приходил. Не обязательно вампир. Мог и кто-нибудь пострашнее. Вот он и не выдержал.

— Но ты ведь выдержал!

— Мне повезло. С первых же минут я был приучен к неожиданностям. Еще в ночном лесу к кошмарам подготавливал этот... — Я замаялся. — Ну, этот... Черный паук.

— Как? — удивился он. — И твой паук материализовался?.. Поздравляю!

— Не ехидничай! Он чуть было не съел меня в лесу, очень похожем на ваш. — Меня вдруг озарило: — Постой! А что, если пауки, вампиры и прочая гадость — это продолжение вашего дивного мира?

— Увы, ты прав. Это продукты нашей цивилизации.

— Однако, продукты у вашей цивилизации довольно странные!

— И весь мир наш покажется тебе странным... Частично ты видел его. Обещаю: сейчас увидишь его

изнутри. За считанные секунды проживешь мою жизнь и тогда сам все поймешь. Начнешь с детства. Как я завидую тебе! Для меня оно позади, а ты... Ты заново родишься! Ты изменишься, станешь почти таким, как я. Это важно, ибо конь...

— Не говори о нем. Мне страшно и стыдно за себя. Как он посмотрел на меня! С каким омерзением!

— А ведь ты должен на нем вернуться. Но конь не подпустит чужака с гадкой душонкой... Ты не обижаешься?

— Нет, нет! Валяй. Продукты вашей цивилизации ко многому приучили. От них я слышал и не такое!

— Что ж... А сейчас вспомни наши тренировки и приведи свою психику в нужное состояние. Отрешишься от внешнего мира, забудь о нем!

Легко сказать — забудь. За окном послышался шум, в кустах заскакали тени, душу опять оледенел страх. Кто там еще? Неужели им мало вампира?.. Но тени улеглись, тихо и мирно сияла луна.

Страх отступил, и взамен вновь заерзало злое чувство. Змей-искуситель! Соблазнил меня «магией приключений». Да будь она проклята, такая «магия»! Я свалал дурака, согласившись на эту авантюру. Но отступить некуда. Я вздохнул, сел за стол и... взялся за перо. Привычная писательская работа лучше всего поможет отрешиться от окружающего. И на всякий случай попробую писать на немецком языке. Его здесь никто не знает...

В половине первого ночи я окончательно сбросил напряжение, лег и на удивление легко ушел в особое, наиболее спокойное состояние духа, в режим альфаритма. Незаметно и тихо погрузился в удивительный сон...

Это был сон-пробуждение! Надо мной склонилось лицо в сиянии утренних лучей, и я воскликнул:

— Мама!

— Вася проснулся! — засмеялась мама. — Смотри-те! Засоня Василь встает...

Все... Кратковременная вспышка во мраке. Ни с чем не связанная картина, клочок жизни, выхваченный из небытия. Что было со мной до этого? Что после? Лучик вспыхнул и погас.

И снова пробуждение... Снова утро, но уже другое. Мне уже года два. На ярко освещенной стене прыгают, скачут тени. «Воробьи!» — рассмеялся я и вскочил на ноги. И опять мгла забвения, но уже тонкая, как кисея. Кажется, я бегу босиком по мягкой траве, и сзади меня кто-то окликает... Но почему меня зовут Василь? И почему я могу летать в воздухе, как птица?

Эти вопросы — словно камни, брошенные в озеро и возмущившие его гладь. Картины раннего детства колыхались, дрожали и, затуманившись, исчезли совсем... Откуда-то издали, из неведомых глубин поднялся тихий, но встревоженный голос:

— В чем дело? Ты прервал сеанс...

— Не понимаю... Кто там родился? Кто — этот малютка Василь? Я?

— Ты, конечно! Может, подключение твоей нервной цепи было неполным?.. Нет, нет! Не думай о подключениях! Я не так выразился. Это не иллюзия, а твоя новая жизнь. Может быть, единственная и что ни на есть настоящая...

Странно все это, настолько необычно, что сейчас, когда пишу эти строки, не знаю, как и поступить. Не лучше ли, пока не привыкну, смотреть на себя, на нового себя — как бы со стороны? Буду писать о себе... то есть о Василе — как о другом лице.

...И снова из самых глухих пластов жизни, из самого раннего детства выступают следы. Вижу блеск весеннего ручейка, слышу шум половодья... Потом, кажется, лето. Сладкий шелест листьев, солнечные блики...

Нет, так не годится. Все это — вспыхнувшие и тут же гаснущие искорки жизни, капризы неопределенного бытия. Начну с того времени, когда мне... когда Василью было четыре или пять лет. Картины тех дней текут в моей памяти связано и последовательно. И начну непременно с утра — с порога, за которым каждый раз по-новому открывался мир. Помню, отчетливо помню, с каким радостным, с каким солнечным ощущением жизни Василь пробуждался по утрам!

Пастушья свирель

**НЕ ТО, ЧТО МНИТЕ ВЫ, ПРИРОДА:
НЕ СЛЕПОК, НЕ БЕЗДУШНЫЙ ЛИК —
В НЕЙ ЕСТЬ ДУША, В НЕЙ ЕСТЬ СВОБОДА,
В НЕЙ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ, В НЕЙ ЕСТЬ ЯЗЫК...**

Ф. И. ТЮТЧЕВ

По утрам его будили воробьи. Звонко перекликаясь, они скакали на завалинке, с пушинками в клювах взлетали под крышу. Проснувшись, Василь с улыбкой следил, как на ярко освещенной стене мелькают их тени. А сегодня у воробьев особенно шумно: начало весны, надо готовить гнезда!

Но вот луч солнца коснулся косяка дверей, и Василь вздохнул — пора вставать. Иначе невидимый Красавчик будет ворчать и браниться... Василь вскочил, принял лучевой душ, брызнувший с потолка, оделся и выбежал в соседнюю комнату. На столе его ждали вкусные хрустящие булочки и кружка молока. Это Красавчик постарался.

«А как увидеть папу?» — едва успел подумать Василь, а экран тут как тут — возник неведомо откуда и засветился в темном углу.

— Внеземная станция! — воскликнул мальчик, увидев папу среди решетчатых сооружений. — Внеземная!

— Верно! — улыбнулся папа. — Сегодня я далеко. Жди только к вечеру и поступай, как хочешь. Мама, конечно, сердиться будет, но мы как-нибудь стерпим.

И папа заговорщически подмигнул. Мигнул и экран. Погас и растаял, будто и не было его.

Василь знал, что его отца, немало испытавшего в Дальнем Космосе, считают человеком волевым и суровым. Но сам Василь не ощущал этой суровости. Отец баловал единственного сына и давал ему полную свободу.

И Василь беззастенчиво пользовался ею!.. Миновал сенки, он босиком (видела бы мама!) выбежал на крыльцо. Нагретые солнцем доски приятно щекотали ступни ног. Но Василь нежилась недолго. Он решил походить на папу и закалять волю.

Спрыгнув с крыльца, он с замиранием сердца помчался по снегу, еще белевшему в низинках, по холодным льдистым лужам. Потом сел на сухой пригорок, где уже золотились цветы мать-и-мачехи. Снова, как и вчера, обнаружил на ногах носки и греющие туфельки. «Кто-то опять постарался», — подумал мальчик. Но кто? Взрослые эту невидимую няньку называют Сферой Разума, иногда — Памятью.

Говорят, что их село — чуть ли не единственное на всей планете — целиком взято из Памяти, из какого-то далекого девятнадцатого века... С пригорка видны уходящие ряды хат. Все они нарядно белые, под соломенными крышами. Яблони и вишни в садах стоят еще с голыми ветками, но уже всюю сочится запах набухающих почек.

Из соседней хаты выскочили братья-близнецы, одногодки Василя.

— Сюда! Ко мне! — позвал их Василь.

Под пригорком, звеня льдинками, искрился лед

солнцем ручей. Ребята пускали по нему сухие прошлогодние листья-кораблики.

Незаметно текли минуты и часы, солнце уже припекало всю. Пора обедать! — вспомнил Василь. Он снял туфельки и носки, отбросил их в сторону. Не коснувшись земли, они вдруг пропали — ушли обратно в Память.

И снова босиком поскакал Василь по лужам. Только дух захватывало да брызги сияющие сеялись вокруг! Влетел в хату и сел за стол. Сегодня он решил непременно познакомиться с домовым — домашним другом и помощником. В шутку его называли Красавчиком. Возможно, за то, что красотой он как раз и не отличался. Но как выглядит Красавчик на самом деле, Василь не узнал и сегодня.

— А он страшный?

— Нет, хотя и не красавец. Что поделаешь, таким его создала народная фантазия еще в глубокой древности.

— А сам он фантазия или живет на самом деле? — И да, и нет. Сложный это вопрос, малыш! Позже поймешь... А сейчас посмотрим маму. Она выступает где-то на орбите Сатурна.

Мама у Василя — знаменитая танцовщица. Но где Сфера Разума отыщет ее? И каким вообразит себе папа экран? Взрослые иногда такое выдумают...

Под ногами разверзлась вдруг мглистая бездна, усеянная звездами. По спине мальчика поползли мурашки: с лучом-телепередатчиком он совершил межпланетный перелет. Василь догадывался, что вместе

— Красавчик, кушать хочу, — сказал Василь и за- таился.

Из-за спины показалась рука и поставила тарелку с борщом. Василь живо обернулся, но сзади никого не оказалось.

— Опять спрятался, — обиделся Василь. — Покажись!

— Нельзя, — голос Красавчика слышался уже из соседней комнаты. — Испугаешься. Я страшный.

— Не испугаюсь, — говорил Василь, тихонько подкрадываясь к двери. Заглянул, а и в той комнате пусто. Только тень какая-то мелькнула и растаяла.

Вечером Василь жаловался отцу:

— Красавчик — злой! Он не хочет подружиться со мной!

— Он добрый, — возразил отец, — и старается не пугать маленьких.

с папой сидит сейчас у себя дома. Но его не покидало жутковатое чувство, будто он со скоростью света мчится в ледяных просторах. Вот уже Марс остался позади, сверкающими камешками промелькнули астероиды, еще через несколько минут Василь влетел в искусственную атмосферу Титана — спутника Сатурна. На его освещенной стороне, в недавно выращенных лесах, люди строили что-то... Но вот — ночная сторона. Вместе с папой Василь приземлился перед освещенной сценой под открытым небом.

— Опоздали мы, — огорчился папа.

Зрители, аплодируя, уже провожали маму со сцены. Появились акробаты. Но все внимание Василя привлекало черное полотнище космоса, где среди звезд медленно плыла хвостатая комета и полнеба занимали кольца Сатурна...

Через час вернулась мама, и Василь с ухмылкой взирал на шутивную ссору, возникавшую всегда из-за него.

— Какой дикарь! — Глядя на сына, мама в ужасе хваталась за голову. — Лохматый, грязный дикарь! А ноги?! Они вот-вот потрескаются от цыпок! Опять босиком по лужам бегал?

— Пусть закаляется, — пытался вставить хоть слово папа.

— И за что я люблю этих варваров? — недоумевала мама. — Все люди живут в городах, в удобных домах и дворцах. А мы? Древнее село им подавай... Ностальгисты, видите ли. Затосковали по старине!

— Наши хаты по гигиеничности не уступают твоим дворцам и по-своему красивы. К тому же... — В голову отца пришла спасительная мысль. — К тому же в твоих дворцах домовые не водятся!

Василь видел: довод этот сразил маму. Домового — Красавчика — она обожала.

— Вчера мы с ним не доиграли шахматную партию, отложили, — улыбнулась она и взяла сына за руку. — Идем-ка спать, а то Красавчика испугаешься...

Как закончилась отложенная игра, Василь не узнал: сон сморил его.

С утра Красавчик ухаживал за Василем все так же заботливо, однако на просьбы показаться не откликнулся. Только зимой понемногу наладилась их «видимая» дружба. Но Василь помнит зиму очень смутно. От нее осталось ощущение шумных выюг за окном, домашнего уюта и того завораживающего холодка, с каким он слушал страшные старинные сказки. Их рассказывал Красавчик, иногда мама...

Снова пришла весна, зацвели яблони, в воробьиных гнездах вожю попискивали крохотные птенцы. С весной в жизнь Василя вошло что-то новое, неведомое и значительное — по утрам его будили уже не воробьи, а таинственный гость. Взрослые называли его Пастухом. Говорили, что он вместе с вечерними сумерками и туманами приходит неизвестно откуда, чуть ли не из прошлых веков, и всю ночь пасет в степи лошадей. К утру вместе с табуном Пастух появлялся вблизи села, и люди просыпались от звуков его удивительной свирели — таких нежных, душевных мелодий не выдавала ни одна самая старинная флейта, ни один кларнет. Все попытки увидеть Пастуха кончались ничем: гость неясной и бесшумной тенью уходил в туман.

Однажды Василь проснулся, и от задумчивой музыки древних степей ему стало так сладко, тревожно и грустно, что захотелось непременно познакомиться с Пастухом, узнать, кто он.

Быстро одевшись и позавтракав, Василь поспешил на улицу. Со своим другом Андреем он договорился уйти сегодня из села надолго, может быть, до самого вечера.

Жил Андрей по другую сторону оврага. По дну его протекал ручей. Ранней весной он разливался шумным пеннистым потоком, но сейчас воды в нем стало намного меньше. По деревянному мостику Василь перешел ручей, одолел крутой склон и очутился на обрыве. Здесь под вербами его ждал Андрей со стаканчиком мороженого.

— Хочешь? Я научился брать из Памяти!

Андрей был годом старше, поэтому многое умел и знал куда больше своего друга. По его словам, не только мороженое, но и все вещи невидимками живут в Памяти — в травах и вербах, в их корнях и листьях, во всей природе.

— И в крапиве тоже? — спросил Василь. Он только что, поднимаясь по склону, ожегся об эту траву и сидел на нее.

— Конечно!

Василь не поверил, но спорить не стал.

— Идем скорее, — дернул он за рукав своего друга. — Может быть, увидим его.

— Кого? Пастуха? — рассмеялся Андрей. — Да никогда!

За крайними хатами и в самом деле было пусто и так тихо, что слышно было, как с ветвей лозняка падали капли влаги. Солнце взбиралось все выше, легким паром поднималась к нему роса. Туман как-то сразу пропал, раскрыв просыпающийся луг. И уже пчелы вовсю гудели, золотым дождем падая на подсохший клевер...

Холмы и высокие травы скрыли село. Ребята, не желая потерять к нему дорогу, шли вдоль берега. Ручей, напитываясь влагой полей, ширился и в одной из рощиц, похожей на шумный птичий город, вдруг стал небольшой речкой. Попалась еще рощица... и ребята очутились наконец в лесу. Небо скрылось за густым кружевом листьев; сверху среди ветвей прыгали солнечные пятна, темнели гнезда с горластыми птенцами. Легкий ветер шевелил верхушки деревьев, и те шептались, будто хотели что-то сказать.

— Дриады? — спросил Василь.

— В наших краях дриады редко бывают.

— А лешие? — Во рту у Василя пересохло от волнения. — Здесь водятся лешие?

— Не бойся, — ободрил его Андрей, но тоже почему-то шепотом. — Это в старинных сказках лешие злые. А сейчас они добрые, помогут, если что случится.

Однако никто не пришел на помощь, когда друзья попали в беду. Виновницей была кукушка, чей привораживающий голос слышался справа.

— Пойдем посмотрим, — предложил Андрей.

Ребята свернули от берега, миновали кустарник и очутились на залитой солнцем полянке. Большая серая птица, качнув ветку, вспорхнула, перелетела на другую полянку и снова заманивала:

— Ку-ку! Ку-ку!

Ребята — за ней. Сколько так продолжалось, они не помнили. А когда огляделись, поняли, что забрели в глухие, нехоженые места.

— Пойдем обратно по реке и выберемся, — заявил Андрей.

Но где река? Слева или справа? Через час или полтора Андрей уже не так уверенно, но все еще храбрясь, сказал:

— Смотри под ноги. Ищи тропинку.

Какая там тропинка! Кругом ни малейшего следа, ни одной примятой травинки.

Упав духом и устав, друзья сели на бугрившиеся сухие корни сосны. Василь начал всхлипать. Андрей хмурился, но еще крепился и поглядывал по сторонам. Вдруг он насторожился: за ближним кустом слышался голос... На лесной лужайке ребята увидели светловолосую девушку. Она сидела на траве, нежно глядела цветы и тихо напевала.

Заметив малышей, девушка удивленно вскинула брови. Потом встала и засмеялась.

— Заблудились? И даже плакали? Ай-ай-ай, как не стыдно! Давайте знакомиться. Меня зовут тетей Зиной.

— Какая ты тетя? — возразил Андрей. — Может, на год старше моей сестры. А ей всего шестнадцать!

— Ну нет, я на тысячи лет старше, — улыбнулась тетя Зина. — Я родилась в глубокой древности!

Шутка, конечно, не из самых удачных, но ребята весело рассмеялись. Уж очень они были довольны, что их приключение закончилось благополучно. Тетя Зина была такой простой и привлекательной! Лицо у нее было, как утренний рассвет, и синие-синие глаза. Не глаза, а васильки. А туфельки! Слово они сотканы из стеблей травы и пуха одуванчиков. Но еще удивительнее платье. Сарафан, сшитый из весеннего луга... Василь понюхал — пахло фиалками, потрогал — вроде бы обычная ткань.

— Красивое платье? — горделиво улыбаясь, спросила тетя Зина. — Это я сама придумала. Весенние луга — мое увлечение и моя специальность. Хотите, расскажу о травах и цветах?

— Есть хотим, — признался Андрей.

— Ах, да! Извините меня, хвастунью, — сконфузилась тетя Зина. — Пора обедать. Вы что умеете брать из Памяти? Только мороженое? Сейчас многому научу. Смотрите!

Девушка начала с простого, что ребята сумели бы и без нее, — набрала земляники, рдевшей тут же под ногами. Но потом пошло самое главное: на траве растелилась белая с узорчатой вышивкой скатерть. И чего только здесь не было! Бананы и самые вкусные апельсины с далеких Балеарских островов. Рядом варенье, ореховые пирожные и торты. Они будто таяли во рту, а когда Василь попробовал медовых кексов, голова у него приятно закружилась. Тетя Зина не отставала от ребят. На ее белых зубках так и хрустели поджаристые и рассыпчатые пончики.

— Я такая же сластена, как и вы, — смущенно призналась она, а после обеда сказала: — А теперь идем, и запоминайте дорогу!

По пути она рассказала о лугах, что возносятся на заре к распахнувшимся небесам, о птицах, о своих любимых цветах.

— Пастушья сумка! Какое чудесное название!

— А Пастух? — вспомнил Василь. — Кто он?

— Нахал, — нахмурилась тетя Зина, и словно тучка набежала на ее ясное лицо. — Не хотел даже познакомиться со мной. Ушел в туман, не сказав ни слова... Но пахнет лошадок он хорошо. Кони всегда у него ухоженные и веселые. Да вот смотрите!

Они как раз вышли из леса. В поле, гоняясь друг за другом, резвились кони.

Друзья поделались со словоохотливой тетей своими мечтами. Андрей заявил, что обязательно станет астронавтом и будет, как он выразился, «бороздить звездное небо». Но тетя Зина, улыбнувшись, опять свернула на свое.

— Земные луга с их звездами-цветами лучше и красивее! Да и живут они со звездным небом одной жизнью. Не верите? Недавно вы ели землянику с наших родных полей. Так вот: вы ощущали вкус далеких звезд, вдыхали ароматы неведомых планет и галактик! Шутку тети Зины ребята сочли на сей раз совсем уж неудачной, но из вежливости улыбнулись.

— Эх вы, — обиделась тетя Зина. — Ничего-то вы не поняли!

Некоторое время она шла молча. Потом остановилась перед низинкой, где ярко, как осколки солнца, горели цветы, и на лице девушки словно заря утренняя засветилась.

— Полевые лютики, — с нежностью произнесла она. — Бедные вы мои! Какие вы хрупкие рядом с грозными стихиями космоса. И в то же время какая сила неодолимая таится в вас!

Друзья слушали тетю Зину, ошеломленно разинув рты. По ее словам получалось, что космос — ничто, просто почва, на которой произрастают ее любимцы.

— Вселенная для того и развивалась миллиарды лет, чтобы создать фиалки, ромашки, васильки и всю остальную жизнь!

Иногда тетя Зина присаживалась, чтобы ласково поглядить цветок, потом вставала и, продолжая рассказывать, шла дальше. И перед ребятами раскрывался мир, о котором они не подозревали, мир, где все связано и переплелось в единую живую ткань.

— Видите, как трепещут листья на вербах, как волнуются травы? Их колыхает не только ветер! Они отзываются на волны тяготения черных дыр, они жадно ловят лучик Полярной звезды... Ну вот, они почти пришли.

Василь и Андрей, поднявшись на очередной холм, увидели хаты под высокими тополями и белые облака цветущих яблонь в садах.

— А мне пора, я ухожу, — услышали они за спиной голос тети Зины.

Станным почудился ее голос, последний звук будто слился с ветром и улетел... Обернулись, а тети Зины нет! Будто и она сама стала весенним ветром, а ее изумрудное платье расстелилось цветущим лугом. Ничего не понимая, друзья с минуту ошарашенно глядели друг на друга. Потом догадались: фея!

Радостно возбужденные, они ворвались в село и заскочили в хату, где жил Андрей. Его мама была дома. Она и поведала ребятам о фее весенних лугов. Поселилась фея в их краю недавно, но уже полюбила жителей села и ближних городов. Чаще всего ее можно встретить весной и ранним летом, когда зацветают поля и поет в лесу кукушка. Ближе к осени фея становится грустной, избегает людей и лишь изредка слышится ее голос — она поет печальные песни уходящего лета.

Фея весенних лугов надолго заворожила друзей. Они забыли о тете Зине, лишь когда в селе появился дядя Абу.

Это было знаменательное событие. По пыльной тропинке шагал высокий, опаленный южным загаром человек и со снисходительным одобрением поглядывал на уютные хаты. Был он далеко не стар, но с заметно поседевшей пышной шевелюрой и бородой. Шел он важно, закинув руки назад. Сельские мальчишки сопровождали его молча и с почтительным удивлением. И вдруг незнакомец подмигнул им. Да так добродушно и лукаво, что ребята сразу поняли: свой!

К удивлению Василя, незнакомец зашел в его хату. Мальчик нырнул вслед за ним. Оказалось, пришел тот к отцу для личного знакомства — у них было общее увлечение древней историей. Жил незнакомец в Багдаде и звали его Абу Мухамед.

Обо всем этом Василь доложил своим сверстникам, толпившимся у крыльца. Минут через пятнадцать вышел гость. Остановившись на крыльце, он с потешным высокомерием окинул взглядом ребятшек и снова подмигнул.

— Ну что, сорванцы? Ждали?

— Ждали, дядя Абу.

Гость сел на ступеньку. Вокруг расположились ребята; и у всех у них было такое чувство, будто дружны с дядей Абу много лет. Только вот к его внешности еще не привыкли. Особенно поражала воображение обширная и пышная шевелюра. Андрей, которому и во сне снился космос, так и уставился на нее. В седых, спиральями уложенных волосах дымилась лучи солнца, проплывали туманности, звездами вспыхивали и гасли искры.

— Галактика, — прошептал Андрей.

Ребята рассмеялись, а дядя Абу смущенно замал руками и скромно возразил:

— Что ты! До галактики далеко. Это просто чалма. Вернее, раньше была чалма. Но сейчас этот головной убор не в моде, и ткань чалмы превратилась в волосы. Чего доброго, вы и бороду мою назовете кометой.

Заостренная книзу и сверкавшая на солнце борода и впрямь изгибалась в сторону, как сияющий хвост кометы.

— Ятаган! — сообразил Василь. — Раньше был у арабов такой кривой кинжал.

— Верно. Тысячи лет назад я был шейхом и визирем при султани, — с важностью говорил о себе дядя Абу. — На голове была чалма, а ятаган носил не на подбородке, как сейчас, а за поясом.

А еще раньше, уверял дядя Абу, он был простым бедунцом и странствовал по Аравийской пустыне. Однажды чуть не погиб, застигнутый песчаной бурей,

Потом стал разбойником, с саблей на боку и с ятаганом за поясом нападал на кочующие караваны.

Ребята с жадностью внимали небылицам. Живописал их дядя Абу с таким вдохновением, с такими яркими подробностями, что четырехлетний малыш Антон верил всему безоговорочно. В его широко раскрытых глазах и удивление, и страх, и любопытство. Набравшись храбрости, он спросил:

— А ты пиратом не был!

— Увы,— дядя Абу развел руками с неподдельным огорчением.— Но я был сухопутным пиратом и плавал по песчаным волнам на двугорбых кораблях.

— На верблюдах,— смекнул кто-то.

Покидая село, дядя Абу обещал навещать ребят. Слово свое он сдержал и пришел в самое подходящее время, когда из-за непогоды приходилось подолгу оставаться дома.

Начались дожди... Начались празднично— с ослепительных, как фейерверки, молний и гулких громов. Вместе с дядей Абу ребята в трусиках выбегали на улицу, плясали, раскрытыми ртами ловили тугие струи дождя. Счастливые лица их озарялись молниями.

От всплеск и грохота в груди Василя что-то вздрагивало и замирало.

— Не бойтесь!— кричал дядя Абу сквозь шум и клекот воды.— Это в старину грозы причиняли вред, их пугались даже взрослые. Но сейчас они добрые, а в ваших краях иногда и очень необычные.

И ребята, присев под густо сросшимися ветвями тополя, слушали рассказы дяди Абу о небесных всадниках. Валькирии!.. Кое-что Василь уже знал о них. Но видеть? Нет, такое счастье выпадало немногим. А может быть, все это выдумка взрослых, и валькирии существуют лишь в древних скандинавских сказаниях? Какие там небесные всадники, если даже на земле все живое попрыгало и в воробьиных гнездах притихли неугомонные птенцы!

Один лишь ворон, нахлотившийся и мокрый, сидел поодаль на вербе и угрюмо взирал на ребят. Дядя Абу на удивление быстро подружился с хмурой птицей. Прерывая рассказ, он покидал ребят и уходил к вербе. Ворон доверчиво усаживался на руку или плечо и внимательно слушал, что шептал ему человек. А потом и сам что-то каркал. Но о чем мог говорить дядя Абу с вороном?

Гроза утихла. С неба сеялся мелкий дождик— нудный, скучный, но столь необходимый лесам и полям. Погрустневшие ребята направились к хате. Ворон провожал их хмурым взглядом. Не доходя до крыльца, дядя Абу обернулся к нему и крикнул:

— Эй, приятель! Тебя хоть как зовут?

Ворон хрипло, но четко выделяя букву «р», ответил:

— Гр-ришка!

— Заговорил?— удивился Василь.

— А сколько тебе лет?— спросил дядя Абу.

— Тр-риста лет!

— Что-то много,— рассмеялись ребята.— А не обманываешь?

— Тр-риста лет! Тр-риста лет!— настаивал Гришка

К сожалению, никаких других слов Гришка пока не знал.

В хате ребята обсушились под инфракрасным душем и сели за стол. Дядя Абу учил, как из нижних этажей Памяти получать старинные детские книги, написанные на разных, многими ныне забытых языках. Два из них— русский и, конечно, арабский— дядя Абу знал. Книги, хранившиеся в давние времена на полках библиотек, попадались иногда потрепанные, зачитанные до дыр. И все с уважением листали страницы, зная, что их касались руки ребят далеких веков— трудных и легендарных веков непонятной «железной технологии». Ребята, выросшие в окружении

живой и разумной природы, и железо-то никогда не видели.

Полюбились дяде Абу старинное село, но еще больше— детвора. А та в свою очередь была от него без памяти и отвечала преданной дружбой. Хмурым дождливым утром следующего дня сельские мальчишки встречали дядю Абу весело и шумно. Даже ворон Гришка старательно выкрикивал только что заученное слово:

— Пр-ривет! Пр-ривет!

Дней через десять дядя Абу надолго покинул ребят: дела! Но тут и дожди прекратились, на землю опрокинулась невиданная жара. В чистом небе висели осоловелые облака; напоенные влагой поля и рощи дымнились и сверкали. Когда совсем подсохло, Андрей и Василь возобновили свои вылазки за околицу села.

Околица... Слово-то какое! Оно напоминало слово «вольница»: в нем слышались посвисты ветра, журавлиные крики, гул волнующихся трав. В роще, куда шли ребята, звучала песня. Поди разберись, кто певунья: девушка из ближнего города или сама фея весенних лугов? К сожалению, это была знакомая женщина из их села.

Но как увидеть фею, добрую тетю Зину? В роще меж деревьев мелькнуло вдруг ее знаменитое платье. Друзья бросились туда... Но нет, то было не платье, а просто полянка, усеянная, словно брызгами июньского неба, синими цветами.

Становилось жарко. Ребята пересекли полянку, перелески и вошли наконец в совсем незнакомый сосновый бор— глухой, тихий и тенистый. Сквозь ветви изредка пробивались паутинки солнечных лучей, и тогда рыжие стволы сосен вспыхивали, отбрасывая на подлесок и на лица ребят слабый розовый свет. Прощурит по стволу попользень да гулко пробарабанит дятел— и снова тишина.

Сосновый бор расступился, и открылось гладкое, без единой морщинки озеро. В нем, как в перевернутом синем небе, недвижно застыли облака. И здесь тишина: одни лишь стрекозы звенели в камышах.

На берегу попался сухой, поросший травой мыс с высоким, густо разросшимся тополем. Ребята укрылись под его зеленой крышей. Василь вынул из кармана камешек, подобранный по дороге. Размахнувшись, швырнул его в озерную гладь, любящая кругами и заплясавшими в воде облаками.

— Перестань,— сказал Андрей.— Заругают.

— Кто заругает? Ерунда,— ответил Василь и бросил еще один камень.

Из воды неожиданно высунулась голова с рыжими, прилипшими к узкому черепу волосами. Рыжеволосый незнакомец осторожно потрогал свой висок, поморщился, словно от боли, и проворчал:

— Вот разбойники. Прямо в голову попали.

Василь видел, что странный незнакомец обманывает: камень упал далеко в стороне. Рыжеволосый подплыл и остановился, когда вода была ему по колено. Влажно блестя его зеленые, будто сотканые из водорослей короткие брюки. Незнакомец свирепо сдвинул брови, погрозил пальцем и прогремел:

— Не засоряй водоемы!

— А ты, дяденька, кто?— спросил нисколько не испугавшийся Василь.— Водяной?

— Он самый,— рыжеволосый самодовольно разгладил свои усы.— Я хозяин местных вод. Я царь!

— А русалки здесь водятся?

— Спят, лентяйки,— нахмурился водяной.— Всю ночь плясали под луной, а сейчас спят. Проснутся, задам им взбучку!

— А ты, дяденька, не ругай их,— уговаривали ребята.— Они ведь устали.

Рыжеволосый вышел из воды, размялся. Друзья залюбовались его хорошо развитой грудной клеткой,

стройной фигурой и мускулами, игравшими под атласной кожей. Прямо-таки античный бог, скульптуру которого ребята недавно видели. Но лицо некрасивое — рябое, курносое, с рыжими и шевелящимися, как у жука, усиками.

Водяной сел на сухой пригорок. Рядом расположились ребята и, желая познакомиться, назвали свои имена. Водяной почему-то опустил голову и ничего не ответил.

— А тебя, дяденька, как звать?

Но лучше бы не спрашивали: вопрос этот, кажется, был ему крайне неприятен.

— Нелепое имя у меня, ребята, — уныло проговорил он. — Дурацкое. Смеяться будете.

— Не будем! — убеждали заинтригованные ребята. — Назови свое имя! Назови!

Водяной крхтел, морщился и наконец произнес: — Кувшин.

— Знаю! — воскликнул Василь. — Есть такой старинный сосуд. Пузатый-препузатый.

— Ну какой же я пузатый? — горько пожаловался водяной. — А все из-за моей матери-русалки. Она любила купаться среди кувшинок. Ее так и прозвали — Кувшинка. Свое имя она хотела передать дочери. Но вместо дочери-русалочки у нее родился сын, то есть я. Недолго думая, меня назвали Кувшином. Смешно и глупо!

— Нисколько, — заявили друзья. Имя Кувшин, сказали они, очень даже красивое.

— Вы находите? — Кувшин с подозрением покосился на них. Но, увидев внимательные и серьезные лица, повеселел и стал расхваливать свою стихию.

— Вода! — подняв палец, торжественно произнес он. — Колыбель эволюции и жизни!

Рассказывал водяной напыщенно и нудно. У тети Зины получалось куда лучше. Желая остановить Кувшина и заодно показать свою ученость, Андрей спросил:

— Кто еще живет в местной экологической нише?

— Есть тут один тип... — Лицо Кувшина искривилось вдруг, как от зубной боли. — Пренеприятнейший тип! Ругатель. Видите на том берегу березу со сломанной веткой? Это я случайно надломил, прыгая в воду. И что же вы думаете? За одну ветку крикливый старикан целый год пилил меня! Он, видите ли, лес бережет...

— Так это же дедушка Савелий! — догадались ребята. — Старик-лесовик! Слышали о нем.

— Только слышали? И ни разу не видели? Завидую вам. А встречаться не советую. Сварливый старикашка. Зануда!

Кувшин доказывал, что дед Савелий вообще не имеет права ругать водяных — существ, как известно, более древнего и знатного происхождения. О самом Савелии, о русалках и леших, даже о малютках эльфах Кувшин рассказывал с иронией, подмечая у каждого смешные недостатки. Получалось у него это просто здорово. Правда, он вынужден был признать, что Аполлон, Зевс и другие «типы» античности еще более благородного происхождения, чем он сам. Но и о них отзывался пренебрежительно, считая зазнавшимися аристократами.

— Люди восторгаются: Посейдон, Посейдон! — крикливо губы Кувшина. — Подумаешь, царь морских глубин! А я плаваю даже лучше его. Смотрите!

Кувшин взобрался на тополь и бросился вниз. Плавно перевернувшись в воздухе, вошел в воду без брызг, без всплеска. Потом поплыл. Да так, что глаза у ребят засветились завистью и восхищением. Кувшин в воде был быстр, ловок и красив, как птица в воздухе.

— А вы почему не купаетесь? — спросил он, выйдя на берег. — Догадываюсь. Плавать не умеете! Какой позор! Понятно, почему вы такие немощные. Да на

вас просто тошно смотреть. Жалкие заморыши! Хлюпики! Хиленькие слабаки!

Это было настолько несправедливо, что друзья, вскочив на ноги и размахивая руками, стали горячо доказывать: они играют в спортивные игры и закаляются под дождем, они ловкие и сильные!

— Сильные? А это сейчас проверим! — Кувшин пощупал у ребят бицепсы и брезгливо фыркнул: — Кисель, а не мускулы!

— Неправда! — чуть не плача от обиды, возражали ребята. — Чем ругаться, лучше бы плавать научил!

— Плавать? А получится ли?

В тот же миг друзья раскаялись в своей просьбе. Кувшин швырнул их в воду, как беспомощных котят. Ребята визжали и суматошно колотили руками, взметывая брызги. Но Кувшин был рядом и учил держаться на воде. Учил решительно и безжалостно. За непослушание он даже отшлепал Василя по мягкому месту.

— Разве так учат?! — рассердился Василь.

— Только так! — с веселой свирепостью отвечал Кувшин. — И не вопите. А то русалок разбудите.

И точно: одна из них уже сидела на кочке и, глядя на барахтающихся ребятшек, залиристо хохотала.

— Брысь отсюда! — сверкнул на нее глазами Кувшин.

Русалка проворно скрылась под водой.

Минут через двадцать Андрей и Василь не очень умело, но уже самостоятельно подплыли к берегу. Хотели бежать домой, да пристыдил их, буквально пригвоздил к месту презрительный, полный сарказма воздиз:

— Улететь умеете? Трусы!

Пришлось остаться. Вместе с Кувшином пробежались до опушки леса, потом сделали несколько дыхательных упражнений.

— Не пора ли обедать? — спросил Кувшин.

— Пора! Конечно, пора! — обрадовались друзья.

Но получится ли у них, как у тети Зины? Еще как получилось! Вмиг расстелилась та самая с узорчатой вышивкой скатерть и запахло чудесными медовыми кексами, топлеными сливками, зарябило в глазах от рассыпчатых пончиков.

Василь уже протянул руку, чтобы поскорее отправить в рот лакомый кусочек. Но Кувшин посмотрел на роскошные яства с такой яростью, что те мгновенно исчезли.

— Я вас отучу от обжорства! — воскликнул он. — Это фея избаловала вас! Знаю ее. Легкомысленная и вздорная особа! Модница! Вертихвостка!

Ребята устали на водяного: ругался тот так же здорово, как и плавал. Дал он им всего лишь по тарелке с кашей и по кружке молока с булочками. Сам Кувшин ел ту же простую пищу и нахваливал. Каша и вправду оказалась вкусной и сытной.

После обеда Кувшин отпустил друзей, не забыв присовокупить при этом обидные слова:

— Слабаки вы. Хлюпики...

Дома Василь пожаловался на грубого и драчливого водяного. К его удивлению, отец только позавидовал:

— Ай да Кувшин! Молодец! Мне бы такого в детстве!

Но Андрей и Василь твердо решили: к озеру больше не ходить и водяному не показываться. Весь следующий день они играли на лугу вблизи села.

К вечеру вернулись из леса сельские ребятки. Одни с удовольствием вспоминали дедушку Савелия, другие расхваливали даже лешего, с которым состязались в беге и прыжках. Потом пришли девочки. Тут уж восторгам не было конца.

— Какие русалки! Мы с ними играли и купались в реке. А как они поют!

И друзьям стало не то чтобы завидно, а как-то не по себе. Может быть, они ошибаются, и Кувшин не такой уж и плохой?

Утром Андрей и Василь отправились знакомой дорогой. Вот и озеро. Под тополем, спиной к ним, сидел водяной. Друзья в нерешительности остановились: Кувшин казался еще более задиристым, чем в прошлый раз. Особенно смущали его огненно-рыжие волосы. Подсохшие на солнце, они топорщились воинственно и драчливо, как гребень петуха. Но настроение у водяного как будто хорошее. Он глядел в воду и посмеивался над резвившимися мальками.

Ребята собрались с духом и приблизились. Услышав шаги, Кувшин обернулся и насмешливо скривил губы: — А-а, это вы? Хлипкие заморыши. Трусы.

Друзья проглотили оскорбление молча. Потом робко попросили водяного, чтобы он научил хорошо плавать.

— Мы хотим стать чемпионами, — не подумав, ляпнул Василь.

Кувшин глядел на ребят с таким удивлением, что долго не мог вымолвить ни слова. Потом повалился на траву и захохотал.

— Чемпионами? Ха-ха-ха! Вот это рассмешили Юмористы! Комики!

Ребята стерпели и это. Такая покорность растрогала Кувшина. Не чурбан же он, в конце-то концов...

Решили учиться брассу. Все движения Андрей и Василь усваивали легко и быстро, что приводило Кувшина в искреннее, поощрявшее ребят изумление. Потом пробежка, гимнастические упражнения, прыжки в воду... Домой ребята возвращались с таким ощущением, будто на ногах у них выросли крылья. Утром вновь спешили к озеру, хотя Кувшин был все так же насмешлив, привередлив и кормил одной лишь кашей...

Были у друзей, разумеется, и другие дела — книги, фильмы, игры за селом. Но без Кувшина они теперь не могли прожить и одного дня.

Незаметно подкралась осень. Отцветали поля, улетела на юг певунья иволга. Андрей и Василь купались и в холодной воде. Но когда берега к утру покрылись однажды хрустким льдом, пришла печальная пора расставаться со своенравным водяным.

— До свидания, Кувшин! До следующего лета! — Уходя, ребята то и дело оборачивались и с грустью махали руками.

Недели полторы лил холодный дождь, падал мокрый снег. В такие дни друзья сидели дома и читали. Вместе с героями книг они странствовали по развалинам древних государств, по каменным плато неисследованных планет. А с дядей Абу совершили дальнее путешествие и на самом деле.

Оказывается, это очень просто. С дядей Абу друзья вошли в свою сельскую церковь. Она была не только памятником старины, но и станцией дальних трасс. Под гулками сводами все как в былые времена — иконы, росписи на стенах. Но сидения новые, с мигающими огоньками пультов управления. Андрей и Василь уселись в них и вмиг перенеслись в опаленную солнцем страну, в родные края дяди Абу.

Багдад поразил друзей древними минаретами, спиралевидными современными дворцами, ажурными небережными, кокосовыми и веерными пальмами.

В одном из парков они поднялись на холм, поросший душистым жасмином. Зашли в беседку с голубой крышей, и многолюдный город рассеялся, как дым...

Побывали друзья и в других городах, и в знаменитой Аравийской пустыне.

Однажды вернулись Андрей и Василь домой — и едва узнали родные места: кругом белым-бело. Одевшись в куртки с антипосясами, они парили над завьюженными полями. Спустившись вниз, шагали по белому пушистому ковро. Тянулись длинные голубые

тени, и холмы впереди сверкали, как купола. Присыпанные инеем березы казались белоструйными сияющими фонтанами.

Друзья перелетели в сосновый бор — тот выглядел еще чудеснее... Снова перелет, потом еще — и вскоре забрались друзья в незнакомую лесостепь. Все чаще попадались лыжники.

— Где-то здесь город, — догадался Андрей и показал на часовенку с золотистым куполом. — Зайдем?

Зашли, миновали кресла — пульта управления, потом вышли по другую сторону и замерли. Из завьюженной лесостепи, по которой они только что бродили, вырос сказочный город с высокими сверкающими шпилями, хрустальными дворцами, легкими, как паутинки, мостами. Казалось, город выковала сама зима — из снежинок, инея и льда. Особенно красив был фонтан. Вместо воды в чистое небо взлетала морозная пыль. Она тихо звенела, сияла и переливалась всеми цветами радуги.

К часовенке-станции шел высокий человек с лыжами на плечах. Рядом с ним девочка.

— Смотри, папа, — насмешливо сказала она. — Фотоэи, города никогда не видели!

Задетые за живое, друзья бросились доказывать, что видели города и почище — Багдад, Каир, Александрию... Названия экзотических городов произвели на девочку впечатление. Она подошла к ребятам, уважительно пожала руки.

— Давайте знакомиться. Меня зовут Вика. — И предложила вместе покататься за городом на лыжах. — Если не умеете, буду вашим тренером.

К сожалению, тренером она была еще более язвительным, чем Кувшин. Воскликая: «Браво!», Вика то и дело иронически хлопала в ладоши, придумывала разные обидные клички. Андрей и Василь сначала крепились, понимая, что лыжники из них пока неважные. Палки, как назло, вываливались из рук, лыжи не слушались... Но когда обозваны были коровами, стерпеть уже не смогли. Коровы! Надо же придумать такое!

— Ты не Вика, а Крапива! — в сердцах воскликнул Василь.

Сбросив лыжи, друзья заскочили в часовенку-станцию, уселись в кресла и в тот же миг оказались в своем селе.

Утро следующего дня выдалось морозное, но тихое и солнечное. С коньками, сделанными из затвердевшего воздуха, Василь и Андрей помчались на каток. У самой околицы Василь обернулся и увидел, как из церкви-станции выбежала девочка. Она махала ребятам руками и что-то кричала:

— Андрей, смотри! — удивился Василь. — Крапива!

Это была действительно Вика. Она пришла мириться и выглядела такой виноватой, что друзья простили ей все.

Через час или полтора на катке появилась еще одна девочка, совсем незнакомая. Откуда она взялась? Прилетела из соседнего города? Была она постарше остальных, на ней ладно сидела легкая меховая шубка, на голове такая же белая пушистая шапка. Тина — так звали девочку. С нею все быстро сдружились и называли по-свойски: Тинка-Льдинка.

Приходила Тина каждый день, и сельская ребятня уже души в ней не чаяла. Оказалась она озорной и шумной заводилой, а на коньках каталась — одно загляденье.

Как-то, раздражив ребят легкостью своего бега, девочка побежала к роше. Увязая в сугробах, все звонкоголосой гурьбой кинулись за нею. На миг Тина обернулась, засмеялась, что-то крикнула и прибавила ходу. Но ребята догоняли — вот-вот, кажется, схватят за развевающиеся полы. У самой роши случилось непонятное. Поднялся ветер, взметнулась искристая

круговерть. В шелестящем вихре мелькнула серебристая шубка Тины, в тот же миг смешалась со снежной пылью и... пропала. Стих ветер, улеглась поэмка, но девочки уже не было.

— Ребята! Это же снегурочка! — вдруг сообразил кто-то.

Ребята с грустью озирались вокруг: опустели, осиротели снежные поля. Даже смешливая Вика притихла, а грудь Василя сжало такое горе, что в глазах защипало. Боясь расплакаться при ребятах, он побежал домой.

Мама и папа утешили: снегурочка и другие стихийные существа никогда не умирают; они вечны, как вечна сама природа.

Может быть, взрослые правы, — подумал на другой день Василь. Но легче от этого не стало. Андрей признался, что и он тоже ревел дома всюю. Вика ободряла друзей, как могла, а под Новый год принесла весть: к ним на большую загородную елку приходила снегурочка с дедом Морозом. Но то была совсем другая снегурочка — застенчивая и тихая. А Василь тосковал именно по Тинке-Льдинке, озорной и шумной, как снежная метель.

Ранним утром, когда над полями еще висела мгла, Василь вышел за село и остановился у той самой рощи.

— Тинка-Льдинка, где ты? — негромко позвал он. — Покажись!

Но угрюмо молчали деревья, тихо было в сумеречных полях. В космическом беззвучии, пульсируя в ледяных высотах, догорали перед рассветом последние звезды. И такой заброшенностью веяло от холодных высот и равнин, что на глазах мальчика навернулись слезы.

Но вот порозовели макушки снежных барханов, встающее солнце алыми брызгами расплескалось на пушистых шубах деревьев, на мохнатых шапках кустов. И все вокруг ожило и заулыбалось! Улыбались сугробы, сверкали и смеялись нарядившиеся в хрусталь березы. И даже в поэмке звенел серебристый смех.

Василь счастливо ахнул: это же снегурочка! Живая, искристо озорная снегурочка!

— Здравствуй, Тинка-Льдинка! — воскликнул он и помчался домой поделиться радостью с мамой и папой.

С тех пор рощу эту Василь так и называл: Тинка-Льдинка. Даже летом, когда она сбросила белую снежную шубу и оделась в зеленое платье. В жаркие дни, как ни спешили друзья к Кувшину, они обязательно сворачивали сюда. И снегурочка-роща встречала их ласковой прохладой.

А за рощей, за этой звеневшей листвою и птичьими голосами Тинкой-Льдинкой ярким многоцветьем открывалась степь. Ребята часто слышали далекий певучий голос модницы тети Зины, иногда встречались, когда она становилась девушкой с приветливым и ясным лицом. Но о беседах с феей весенних лугов ничего не говорили Кувшину, опасаясь вызвать с его стороны град насмешек.

Однако ни снегурочка, ни Кувшин, ни тетя Зина — никто так не владел душой Василя, никто так не занимал его мысли и чувства, как таинственный Пастух. Однажды, еще затемно, мальчик прокрался за околицу и в предутреннем мгlistом мареве увидел плавающие силуэты лошадей. Чуть в стороне на сухом пригорке, где всегда цветет иван-чай, сидел человек и тихо наигрывал на свирели — пробовал, видимо, какую-то новую мелодию. Какой человек — не разглядеть и не разгадать. Близкое присутствие мальчика обеспокоило его. Он встал и ушел в поле.

Василь кинулся за ним... Но только метелки трав колыхнулись и тень неясная мелькнула во мгле. Клубы тумана еще, казалось, хранили его дыхание, и в травах будто слышался шорох шагов. Но самого Пастуха нет.

Мальчик чуть не заревел от досады, а днем часто спрашивал взрослых: как поговорить с Пастухом или хотя бы увидеть его? Те только разводили руками.

А тут вскоре вокруг села возникла блуждающая зона. И снова загадка! Папа говорил, что в зоне, радиусом до ста километров, биосфера освобождается от недобрых гостей.

— От колдунов и ведьм? — спросил Василь.

— И от многих других. Уходят они через зону невидимками, в виде сгустков информации. И только где-то в далеком прошлом материализуются. Толком мы не знаем. Незванные гости ночью на короткое время могут становиться видимыми и осязаемыми и здесь. Сфера Разума как бы в нерешимости: выбрасывать их в прошлое или нет. Но эти временные пришельцы не опасны.

— А правду говорят, что зона — болезнь Биосферы?

— Да, малыш. И пока мы не знаем, как помочь природе избавиться от нее.

В жизни полей и рощ ничего не изменилось, будто блуждающей зоны и не было. Все так же сияли росы по утрам, пели птицы, и стрекоты электрическими рядами мелькали в знойных камышах. Все так же требователен и насмешлив был Кувшин, добра и приветлива фея весенних лугов. Люди понесли, однако, утрату, единственную, но горькую — исчез Пастух. На время или навсегда — этого никто не знал.

Василь теперь редко виделся со своим другом. Осенью Андрей собирался идти в первый класс. А до этого он должен с одноклассниками совершить многодневное кругосветное путешествие. Ребята получат предварительное знакомство с жизнью многоликой Сферы Разума, или, как ее называли по старинке, — Биосферы...

Василь, впрочем, не остался один — он подружился с Викой. Странная это была дружба. Острая на язычок девочка то и дело обжигала насмешками и обидными кличками — на них она была просто неистощима.

В один из дней Андрей был свободен, и друзьям захотелось вместе с городскими ребятами поиграть в кузнечики. В куртках с антипосясами они, подобно кузнечикам, поскакали на запад. Прыгнув, километров через двадцать снижались, в гулких лесах аукали и, собравшись вместе, совершали новый прыжок. Наконец залетели совсем далеко. Наряду с привычными березами и кленами все чаще попадались гладкоствольные громадные буки, ветвистые платаны. Здесь ребята видели, как Биосфера овеществила замысел конструкторов — сотворила по их проекту космический корабль.

Верхушки деревьев слегка закурились. Дрожащие струи силовых полей, словно влажные испарения в знойный день, потянулись вверх. Там, в поднебесье, они потемнели и сплелись в сизое облако, похожее на исполинского дельфина. И даже на борту космического дива засветилась надпись: «Дельфин».

— Здорово! — восхитился Андрей.

Сиреневый «Дельфин», сверкая на солнце и словно любуясь собою, покружился, потом набрал скорость и растаял в синеве — улетел на далекий Плутон, на один из его космодромов.

В город ребята вернулись, когда свалившееся за горизонт солнце слабо подсвечивало высокие перистые облака и те роняли вниз розовый пепел, золотили крыши домов, шпили дворцов. Вика просила, чтобы ребята вернулись в село через станцию мигперехода. Андрей так и сделал, а Василь не захотел.

— У вас сейчас блуждающая зона, — настаивала Вика, — в полях могут появиться чудища. Испугаешься.

— Ерунда, — махнул рукой Василь. — Ничего они со мной не сделают.

И запрыгал Василь кузнечиком над быстро темнеющими лесами и лугами навстречу голубому рогу луны. Километрах в двух от села с антипосясом что-то слу-

чилось, и дальше пришлось идти пешком. Из непроглядной тьмы леса Василь вышел на равнину, где в низинках ползли нити тумана и под луной лоснилась трава.

Яркий полумесяц задернулся тонкой косынкой облака, и по степи полплыли густые рваные тени. В этот миг ветви кустарника у реки шумно закачались, там раздался звон, удививший мальчика. Звякнул металл, а его дети почти не знали.

Из кустарника выступила лошадь со странным всадником. Василь отшатнулся: у человека как будто не было головы. Померещилось? Из-за тучки выплыла луна, ярко осветив все вокруг. И мальчика охватил ужас — в опущенной ниже колен руке всадник держал за волосы... голову. Свою собственную отрубленную голову!

Василь вскрикнул и бросился в спасительный лес. Он бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через кочки и бугрившиеся корни деревьев. Страх душил его, гнал все дальше. На одной из полян Василь остановился перевести дыхание. И тут из мглы послышался тихий голос — ласковый и журчащий, как лесной ручеек:

— Безголового испугался? Не бойся, малыш!

Кто говорил — в темноте не разобрать. Но страха как не бывало. К лесному незнакомцу Василь сразу почувствовал доверие.

— Я с тобой, малыш, не бойся! Безголовый скоро уйдет и не вернется.

Что за чудный голос... Пожалуй, он похож не на журчание ручейка, а на шелест ветвей дружелюбно настроенного говорливого дерева. Луна, выпрыгнув из-за вновь набежавшего облака, заструила тихий свет на полянку. Василь увидел старого человека с белыми, как снег, волосами, с бородой до пояса.

— Старик-лесовик! — обрадовался Василь. — Дедушка Савелий! Мне рассказывали о тебе.

— Верно, это я, — улыбнулся дедушка. — А кто рассказывал?

— Кувшин.

— Кувшин?! — Дед Савелий отшатнулся и сердито замахал руками. — И ты беседовал с ним? Это же не годяй! Разбойник! Его надо выселить из наших мест!

Губы Василя невольно расплылись в улыбке: дедушка Савелий и Кувшин, понял он, живут не в ладах. И ему захотелось помирить их когда-нибудь.

— Хам и грубиян! — не унимался дедушка. — Он деревья ломает. Ругает фею. А вчера маленькую русалочку даже отшлепал. Для воспитания, говорит!

Василь рассмеялся — он узнал повадки задиристого Кувшина. Когда дедушка Савелий успокоился и сел на бугорок, мальчик примостился рядом.

— А безголовый? — В груди его снова шевельнулся страх. — Кто он?

— Не знаю. У людей надо спросить. Сами же люди когда-то выдумали его. Вот он сейчас и ожил. Бродит.

— Где бродит? Где он сейчас?

Дедушка понохал воздух и сказал:

— На лужайке около реки. По железу чую. Это уздечка и стремяна из железа. В старину даже лошадок заковывали в проклятое железо!

На «проклятое железо» лесной дух обрушился с еще большим гневом, чем на Кувшина. А когда упомянул о каком-то топоре, борода его сердито затряслась. Топор и железо, сказал он, в древние времена были главными врагами леса.

И вдруг дедушка замолк, прислушиваясь к тишине и припохиваясь.

— Ушел безголовый, — улыбнулся он. — Куда? Не знаю, малыш. Но больше он не вернется. Дорога свободна, идем.

Из леса Василь вышел с некоторой опаской. Но кру-

гом тишина. Лишь травы чуть слышно вздыхали и мирно серебрились под ливнем лунных лучей. Рядом надежный спутник — добрый дух леса... У околицы села дедушка Савелий попрощался и ушел, растаяв в дымном сиянии степи.

Дома Василю крепко досталось от мамы, но папа увел его в другую комнату и стал расспрашивать.

— Ночные гости не так пугливы с детьми. Внеземные станции, конечно, фиксируют все необычное в блуждающей зоне, но издали и в инфракрасных лучах. — Выслушав рассказ сына, папа сказал: — Это, малыш, уже что-то новое. Начали выступать из Памяти не мифологические и сказочные образы, а литературные. Завтра дам книгу, и ты все поймешь.

Утром отец дал сыну роман Майн Рида «Всадник без головы». Василь читал его и удивлялся, как это они с Андреем раньше не догадались взять из Памяти такую интересную книгу. Страшный всадник, напугавший его ночью, был отсюда...

Растревожненное воображение мальчика рисовало блуждающую зону в виде морского берега. Океан Памяти, плескавшийся в Биосфере, во время шторма, или, как говорят взрослые, волновых флуктуаций, выбрасывает на берег вместе с пенными валами излучений разные образы прошлого. Как вчера ночью всадника без головы. Потом волны смывают их обратно в океан Памяти. Но самые недобрые образы — черти, драконы и другие — невидимками выплескиваются и улетают далеко назад, в доисторическое прошлое. И только там становятся видимыми.

Блуждающая зона, полная ночных тайн, и манила к себе Василя, и пугала. С разрешения папы он несколько раз бродил на лугу и вдоль опушки леса. К сожалению, ничего интересного не происходило. Однажды, правда, он столкнулся с лешим. Но то был обыкновенный лесной житель вроде дедушки Савелия. Мальчик ушел бы, если бы не забавное поведение лешего. Тот выскочил из леса и пугливо озирался, словно не понимал, где он и что с ним случилось. И оделся леший смешно: на нем старинный фрак, на шее галстук, повязанный бабочкой. Мальчик рассмеялся и попытался успокоить лесного жителя. Они сели рядышком на берегу реки и разговорились. Леший то и дело вздрагивал, оглядывался и прислушивался. Изредка пошелестит вверх ночная птица, глухо ухнет вдали филин. И снова тишина. Наконец леший окончательно успокоился и назвал себя философом.

— Задумывался ли ты над своими желаниями? — спросил он.

— Задумывался, — охотно отозвался Василь. — Иногда чего-то хочется. Но чего хочется — не знаю.

Вот это и есть, говорил лесной обитатель, кусочек осознанной человеком мировой воли. Твое личное хотение, утверждал философски настроенный леший, это дырка или, лучше сказать, подземный ход в мир, какой он есть на самом деле. А есть на самом-то деле только бесконечная мировая воля, слепое и бесцельное космическое хотение. Окружающий же нас осязаемый мир в действительности не существует. Это всего лишь видимость мировой воли, наше представление об этом мире. Это Майя — обманчивое покрывало, спускающееся на глаза смертных.

Лесной житель излагал свои мысли так просто и образно, что Василю стало чудиться, будто он и правда живет в призрачном мире теней, в пещерном сумраке представлений.

Леший внезапно исчез, словно его и не было. Он оставил в душе мальчика смутный и тревожный след: раньше Василь совсем иначе понимал окружающий мир. «Что-то здесь не так», — думал он. Несколько раз порывался поделиться своими сомнениями и с Викой.

— Что ты так странно смотришь на меня? — спросила как-то девочка.

— А знаешь, кто ты? — отважился Василь. — Ты — мое представление о тебе, а на самом деле тебя нет!

Вика с недоумением посмотрела на мальчика, потом выразительно повертела пальцем около своего виска...

В тот же день Василь разговорился с отцом. У того брови изумленно поползли вверх, когда услышал о мире как воле и представлении, о призрачной ткани Майя.

— Ты где нахватался этой чепухи? — спросил он. — Из старинных философских книг? Но ведь сфера Разума выдает книги по возрасту и уровню подготовки. Ты ничего бы не понял, если бы даже получил такую книгу!

— Мне леший рассказывал.

— Не может быть! Природные существа учат здоровью и правильному взгляду на мир. Может, кто-то другой?

— Нет, это был леший! Дядя Артур. И фамилию он свою называл. Какая-то трудная фамилия. Кажется, Шопен... Или нет, Бауэр!

— Артур Шопенгауэр! — воскликнул отец. — Как я сразу не догадался? Да, это его философия... А сам он, малыш, уже не вымысел, а реально живший человек. И человек довольно недобрый... Но место ли ему там, среди недобрых вымыслов и злой мифологии? Странно все это...

Выход из Сферы Разума, из ее Памяти исторической личности, да еще столь известной, всерьез обеспокоил ученых. Их внеземная станция зафиксировала еще два похожих случая. Началась подготовка к рейду в доисторические времена для поисков места, где материализуются и скапливаются тени прошлого. Надо было выяснить, что представляет собой это явление и насколько оно опасно.

Вскоре в рощах и полях, примыкающих к селу, перестали возникать ночные гости: блуждающая зона переместилась совсем далеко, в район Карибского моря. А еще через день или два за околицей села в предутренней тишине и тумане послышались звуки — глухой топот, пофыркивание лошадей и... музыка древних степей.

— Пастух! Вернулся Пастух! — радовались люди.

Радовался и Василь. Но непонятной, временами горькой была эта радость. Кто он, таинственный друг и мучитель? Откуда приходит? Из старинных сказаний и песен? С необозримых пастбищ давно ушедших веков? У мальчика возникало щемящее чувство общности, родства с древними пастухами и пахарями, воинами и мореходами.

А звуки свирели лились, проникали в душу и отзывались в ее глубине волнующим, как ветер, и куда-то зовущим эхом. Но куда зовут эти странные звуки? В какие неведомые и тревожные дали? Кто знает? Кто скажет?

* * *

С такими вот неясными настроениями, с еще не угасшими в ушах звуками свирели я и проснулся, очнувшись внезапно и мгновенно. И так же мгновенно, похолодев от ужаса, осознал свое истинное положение: я в стране изгнанников, в мире реализовавшихся кошмаров.

Прислушался: кругом ни звука. Под диваном тихо селят конвоиры. Осторожно приблизился к окну. Все так же призрачно, тускло светится под луной полянка с жиденькой сиренью. Здесь совсем недавно резвился страшный мистер Ванвейден... А потом волшебный сон с пробуждением в ином времени и месте. Но сон ли?

Вдруг все помутилось перед глазами, голова за-

кружилась, и я обессиленный сел на кровати... Нет, не сон! Ослепительно ярко возникли в памяти цветущие степи с феей весенних лугов, а в ушах послышались звуки свирели.

Где я? На грани двух миров? И кто я в конце концов? Василь? Василий Синцов или этот... Как его? Пьер Гранье? Кто разрешит мои сомнения? Мой ночной собеседник и друг?

Я прилег и усилием воли приглушил мятущиеся и мешающие контакту мысли. И наконец услышал... Из самых нижних этажей подсознания донесся голос:

— Ты как будто в смятении?

— Еще бы. Так и кажется, что тебя нет и что разговариваю сейчас с самим собой, с моим лучшим «я».

— В тебе прорастает новая личность, похожая на меня. Вот и все. Тебе дают новую жизнь не для забавы.

— Понимаю. Чудный конь! Бог пространства и времени! Да, он уже сейчас не шарахнет от меня, как от злого чудища. Примет меня.

— Не обольщайся. Ты должен прожить почти всю мою жизнь. Вот тогда станешь человеком нашего мира. И тогда конь...

— Вот оно что! Опасаетесь, что я на коне преждевременно сбегу и не выполню задания? Нет, нет! Я все сделаю, хотя от страха иногда случаются галлюцинации.

— Галлюцинации? Ты об этом не говорил.

— Чепуха. Во время проверки я будто бы видел дядю Абу здесь.

— Не может быть!

— Вот я и говорю, что померещилось от страха.

— А что, если?.. — В голосе моего собеседника чувствовалась такая тревога, что я с беспокойством спросил:

— Дружище, что с тобой?

— Припоминаю... В последнее время дядя Абу не было видно нигде. Ходили слухи, что он в межзвездной экспедиции. Но если это не так?

— Да говори же толком! Мне становится страшно.

— Есть предположение, что в блуждающей зоне может произойти перестройка биологической структуры человека в энергетически информационную. Его организм получит способность к самым невероятным превращениям.

— И с волнами излучений его занесет сюда, в этот страшный балаганый мир? Ну и ну! Ну и цивилизация! — Всего лишь временная трудность, что-то вроде болезни Биосферы, ее Памяти.

— Догадываюсь. Биосфера дает вам возможность общаться с феями, таинственными пастухами и другими добрыми существами. Но для нормальной жизнедеятельности ей необходимо освободиться от такого же количества недобрых — ведьм, драконов и даже таких исторических, как я. Без этого ваш сказочный мир жить не может. Положительный полюс невозможен без отрицательного. Но дядя Абу! Друг моего детства! Это же сама доброта!

— По той же гипотезе, несчастье с человеком временное. Силловые микровихри израскодают энергию, и организм вернется в обычное биологическое состояние.

— А если все же галлюцинации?

— Все может быть... — Голос собеседника прерывался и уходил куда-то вдаль. — Но если несчастье... Тогда надо сойтись с дядей Абу... Для...

— Для пользы дела? — попытался я.

В ответ ни звука. Может быть, время, отпущенное на диалог, кончилось, и мне пора спать? Взглянул на часы и поразился. Прошел всего час с того момента, как мистер Ванвейден, позвякивая кандалами, ушел в темноту. А сколько событий! И главное из них — мое детство. За секунду или две прожил удивительные годы. Они освежили меня, словно ветер полей пронесся в душе. Прорастает во мне новая личность?

Однако личность эта изрядно трусила, когда еще раз выглянула в окно. Но там никого. Тихо и в соседней комнате. Я лег, и сон охватил меня. Спал крепко и без сновидений. Лишь перед тем, как уснуть, на миг кольнула и тут же погасла мысль: кто же такой дядя Абу?

Непобедимый дядя Абу

Проснулся, когда утренние лучи коснулись моих ресниц. Я осторожно приоткрыл глаза. За столом уже сидели конвоиры в гусарской форме. Но выглядели гусары жалкими и пришибленными. Виногато опустив головы, они время от времени смущенно поглядывали на меня. Чувствовалось, что перетрусилась ночью не на шутку и сейчас им очень стыдно. Желая подбодрить их, а заодно и себя, я встал и весело спросил:

— Ну что, братцы? Напугал вас мистер Ванвейден?

— Прохвост,— с ненавистью отозвался о ночном госте Крепыш.

«Славные парни»,— усмехнулся я и еще раз подумал, что с конвоирами мне повезло.

— Я должен, видимо, стараться, чтобы ночью нас никто не тревожил,— сказал я.— После завтрака отправимся в лес и добудем штурмбанфюрера. Пойдете со мной?

— Хоть к черту на рога,— весело ответил Усач.

Однако он задрожал от страха, когда машина подъехала к опушке.

— Нам нельзя туда,— прошептал он.— Там нечистая сила.

Себя черти считали, как видно, «чистой силой». Крепыш объяснил мне, что лешие, водяные и русалки очень враждебны к ним. Недавно ведьма совершила на метле патрульный полет вдоль опушки и нечаянно очутилась над лесом. «Нечистая сила» дематериализовала ее летательный аппарат. Ведьма ухнула вниз и стинула.

— Пойду один, а вы оставайтесь в машине,— предложил я.

Лес встретил меня утренней полумглой и росистой прохладой. Странный лес. Частица, осколок волшебной биосферы — Сферы Разума, своего рода ретранслятор, «излучающий» изгнанников. Не знаю почему, но сегодня я доверял лесу как самому надежному другу. И даже «нечистой силы» — лесных существ — не боялся. В прошлый раз водяной и русалки, искупав меня в омуте, не хотели причинить зла. Они просто озорничали.

Опасаться надо только Черного паука. Да и то ночью. А днем? Я зябко передернул плечами, вспомнив, что сейчас где-то здесь бродит штурмбанфюрер — столь желанный Гроссмейстеру изгнанник. Если он материализовался перед рассветом, то Черный паук не успел сожрать его.

Лес редел, и все чаще попадались светлые полянки. На одной из них, под высоким, очень густым и ветвистым дубом, лежал широкий пояс с металлической пряжкой и расстегнутой кобурой. Вороненой сталью блеснула рукоятка парабеллума. Ясное дело: штурмбанфюрер сбросил пояс, чтобы проворнее взобраться вверх. Черный паук так напугал его, что он до сих пор не решаетесь спуститься.

Но вот зашевелились, затрещали ветви, и сквозь листву я рассмотрел черный мундир со свастикой на рукаве. В один миг я очутился под деревом и выхватил из кобуры пистолет. Отскочив назад, наставил его на незнакомца. Высокий, плечистый, тот стоял уже внизу и спокойно рассматривал меня. Да, такого ничем не смутишь. Лицо его, крупное и волевое, могло

бы понравиться, если бы не мутно-свинцовые, тяжелые глаза.

— Предлагаешь поднять руки? — хмуро усмехнулся он.

— На всякий случай подними. Кто такой?

— Штандартенфюрер СС Ганс Ойстерман.

— О, мне повезло. Даже штандартенфюрер! Идем, я тебя выведу в город.

Штандартенфюрер нерешительно потоптался и огляделся по сторонам.

— В чем дело? Не бойся, голубчик, здесь ты будешь в большом почете. Только служить придется фюреру не совсем обычному.

В общих чертах я обрисовал ему наше положение в стране изгнанников. Когда вывел его на опушку леса, Крепыш сразу же оценил важность моей находки.

— Вот это зверь! — воскликнул он с явным одобрением.

В длинноруком и сутуловатом эсэсовце и впрямь было что-то звероподобное. Усач, прищелкивая языком, рассматривал штандартенфюрера с уважением и опаской. На всякий случай ему крепко связали руки, прежде чем усадить в машину.

К департаменту подъехали около полудня. Аристарх Фалелеич потирал руки, весьма довольный своим успехом.

— Дельно! — сказал он.— Кем этот тип был в прошлой жизни? Начальником концлагеря? Очень хорошо!

Мистер Ванвейден полоснул меня враждебным взглядом: его раздосадовала моя удача. То ли похвала директора придавала мне храбрости, то ли я сам стал чуточку другим, но я бесстрашно погрозил мистеру Ванвейдену кулаком и крикнул:

— Эй, ты! Вампир! Если еще раз заявишься к нам скелетом, я переломлю тебе все ребра.

Аристарх Фалелеич усмехнулся и поощрительно подмигнул мне: своего заместителя он явно недолюбливал. Крепыш приятельски толкнул меня в плечо и шепнул на ухо:

— Bravo!

Вечером во время ужина видеофон на моем письменном столе внезапно засветился. Конвоиры, поспешно вытерев засаленные пальцы о скатерть, вскочили и почтительно вытянулись в струнку — на экране возникла круглая физиономия директора департамента.

— Садитесь,— добродушно промурлыкал Аристарх Фалелеич.

Доставленный мною исторический персонаж, сказал он, проверку прошел, и его идентичность с реальным жившим штандартенфюрером СС установлена. Глаза Мурлыкина сладко жмурились, когда он расхваливал этого палача.

— Бесчеловечен в высшей степени. Ценный экземпляр!

В груди у меня тоскливо заняло: вспомнил, что я ведь тоже признан «ценным экземпляром».

Экран погас. На моем пиджаке бабочкой заплесало светящееся пятно и оформилось в высший знак отличия — орден «Рог дьявола». Награда окончательно испортила мне настроение. Когда утром брился перед зеркалом, не мог смотреть на себя без стыда и омерзения. А тут еще в моей душе, в самом укромном ее уголке, поселился кто-то другой и насмешливо взирал на меня. Кто этот другой? Прорастающая новая личность? Малышка Василь?

На улице, однако, все переменялось: верх взял Пьер Гранье, приспособленец. Я повеселел и чувствовал себя с наградой в относительной безопасности. Прохожие уважительно уступали дорогу. Агент охраны, ранее неотступно следовавший за мною, с завистью посмотрел на орден и нелепо расшаркался. Следил он за мной теперь издали, а потом и совсем исчез.

Исчез из моей души и насмешливый бесенок —

Василь. Ну и лучше: без него спокойнее жить.

У меня не совсем понятное задание — наблюдать... С утра я ходил по городу и вникал в его жизнь с возрастающим любопытством. Уж больно забавно копирующая нечистая сила привычки людей и социальные формы исторического прошлого. После полудня усаживался за письменный стол. У меня уже были наброски романа о жизни этой страны. Надо стараться, если не хочу угодить в костер...

Вечерами я часто гостил у Алкаша, играл с ним в шахматы, беседовал с этим неглупым человеком.

— Наловчилась нечистая сила хватать из прошлого почти все, что пожелает, — сказал он как-то. — Но в электропроводке, в ремонте не слышит ни бум-бум. Все это делают исторические вроде меня.

Сам Алкаш следит за исправностью труб во дворце, где размещается парламент. От него услышал прелюбопытнейшую историю. Когда-то давно в зале заседаний в качестве депутатов сидели человекоподобные роботы. При появлении Гроссмейстера или другого важного докладчика они почтительно вставали. На трибуне — пульт управления роботами. Стоит выступающему нажать кнопку, и в нужном месте доклада гремят аплодисменты. Нажмешь другую — бурные аплодисменты, переходящие в овации. Третью — из зала несутся крики «Правильно!» или «Браво!» Такое послушание очень нравилось Гроссмейстеру. Но потом его стали почему-то раздражать роботы. Их заменили живыми депутатами.

— И что ты думаешь? — смеялся Алкаш. — Живые депутаты оказались смекалистыми мужиками. Они ведут себя точь-в-точь, как роботы. Гроссмейстер доволен.

О том, что рядом в качестве какого-то вселидного изгнанника может находиться дядя Абу, я почти забыл. Вернее, трусливо пытался забыть.

Вскоре, однако, призрак напомнил о себе. Однажды, играя в шахматы, я задержался у Алкаша. Прохожие уже разбежались по домам, спешили в храмы, церкви и мечети — близился час дьявопослужения. Не желая опоздать, я решил встретить его в соборе Святого Павла, расположенном на пути к моему коттеджу.

До начала оставалось еще минут десять. У входа стоял крупный светловолосый тип и мирно беседовал с чернявым низкорослым господином, похожим на грача. Справа, строя мне глазки, посмеивались и щебетали хорошенькие девушки. От них исходил запах французских духов.

«Ароматные девушки, — усмехнулся я. — Но кто они? На ведьм не похожи».

— Красавчик, не желаешь ли освежиться? — спросила одна из них. Вынув из сумочки пульверизатор, она обрызгала меня духами.

Открылась дверь, и все устремились под гудки своды собора. Нечистая сила, возвращаясь в свой первоначальный образ, старалась поудобнее устроиться у экрана. Впереди, сварливо переругиваясь, толкались черти и ведьмы. В самом темном углу испуганно жались к стене два литературных персонажа и один исторический.

Я оказался в центре. Позади меня стоял чернявый, похожий на грача господин, а рядом расположился тот самый светловолосый тип. К моему ужасу, он развернулся в огромного, покрытого панцирной чешуей дракона. Башка его касалась потолка. Я опасливо поспрашивал на него. Что от меня останется, если он случайно обопрется когтистой лапой? Но дракон стоял тихо, добродушно поспрашивал сверху на дерущихся чертей и лениво позевывал. При этом зубастая пасть его распахивалась и захлопывалась с лязгом стального капкана.

Позже всех вошли «ароматные девушки» и, превратившись в черных птиц с девичьими головами, взле-

тели вверх. В тот же миг я зажал нос от невыносимой вони. Это же гарпии! Те самые прожорливые и зловонные твари, что досаждали спутникам Одиссея и аргонавтам на пути в Колхиду...

Дракон морщился, отмахиваясь лапой от вонючих птиц. Те подняли невообразимый гвалт, дрались за каждый карниз, за каждый выступ на стене. Наконец расселись и, сложив крылья, утихли. В это время у меня за спиной послышался чей-то визгливый капризный голос:

— Поднимите мне веки! Не вижу!

Я обернулся. Вместо чернявого господина за мною стояло чудище с квадратной физиономией, лоснящейся, как намасленный замок. Какие-то низкорослые, смахивающие на гномов создания кинулись к нему и стали услужливо поднимать свисающие до пола веки.

«Гоголевский вий», — вздрогнул я и поспешно отвернулся. По спине пробежали мурашки: вот-вот, казалось, веки поднимут веки, и он, уставив на меня железный палец, завопит:

— Вижу! Это разведчик! Хватайте его!

С трудом унял я свои нервы и стал глядеть на экран: в чистом небе из-за горизонта выходило облако с дворцами сатаны.

Справа от меня, там, где находился запасной выход, кто-то вскрикнул, и вскоре зябким сквозняком пополз оттуда испуганно почтительный шепот:

— Непобедимый... Непобедимый...

Я посмотрел туда, и сердце замерло: дядя Абу! Сомнений никаких — это он со своей знаменитой шевелюрой! Знакомая мне по детству Василья неумная проказливость так и рвалась из него наружу.

— Кому поклоняетесь? — рассмеялся дядя Абу, показывая на экран. — Это же балаганный клоун.

Эффекта он добился ошеломляющего. Изгнанники запрыгали, заметались, в ужасе затыкая уши. Слушать сквернословие в адрес сатаны? Да за это сразу можно угодить на костер! Гарпии, подняв нестерпимую вонь, махали крыльями и визжали. Дракон свернулся в человека и кинулся к главному выходу. Там образовалась давка. А дядя Абу, потирая руки, продолжал изрыгать страшные дьявопослужения:

— Ваш сатана дерьмо! Ублюдок!

Мои черти оказались сообразительнее и проворнее всех. Они подхватили меня под мышки, взлетели вверх, рогами разбили цветные стекла витража и вырвались наружу.

Заснул я поздно. Успокаивала юркая и трусливая мыслишка: мне снова померещилось, и никакого дядя Абу в соборе святого Павла не было...

Утром полистал первые выпуски газет и убедился: дядя Абу — не обман зрения, не галлюцинация, а реальный факт. Судя по тону газетных сообщений — факт значительный. В них говорилось, что вчера вечером всеми уважаемый Непобедимый снова допустил нехорошую выходку и обозвал Гроссмейстера разными словами.

Итак, дядя Абу — изгнанник, демон могущественный и независимый. Но какой демон? Я перевернул старые газеты, однако ответа на этот вопрос не нашел.

— Пишу роман о первых годах страны изгнанников, — сказал я Крепышу. — Но мне не хватает исторических данных. Сможешь помочь?

Крепыш отнесся к просьбе с уважением: от моего усердия зависит его благополучие, не оправдавших доверия людей сжигают обычно вместе с конвоирами. С одобрением отозвался о моем намерении и Аристарх Фалелеич. С его помощью Крепыш раздобыл заснятые летающими телепередатчиками и чудом сохранившиеся видеозаписи и обрывки кинолент. Сохранились они плохо и давали на экране смутное изображение. И все же прошлое диковинного мира вырисовывалось.

Вначале был хаос, буйное сборище злых чудовищ, родившихся в воображении людей и получивших здесь статус реальности. Христианская мифология объявила себя «высшей расой». Персонажи сказок, представители буддистской и языческой мифологий не уступали. Возникали склоки, переходящие в побоища — с серным дымом чертей, с пламенем огнедышащих драконов. Иногда появлялись реально жившие и чаще всего недобрые люди. Но они немедленно истреблялись — хоть и злые, однако все же люди. Из мглы средневековья выступил даже знаменитый инквизитор Торквемада, на свою беду показавший чертям, как устраивать аутодафе. С улюлюканьем и свистом черти привязали его к столбу и сожгли.

Кончилось тем, что все взвыли от свободы. Стали с нетерпением ждать изгнанника, способного избавиться от непосильной обузы — от ненавистной свободы. Иначе все истребят друг друга... Необходима диктатура страха — основа стабильности и коллективного счастья. На первых порах поговаривали о приходе Великого Инквизитора. Откуда взялись слухи об этом удивительном персонаже Достоевского, установить мне не удалось.

И вот к изгнанникам пришел порядок, связанный с появлением сатаны и его свиты — ангелов. Загромыхали испепеляющие молнии, запылали костры. И все присмирели, признали власть сатаны — Гроссмейстера.

Изгнанники начали устраиваться. Появлялись жилые дома, храмы, целые улицы с магазинами и, наконец, заводы. Драконы: вампиры, гарпии и все остальные твари стали именовать себя демонами. Слова «нечистая сила» считались нехорошими. К историческим персонажам, то есть к людям, начали относиться бережно. Они такие же изгнанники, без них не создать свою культуру, науку и технику.

Изгнанники догадывались, что живут они под «дуррацим колпаком», под непонятной силовой сферой. Ожившие люди должны установить природу этой сферы, а затем с помощью созданного на заводах и в лабораториях лазерного и другого оружия разрушить ее. Изгнанники хотят вырваться на свободу. Зачем? Они ведь изгнаны, заброшены в доисторическое прошлое планеты. Может быть, они пожелали жить в мезозойских джунглях вместе с динозаврами и птеродактилями?

Я просмотрел еще немало видеозаписей и выяснил, что цель их другая и страшная: разрушить барьеры времени и вырваться на просторы тысячелетий. Изгнанники хотят вернуться в будущее — туда, откуда изгнаны, и установить там... демократию! То есть власть демонов!

— Живые люди, а не ожившие мертвецы будут служить нам... — с трудом разобрал я слова в одной из речей Гроссмейстера.

От неожиданности я выронил из рук видеоленты и долго не мог приступить к их просмотру. В воображении заметались картины одна ужаснее другой. Снегурочка, Кувшин, фея весенних лугов и другие спутники моего детства изгнаны. Леса вырублены, цветущие поля залиты асфальтом, и по пыльным дорогам с удовольствием катаются в автомобилях нечистая сила. А люди, бывшие хозяева некогда зеленой планеты, — под конвоем, многие в кандалах.

Что и говорить, рисовала моя фантазия сцены, невероятные по своей нелепости. Я даже рассмеялся. Люди, конечно же, сумеют предотвратить беду. Я захожусь здесь как раз для того, чтобы помочь им.

Помочь... Смогу ли? Холодный пот прошиб меня, когда я через минуту сделал открытие... Жизнь моя висит на волоске! Каждый день... Вернее, каждую ночь меня подстерегает смерть — самая ужасная, какую только можно представить.

Но постараюсь взять себя в руки и рассказать обо всем по порядку. Может быть, еще не все потеряно? Дело в том, что в мои руки случайно попала кассета с видеозаписями совершенно секретного характера. Кассета затерялась среди других архивных документов, которые приволок старательный Крепыш. Записи смутные, хаотичные. Прыгающими от страха пальцами я перебрал эти ленты, с трудом восстанавливая последовательность событий, и все глубже проникал в одну из самых жутких тайн здешнего мира.

Года два назад здесь появился пират. Не литературный, вроде Джона Сильвера, а реально живший предводитель пиратов Эдвард Тич по прозвищу Черная Борода. Прежде я много читал о нем. Материализовался он в точности таким, каким запечатлен в хрониках и в многотомной «Истории пиратов» Джонсона. Раньше я замер бы от восторга, увидев на экране этот живописнейший образ.

Да, внешность у него картинная. Лицо, начиная от злых глаз, закрыто густыми черными волосами, покрывавшими также и грудь. Одежда вся в кровавых пятнах. И пропахла она ромом и порохом — эту адскую смесь Тич обычно пил. Под бородой — широкие ленты, унизанные пистолетами.

Кровожадной свирепостью Эдвард Тич приводил в трепет даже своих сподвижников. Но это в историческом прошлом. Здесь же — другое дело. Здесь разгульная морская братия встретила знаменитого пирата восторженным ревом:

— Черная Борода! Виват, Черная Борода!

В департаменте исторических персонажей Тич — Черная Борода сразу же был признан «ценным экземпляром». Но, на свою беду, он не мог избавиться от скверной привычки, приобретенной еще в прошлой жизни, — палить в темноте из пистолетов по своим собратьям. С разрешения Гроссмейстера с ним расправились сами же пираты. Они соорудили на площади бизань-мачту, повесили на нее Эдварда Тича, а труп его сожгли. С неуживчивым пиратом, казалось бы, покончили навсегда.

Однако немного спустя улицы города стали оглашаться по ночам криками ужаса:

— Черная Борода! Черная Борода!

И в самом деле: бродил по улицам некто, как две капли воды похожий на Эдварда Тича — коренастого, волосатого черного пирата. Поползли суеверные слухи, что это призрак Эдварда Тича и что он с того света приходит по ночам мстить не только пиратам, но и всем историческим персонажам. Однако он не стрелял в людей из пистолетов, а мстил куда более страшным образом — он их съедал.

Ночной людоед пришелся по душе Гроссмейстеру и его приближенным. Призрак-людоед глумился над атмосферой ужаса и укреплял тем самым диктатуру страха. Видеть его Гроссмейстер не мог, да и, по правде сказать, опасался. Но он заочно объявил людоеда ангелом и назначил директором особого Охранного департамента. Это был своего рода ангел-хранитель...

Однако руководящая элита скрыла один важный факт: ночной людоед, кроме внешности, не имел ничего общего с пиратом Эдвардом Тичем. Это был мой Черный паук! Признаюсь, не ожидал я от своего выкорышца такой изворотливости. Еще на опушке леса паук принимал облик Эдварда Тича, проникал в ночной город, хватал человека, уносил его в чащу и там с урчанием пожирал.

Тайной для других осталось еще более важное обстоятельство: Черный паук выхватывал в первую очередь самых «вкусных» людей, то есть самых умных и одаренных. Он мгновенно распознавал не только «разумную протоплазму», но и степень ее интеллектуальности. С его помощью общество избавлялось от опасных «умников».

Вот и попробуй угодить: нечистая сила крайне нуждалась в умных и одаренных людях, и в то же время ее роднила с Черным пауком лютая ненависть к разуму.

Но мне-то что делать? Придумал я паука на свою же беду, выпустил чудовище на свободу из погребов воображения, из тайников своей души. А сейчас куда деваться?

Сейчас только всесильный дядя Абу мог обезопасить меня. Но кто он здесь, в образе какого демона возник? Как ни рылся в архивах, личность Непобедимого установить не удавалось.

Наконец повезло. Крепыш притащил целый ворох видео- и кинолент. На одной из них запечатлено шумное и эффектное вторжение дяди Абу. Сатана обрушил на пришельца каскады мощных шаровых и линейных молний. В ответ какие-то грозовые вихри и смерчи огня, хохочущие громы и взрывы — это по-мальчишески резвился могущественный дядя Абу. Как ни в чем не бывало он выскакивал из дыма и пламени, выростал до облачных высей, гулко и весело, как грохот майского грома, кричал:

— Я непобедим! Джинна может победить только джинн!

Так вот кем пожелал назваться здесь дядя Абу, любимый спутник моего детства, этот несколько хвастливый потомок и «самого Гаруналь-Рашида»! Конечно же, джинном — персонажем Корана и арабских сказок.

Сатана утих, когда понял, что могущественный изгнанник не рвется к власти. Непобедимый поселился в загородной вилле и вел тихую уединенную жизнь. Изредка появлялся в городе, чтобы повеселиться, привести в смятение нечистую силу, как он это проделал недавно в соборе Святого Павла. И уж совсем редко выпадали случаи, когда ему удавалось развернуться вовсю, размяться и прихвастнуть своей сказочной силой.

Однажды в горах, не так далеко от города, материализовалось чудовище — огромное, высотой с пятиэтажное здание и косматое. Какое именно, по стержимся видеозаписям разобрать не удалось. Но то был изгнанник нежелательный — наглый, не признававший никакой власти.

Пытались его усмирить. Однако пришелец обладал немалой силой: фалангу ошестившихся вилами чертей разогнал пинками, а тучу летающих драконов разметал, как стаю ворон.

И тогда на сцену картинно выступил дядя Абу. Предстал сначала обыкновенным человеком, потом притопнул ногой — и все пошло, как в сказке о волшебной лампе Аладдина. Земля задрожала, дядя Абу вырос в исполинского джинна. Голова его, похожая на купол, терялась в облаках. Оттуда падал голос — гулкий, как завывание ветра в пещере:

— Я — Дахнаш, сын Кашкаша... Я великий джинн!

Лента на этом обрывалась. С трудом отыскал продолжение видеозаписи и понял, что дядя Абу — не ветхозаветный джинн времен Гаруналь-Рашида. Ему просто полюбился этот образ. Его, конечно, можно считать и джинном. Но джинном новым, владевшим всеми научно-техническими достижениями человечества, всеми природными силами. В частности, гравитацией. Просматривая видеозапись, я видел на экране, как дядя Абу-джинн миллиардтонным гравитационным сапогом раздавил косматое чудовище, как насекомое.

«Вот и попробуй подружиться с таким дядей», — зябко поежился я. Но сойтись с ним надо. Только где его найти? По слухам и язвительным намекам средств массовой информации, у Непобедимого после неплохой выходки в соборе Святого Павла наступил очередной приступ «черной меланхолии». Сообщалось,

в частности, что великий изгнанник частенько сидит в «Кафе де пари» — единственном питейном заведении города — и предается там «гнусной человеческой слабости».

Какой именно, я узнал однажды вечером, когда в обществе конвоиров проходил мимо «Кафе де пари». За уютно освещенным столиком в одиночестве сидел дядя Абу и пил вино. Но вид у него был такой подавленный, что сердце у меня сжалось от боли и участия. Бедный дядя Абу! Не по своей воле очутился он в дурацком положении джинна. Не понятная мне всемогущая Сфера Разума смяла, скомкала его и забросила сюда.

Я шагнул к двери кафе и, похолодев, замер. Поколебавшись, еще раз шагнул.

— Ты что, с ума спятил? — испуганно зашептал Крепыш. — Там Непобедимый.

Знакомство я решил отложить. Может быть, завтра окажусь храбрее?

Но и на следующий день знакомство не состоялось, с утра нечистая сила отмечала один из своих праздников — «день очищения». В разных концах города запылали костры — сжигались выловленные за неделю мелкие бесы. Общество «очищалось» от порочающих тварей.

Как по заказу, утро выдалось праздничное — тихое и солнечное. Вдруг подул сильный ветер, по улицам закружились пыльные вихри, заколебалась земля. Так обычно нарождалась неукротимая сила, выступал из Памяти какой-то своевольный и злобный дух.

По городу оповестили, что на этот раз с нежелательным гостем расправится сам Сатана. Улицы опустели: изгнанники приникли к телевизорам, чтобы насладиться феерической картиной сражения.

Километрах в тридцати от города над лесистыми горами сновали тысячи крохотных и невидимых телепередатчиков. Именно здесь ожидался выход неведомой силы.

В узких межгорных долинах колыхнулась земля, затрещали деревья и разнесся громкий свист. Он-то и ввел в заблуждение изгнанников: кто-то пустил слух, что свистит в лесу Соловей-разбойник.

— Жаль, — сказал Усач. — С ним легко справится любой дракон.

На боковом экране я видел вместительный зал, битком набитый изгнанниками. Все они тоже раздосадованы тем, что страшной битвы не будет.

В горах снова прокатился гул. Свистел ветер и гнулись деревья. По тревожному крику птиц и другим признакам я догадывался, что Память готовится исторгнуть из своих недр не Соловей-разбойника, а изгнанника куда более сильного, яростного и злобного. Все указывало на древнеиндийскую мифологию, о которой здесь никто, кроме меня, понятия не имел. Может быть, Равана?

Да, это он. Над лесом заструился дым, и на опушку, с треском валя деревья, выступил Равана — десятиголовый и двадцатирукий великан. Какой-то смельчак дракон вылетел из-за горы и откусил одну из голов. Равана, не ожидавший такой дерзости, взревел от боли. У него мгновенно выросла новая голова, а в двадцати руках появились золотые мечи — все происходило, как в индийском эпосе «Рамаяна».

Из засады вылетел целый полк драконов. Зрелище устрашающее: сверкали на солнце чешуйчатые панцири, из пастей вырывалось пламя. Равана, завращая мечи, окутался сияющим золотым ореолом. Драконов он изрубил на куски.

Продолжение следует

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

Сергей ЛИФАНОВ

Планета Венера: 1991, август — сентябрь

Хроника одной экспедиции

...Все началось в первых числах июля, когда тридцатитрехлетний инженер-механик гобийской экспедиционной базы Алексей Быков был вызван в Москву — «для переговоров о дальнейшем прохождении службы». Каково же было его удивление, когда он узнал, что под «дальнейшим прохождением» подразумевается полет к «самой страшной планете Солнечной системы» Венере для исследования таинственной Урановой Голконды, богатейшего месторождения трансуранидов... Как человек, не привыкший отступать перед трудностями, Быков соглашается. В тот же день он знакомится с будущими спутниками — командиром экипажа Анатолием Ермаковым, пилотом Богданом Спициным, штурманом Михаилом Крутиковым, «замечательным геологом и опытным межпланетным путешественником» Владимиром Юрковским. Ну, а с Григорием Дауге — «старым другом Иоганьчем» — судьба свела Быкова еще два года назад, в Гоби, при весьма трагических обстоятельствах...

Уже на следующий день будущие покорители Голконды вылетели к месту подготовки, на Седьмой полигон.

Незаметно прошли полтора месяца в приполярной тундре — время

знакомства с новой для Быкова техникой, время нелегкого вживания в экипаж. Позади осталось «испытание огнем», когда он провел транспортер «Мальчик» по участку тундры с «множеством формаций искусственного происхождения» (а точнее — над местом, где два года назад взорвался при испытаниях «Хиус-1»). Позади две недели практики по сборке радиомаяков. Позади возвращение «Хиуса» из испытательного рейса. А впереди — день старта... Мило, по-семейному прошел прощальный вечер, на котором «плизон» Юрковский читал «Контрабандистов» Багрицкого, а Николай Захарович Краюхин, зачинатель и вдохновитель идеи фотонного привода, глава и организатор всего проекта, оттаяв, делился курьезными случаями из «раннего периода межпланетных сообщений»...

И вот 18 августа 1991 года, ровно в пять часов по московскому времени, «Хиус» стартовал с Седьмого полигона. Этим стартом началась «новая эра в истории межпланетных сообщений».

Первые сутки зры были достаточно благополучны. Жизнь на «Хиусе» быстро вошла в нормальное русло, настолько нормальное, что Быков даже удивился ее обыденности: вахты экипажа, споры геологов, завтраки-обеда-ужины. И никакой невесомости. Даже встреча с метеоритом через несколько часов после старта прошла незамеченной...

Зато вечером следующего дня экипаж «Хиуса» оказался на волосок от гибели. Мирная беседа в кают-компании неожиданно была прервана сигналом радиационной опасности: мощный поток заряженных частиц от вспышки на Солнце пробил броню «Хиуса». Космическая атака длилась всего две минуты, и это спасло людей: еще бы немного — и через пятьдесят часов «Хиус» с мертвым экипажем на полном ходу врезался бы в Солнце...

Двадцатое августа: Ермаков вел наблюдение за работой фотонной техники и разрабатывал совместно со штурманом какую-то проблему новой космогации; геологи в сотый раз пересматривали программу исследований работ на Голконде; Быков читал книги по астрономии; Богдан Спицин все свободное время возился с радиоаппаратурой.

Двадцать первое августа: пришло время начинать торможение. «Хиус» развернулся зеркалом к Солнцу. А через несколько часов Юрковский вышел в космос, чтобы осмотреть крепление «Мальчика», путешествующего верхом на куполе планетолета, и Быков — наконец-то! — вкусил всех прелестей невесомости. Пятнадцать минут этого удовольствия ему хватило надолго.

В ночь на 22 августа неожиданно прервалась связь. В эфире было пусто, будто «Хиус» попал в радионепроницаемую яму. К обеду межпланетники услышали позывные Седьмого полигона, но на ответные вызовы реакции не последовало: проходимость сигнала была односторонней. К вечеру они стали свидетелями трагической гибели английского планетолета «Стар» в поясе астероидов. На «Хиусе» была объявлена готовность номер один, но куда лететь — было неясно: пеленги не брались.

Связь наладилась через сутки так же неожиданно, как прервалась. Загадка «закслдованного места» не была раскрыта. Впрочем, было уже не до этого. Приближалось рандеву с орбитальной станцией «Циолковский», куда «Хиус» должен был завести почту и припасы. Вечером 23 августа вышли в район станции в трех тысячах километров над Венерой. Гости не заставили себя ждать: на боте прибыли сам Петр Махов и его заместитель Штирнер. На сей раз Быков подготовился к невесомости, и все прошло нормально, Ермаков даже разрешил ему выйти в пространство и поглядеть на Венеру... Отобедав в невесомости с гостями, экипаж начал готовиться к посадке.

Около полудня 24 августа «Хиус» опустился примерно в ста километрах от границы Голконды.

Посадка была трудной. Три с половиной часа «Хиус» кидало в атмосфере, прежде чем Спицину удалось найти подходящее место. После пятнадцатого отдыха совершили первую вылазку. Неожиданностью явилось, что «Хиус» стоял на болоте, внутри кратера огромного грязевого вулкана. К тому же болото оказалось обитаемым, а дно его не прощупывалось радаром. Тем не менее решено было оставить планетолет на месте посадки и идти к Голконде на «Мальчике». Загрузка транспортера длилась допоздна, но отдыхать не пришлось: на борт «Хиуса» проникли споры местных организмов, три часа отняла дезинфекция помещений.

Выехали днем 26-го, оставив дежурить Крутикова. После пяти часов езды по болоту добрались до стенки кратера, долго искали проход в сплошных скалах, еще дольше шли по нему. В пустыню выбрались только к полудню 27 августа. «Черное и красное» — так охарактеризовал открывшийся пейзаж Богдан Спицин.

Дорога в пустыне была погроще, и Быков, бессменно ведущий «Мальчика» почти сутки, передал управление командиру. Но заснуть не удалось. Богдан, пытавшийся связаться с «Хиусом», поймал посторонние пеленги. Одна из автоматических ракет? Или — люди? Ведь «за послед-

ние десять лет в район Голконды были направлены шесть экспедиций... Ермаков приказывает идти на пеленг. Межпланетники находят разбитую ракету Бидхана Бондепадхая, отважного калькуттца, некогда основывшего обсерваторию на Луне, рискнувшего пойти на Венеру в одиночку и — погибшего...

И вновь «Мальчик» идет на север, к Голконде. Лишь к вечеру 27 августа Быкову удается уснуть. А когда он проснулся, «Мальчик» стоял. Очередной сюрприз: частокол из неприступных скал-столбов преградил им дорогу. Начались поиски прохода. Быков дежурил у «Мальчика», когда случилась беда. Юрковский, ушедший на поиски в паре с Богданом, вернулся один: у Спицина обнаружилась течь в баллоне, и он почти сразу повернул к «Мальчику». Но Быков его не видел... Подошли Дауге с Ермаковым, начались поиски пропавшего. За двое с половиной суток они обшарили все окрестности, прекратив поиски, лишь когда стало ясно, что надежды уже нет: Богдан погиб...

Первого сентября вышли к Голконде. Приходилось спешить: воды на десять суток, а надо еще найти место для закладки ракетодрома. Положение экспедиции было тяжелым: Ермаков, повернувший ногу в скалах, не покидал «Мальчика», заболел горячкой Дауге...

Подходящую площадку нашли 10 сентября. Взорвали мешавшую группу скал в центре будущего космодрома, начали установку маяков. Работа поддерживала силы людей, спало напряжение, царившее после гибели Спицина.

Но 15 сентября резко, на полуслове, оборвалась связь с «Хиусом». А 16-го, в 20:12 по времени планетола, на юге, в районе посадки, были замечены вспышки, могущие означать лишь одно: условный сигнал перемены места стоянки корабля. Встревоженный Ермаков отдает приказ о возвращении. И вечером 16-го «Мальчик», несмотря на протесты геологов, мечтавших о детальной разведке, отправляется в обратный путь. Который ему не суждено было пройти до конца...

...Странное образование появилось перед «Мальчиком»: «На черной почве ярко-красным светом мерцали извилистые полосы... Казалось, откуда-то выливается, покрывая пустыню, раскаленная лава». Но это была не лава, а Красное кольцо. Колония микроорганизмов, питающаяся энергией атомного взрыва, собралась вокруг транспортера, оказавшегося, по несчастью, в его будущем эпицентре. Этого планетолога не знали... Взрыв сжег «Мальчика», намертво вплавил его в почву. Погиб Ермаков... Геологи и Бы-

ков, вышедшие, чтобы исследовать странную «лаву», остались живы, но положение их было практически безнадежным. Сто километров пешком по пустыне, с не приходящим в сознание Дауге, у которого обгорели ноги, без пищи и с малым запасом кислорода... Но они решили бороться до конца.

Первые сутки пути. Юрковский впервые упал и не мог идти.

На вторые сутки Быков чуть не провалился в воронку с зыбучим песком. Юрковский его еле вытащил, и они «еще долго, около часа, отдыхали на этом месте и пили сок»...

На третьи сутки уже не было сил нести бесчувственного Дауге, и они сделали петли, повесили носилки на шею. Пока спали, Дауге и Юрковского замело, Быкову пришлось их откапывать...

Четвертые сутки. Позади две трети пути. Сто тысяч шагов из ста пятидесяти. Юрковский, устав бороться, оставил свои термосы и баллон с кислородом и уполз умирать в пустыню. Быков еле отыскал его...

И лишь на шестые сутки они вышли к ущелью, откуда почти месяц назад отправлялись к Голконде. 24 сентября ползком, по следу «Мальчика», добрались до болота. «Но... «Хиуса» здесь не было...»

...В тот самый день, когда произошел встревоживший Ермакова обрыв связи, «Хиус», казалось бы, прочно стоявший на илистой почве болота, вдруг дрогнул и начал крениться на бок, проваливаясь в бездонную грязевую яму. Крутиков ничего не оставалось, как поднять «Хиус» и перевести его в другое место... Цельный и невредимый, планетолет стоял в нескольких десятках километров от места первой стоянки. Но как узнает об этом экипаж «Мальчика»? Связь с 15 сентября так и не возобновилась. Даже подав сигнал ракетами, Крутиков не мог успокоиться. И на девятые сутки после вынужденного старта штурман решает идти к болоту...

«Войдя в обгоревшую рощу, он почти сразу наткнулся на трех человек...»

На следующий день они стартовали к «Циолковскому» и в начале октября были уже дома, на Земле...

Так закончилась эпопея «Хиуса».

Тридцать два года назад скромным томиком в детгизовской «рамочке» появилось на свет первое произведение А. и Б. Стругацких — повесть «Страна багровых туч», книга грустная и не совсем обычной судьбы. Выйдя двумя тиражами сразу, в третий — и последний на сегодня — раз она была издана 22 года назад. И дело тут не в редакторско-издательских рогах, преобладающих которые совсем еще недавно приходилось многим книгам Стругац-

ких. Дело — в критическом отношении самих авторов к своему первенцу.

«Страна багровых туч» — вещь, с нашей точки зрения, очень бесспорно мощная», — сказал в беседе с корреспондентом «Литературного обозрения» (1988, № 3) Аркадий Стругацкий, а Борис добавил: «Для своего времени — это было явление, наверное, даже прогрессивное. Но сейчас она мне кажется безнадежно устаревшей... Это была попытка написать новую фантастику старыми средствами».

Вероятно, писатели правы. Будь «Страна» отдельным произведением, она, возможно, и впрямь была бы забыта даже теми, кто, как автор этих строк, именно с нее открыл для себя Стругацких. Но эта повесть — не просто первая их книга: она — первая из повестей, образующих «Быковско-Жилинскую» тетралогию («Страна багровых туч» — «Путь на Амальтею» — «Стажеры» — «Хищные вещи века»), которая смыкается с циклом из девяти крупных произведений (от начальной повести «Полдень, XXII век» до романа «Волны гасят ветер») и десятка рассказов, посвященных еще более отдаленному будущему. А вместе они образуют единый мир. Мир, который Стругацкие писали все эти годы, изменяя и обогащая свою первую наивную концепцию времен хрущевской оттепели. Мир, который социально и духовно вырос вместе с ними — и помогал взрослеть нам, входящим в него. Мир, в котором есть не только действительно, быть может, устаревшая «Страна», но и написанные несколько лет спустя «Хищные вещи века», «Попытка к бегству», более поздние «Трудно быть богом» и «Жук в муравейнике».

И отсчет времени в этом мире уже начался...

Когда Стругацкие писали «Страну», они, конечно, не имели намерения точно датировать описанные в ней события, лишь намекая на некий абстрактный «19... год». Однако повесть повлекла за собою ди-, три-, наконец тетралогии, и в текстах начали появляться ссылки на предыдущие события и даже кое-какие «второстепенные» даты. И невольно авторы «подставились», дав возможность дотошному читателю по разрозненным хронологическим намекам вычислить не только временные периоды, разделяющие события повестей (для чего, собственно, эти намеки и предназначались), но и датировать сами события с высокой степенью вероятности (чего авторами явно не предусматривалось).

Исходной точкой для расчетов датировки «Страны» служит упоминание в более поздних повестях экспедиций к Урану, в которых участ-

воваля ее герои. В «Пути на Амальтею» Жилин вспоминает, что «в позапрошлом году он (Дауге) исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана». В «Стажерах», в споре с Крутиковым, Юрковский говорит: «В девяносто девятом году экспедиционная группа Дауге и Юрковского впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урана». Если предположить (а для этого есть более веские основания, чем элементарная логика), что речь идет об одном и том же, то «позапрошлый год» можно приравнять к 1999 году нашей эры. Тогда, учитывая, что события первой повести отделены десятью годами от событий «Пути на Амальтею» (на что в текстах имеются по крайней мере три прямых указания), нетрудно подытожить: 1991 год — вполне корректная замена «19...-го», указанного в «Стране».

Полученный результат, так удачно накладываясь на наше время, побуждал продолжить сопоставление внутри текста повести, спроецировать события на реальную систему координат. Но, разумеется, упаси нас, боже, приписывать Стругацким то, что они не делали (по крайней мере, в данном конкретном случае), — футурологические прогнозы: перед нами — события, именно не запланированные авторами на реальный 1991 год.

работы? Вот лишь некоторые из них.

Опубликован 1-й выпуск фундаментальной Библиографии А. и Б. Стругацких, готовятся следующие выпуски.

К 65-летию А. Н. Стругацкого во многих изданиях (например, в «Книжном обозрении») появились юбилейные публикации, подготовлен спецвыпуск журнала «Измерение Ф».

При содействии «люденев» впервые увидели свет некоторые произведения Стругацких (в их числе — пьеса «Без оружия», главы из повести «Беспокойство»).

Готовятся к печати указатели имен собственных, фауны, неологизмов, текстологических разночтений в книгах Стругацких — своего рода энциклопедия по их творчеству.

Частично опубликована и продолжает разрабатываться целостная и логически непротиворечивая хронография мира Будущего по Стругацким.

Помещенные выше заметки С. Лифанова представляют собой фрагмент этой хронографии, посвященный «альтернативной хронике» нынешнего, 1991 года и подготовленный нашей группой специально для «Уральского следопыта».

Свердловск: «Аэлита»-91

Виталий БУГРОВ

Из года в год достаточно подробно рассказывая на страницах журнала о фестивалях фантастики, в которые давно уж выливается вручение премии «Аэлита», мы решили на этот раз ограничиться лаконичными заметками сугубо информационного плана.

Трудности, переживаемые страной в целом, в немалой степени осложнили и проведение «Аэлиты»-91 — нашей юбилейной, десятой по счету «Аэлиты». Ведь до злополучного 2 апреля невозможно было даже приблизительно определить удорожание проезда, проживания и питания рядовых граждан шестой части земного шара; оставалось поэтому лишь гадать о нынешнем количестве иногородних участников «Аэлиты»; и, ясное дело, готовить ее в этих условиях (арендовать залы в ДК, бронировать гостиницы, приглашать в Свердловск писателей-фантастов) было и впрямь непросто. Признаемся: лишь к началу мая мы окончательно поверили, что «Аэлита»-91 — состоится.

Что ж, она и состоялась: 24 —

26 мая. Народу, естественно, было поменьше, чем в прошлом году, однако не так уж и мало — 345 гостей из 100 городов и поселков (представителей 110 КЛФ) плюс 150—200 свердловчан; пришельцев из-за рубежа, что опять-таки естественно, в этот раз не было.

Центральное мероприятие праздника — вручение призов — проходило, как и в прошлые годы, в просторном (на сей раз — чуть чрезмерно просторном) зале ДК «Урал».

Лауреатом десятой «Аэлиты» стал Владимир Дмитриевич Михайлов. Его имя хорошо известно любителям НФ: писатель принадлежит к той группе отечественных фантастов, что — вслед за И. А. Ефремовым — утверждала в конце 50-х — начале 60-х новую советскую фантастику. Первая его повесть, «Особая необходимость», появилась едва ли не тридцать лет назад — на страницах всего лишь с год как возникшего «Искателя». За нею последовали другие и, вперемешку с ними, немалое количество рассказов; за этими другими — проблемный, в высокой степени психологический роман «Дверь с той стороны» (1974), повествовавший о злоключениях крохотной группы землян, чье жизненное пространство — неожиданно и навсегда — оказалось ограничено пределами космического корабля; а за ним, к большой радости читателей, и еще два романа — «Сторож брату моему» (1976) и «Тогда придите, и рассудим» (1983), серьезная философская проза на излюбную, казалось бы, тему «вмешательства-невмешательства» в дела инопланетян, составившая дилогию, которая вышла в прошлом году отдельным толстым томом под общим названием «Капитан Ульдемир». Эта-то дилогия и была признана нашим жюри лучшей книгой советской фантастики 1990 года.

Приз имени И. А. Ефремова вручен Игорю Георгиевичу Халымбадзе. Организованным фэнам страны незачем объяснять, кто он — этот человек среднего, по нынешним меркам, возраста с ослепительно белой шевелюрой и, по контрасту, жгуче-черными (тоже, впрочем, уже посветлевшими) разлетистыми бровями. Ну, а для любителей-одиночек, не связанных с клубами, поясним, что Игорь Георгиевич, геолог с солидным стажем, в свободное от работы время — отнюдь не только активный и уважаемый старейшина фэн-движения, координатор наших «Аэлит», надежное связующее звено между «Уральским следопытом» и доброй полутьсячью КЛФ. Главная для всех нас его ипостась — уникальный Хранитель Знаний, Главный Библиограф фантастики в нашей стране, Справочное Бюро, целенаправленно реги-

КТО ТАКИЕ «ЛЮДЕНЫ»?

Вадим КАЗАКОВ

Движение любителей фантастики эволюционирует — традиционных КЛФ, как бы хороши они ни были, фэнам уже недостаточно. Возникают межрегиональные объединения и группы, которые занимаются не «фантастикой вообще», а лишь какой-то частью ее, но зато глубоко и основательно.

Такова и группа «Людены», посвятившая себя творчеству А. и Б. Стругацких. «Люденев» немного — около двадцати человек, здесь действует принцип «не числом, а умением». География группы — от Балтики до Черного моря, от Западной Украины до Сибири. Но это не помеха — ведь и братья Стругацкие живут в разных городах! Постоянно общаясь заочно, «людены» два-три раза в год собираются на свои встречи — «Люденконы». Каковы результаты

стрирующее самую разнообразную, практически любую информацию, относящуюся к НФ. Энтузиаст, многие годы активно пропагандирующий наше национальное достояние — по сию пору не оцененную в должной мере старую русскую фантастику...

Обладателем «Старта», третьего официального приза нашего фестиваля, стал Вячеслав Михайлович Рыбаков. Ленинградец; совсем еще молодой человек (1954 года рождения), свой путь в фантастике начавший, тем не менее, еще в первой половине 70-х и уже в 1976-м — полноправный, наряду с ленинградцами же О. Н. Ларионовой и А. Д. Балабухой, участник всесоюзного семинара молодых писателей-фантастов. За прошедшие годы стал кандидатом исторических наук, членом Ученого совета ЛГУ, лауреатом Гос. премии РСФСР (за сценарий нашумевших «Писем мертвого человека»), а теперь — спустя «всего лишь» 12 лет после первой публикации — выпустил наконец и первую собственную книгу: роман «Учаг на башне». По итогам голосования клубов этот роман признан лучшей среди прошлогодних первых книг молодых отечественных фантастов. А год, между прочим, был щедр на книжные дебюты: в списке для голосования значились и популярные среди фэнов Л. и Е. Лукины, А. Лазарчук, С. Логинов...

По традиции здесь же, в ДК «Урал», омский КЛФ «Алькор» огласил итоги анкетирования, осуществляемого им при помощи областной юношеской библиотеки — читательский приз «Великое Кольцо»-89 присужден А. и Б. Стругацким (роман «Град обреченный») и А. Столярову (рассказ «Телефон для глухих»). Свои призы вручили также представители тбилисского КЛФ «Древо желаний», фэны из Орска... А в президиуме на сцене, ожидая записок с вопросами, сидели, помимо новых лауреатов, свердловчане В. Крапивин и А. Чуманов, Г. Прашкевич из Новосибирска, минчане Е. Дрозд, Б. Зеленский, Н. Чадович, ленинградец С. Логинов, темпераментный одессит Л. Вершинин. И готовы были завершить торжественную часть вечера демонстрацией фантастических композиций вновь приехавшие в Свердловск А. Злотник и его высокотехнические друзья-гимнасты из кишиневского КЛФ «Звездный факел»...

В помещениях ДК автомобилистов, приученные к жестким срокам «Аэлита», работали секции — библиографическая, фэн-пресса, фантастиковедение, обмен опытом, детская секция, энтузиасты «Хоббитских игрищ», лучше других налажившие свою работу в фэндоме «Люденны». Наконец, издатели и распространители фантастики.

Да, в новых условиях у фантастики

уже появились и свои собственные издатели, и свои собственные распространители. На «Аэлиты»-91 нам довелось увидеть уже не только разовые выпуски газет, плакаты, непривычные еще в прошлом году книжки-минутки, но и привезенные ленинградцами солидные тома М. Муркока и Ф. Фармера, романы Г. Каттнера «Темный мир» (издательство «Орнак», Баку), Л. Нивена «Вариант Дэйсона» (выпущен волгоградцами), А. Нортон «Колдовской мир» и «Паутина Колдовского мира» (Ленинград). Наиболее предприимчивые из фэнов выпускают уже и целые серии — четыре выпуска «Мастерство фантастики» издало ТПП «Хай-тех» (Одесса), три выпуска «Библиотеки зарубежной фантастики» — московское ЛИА «Гриффон». Всего, впрочем, не перечислить — да и далеко не все удалось нам посмотреть. Поэтому отметим только, что, вводя в оборот неведомую нам прежде западную классику, новые издатели не забывают и об отечественной фантастике. Приятно было взять в руки вполне респектабельный сборник «Миссионеры» (ЛЦ «Ренессанс», Алма-Ата), первые книжки серии «Дальневосточное Кольцо» (издательство «Амур», Хабаровск). Появились — наконец-то! — и первые выпуски толстого альманаха «Завтра» (РПК «Текст», Москва; объем — 29 учетно-издательских листов!), журнала «Фантакрим МЕГА» (ЛИА «Эридан», Минск), — до чего любовно, с душой подготовлены эти долгожданные реальные первенцы нашей НФ журналистики!

Что ж, уже и сейчас новым издателем есть чем гордиться... Ну, а авторы? Начинаящие молодые авторы, приехавшие на традиционный «аэлитский» семинар? Руководил им, по традиции же, Сергей Иванович Казанцев, наш ответственный секретарь, которому помогал Игорь Курзовлев, староста. Работали на этот раз лишь один день, работали — крайне плотно: обсудили за этот день 57 рукописей (повести, рассказы, юморески) 19 авторов. Для публикации в «Уральском следопыте» предложены рассказы Андрея Хуснутдинова (Алма-Ата) и Владимира Васильева (Ташкент), в другие издания — произведения Сергея Потапова (Саратов), Александра Громова (Москва), Олега Пичугова (Полтава). Алмаатинец Сергей Сас (перед которым мы, гм..., в некотором долгу: см. отчет о прошлогодней «Аэлите») рекомендован на Малеевский семинар...

Насыщенный разнообразными событиями второй — субботний — день «Аэлиты»-91 завершился, как водится, карнавалом, на котором, по свидетельствам очевидцев, зародилась новая традиция — посвящение в ве-

тераны «Аэлиты» с вручением соответствующего удостоверения и «Золотой Звезды Ветерана», посвященные новичков — с чтением текста присяги.

А третий — воскресный — день «Аэлиты»-91 был, как и всегда, последним днем праздника. На закрытии фестиваля были подведены некоторые его итоги; челябинской КЛФ «Нимфа», в частности, доложил собравшимся о результатах конкурса значков на НФ тематику. Значков представлено было на этот раз немало, всего 35, поэтому места не присуждались, были лишь вручены шести клубам поощрительные призы.

...Сообщим в заключение: следующий, 1992 год объявлен среди КЛФ годом Д. Р. Р. Толкиена — к столетию со дня его рождения.

Чутьочку повременим ставить точку. Закономерен вопрос: с чем, собственно, приходим мы, советские любители НФ, к этому юбилею?

До недавнего времени лишь исчезающе малая часть из нас могла похвастать знанием всей трилогии «Властелин Колец»: по отнюдь не общедоступным машинописным копиям любительских переводов. В распорядке же рядовых читателей до самого недавнего времени были: «Хоббит» и «Хранители» в издании «Детской литературы» плюс в издании «Радуги» более полный вариант «Хранителей» и вторая летопись эпопеи — «Две твердыни». О третьей летописи рядовым читателям приходилось только мечтать.

Но вот, незадолго до «Аэлиты»-91, хабаровчане презентовали автору этих строк новинку своего издательства «Амур» — оригинальный перевод «Хоббита»; юное это издательство обещает выдать следом и трилогию... Под занавес «Аэлиты»-91 нам довелось увидеть и уже выпущенное где-то, пусть и сокращенное (похоже, весьма сурово!) издание всей трилогии в одном большом томе — в переводе З. Бобыр. А в июле пришли слухи, что и в Ленинграде вышло нечто подобное — однотомник на тысячу страниц. К слову, в том же Ленинграде еще в начале года шла подписка на трехтомник Толкиена...

Неужто же лед и впрямь — тронулся? И мы, как все цивилизованные жители планеты, получаем наконец возможность массово читать и перечитывать эту истинно Великую Книгу?

К юбилею писателя это было бы замечательным подарком! Прежде всего — нам и нашим детям.

На снимках: лауреат приза «Аэлита» 1991 года писатель Владимир Михайлов;
лауреат приза имени И. А. Ефремова свердловский геолог Игорь Халымбаджа;
лауреат приза «Старт» ленинградский писатель Вячеслав Рыбаков;
хорошая погода способствовала общению.

Фото Владимира Коблова

Начало на стр. 15

— С вами говорит дежурный по облздравотделу Цыбиков. Примите распоряжение. «Срочно провести мероприятия по форме пять. Об исполнении доложить в седьмой отдел. Мирзоян». Записали?

— Записал.

— Повторите.

Петров повторил.

— Ну, выполняйте!

— Значит ли это...

— Вопросов не надо. Выполняйте.

Через гудки женский голос спросил:

— Кончили?

— Кончили.— Петров положил трубку на место, прошел по людному коридору к заветной комнате.

— Так. Прошу выдачу карточек временно прекратить. Я сейчас принесу медикаменты, прочитаю коротенькую лекцию-инструктаж, и вместе с карточками будете получать таблетки.

— Это зачем еще? — встал со скрипучего стула старик.— Что это вдруг приспичило?

— Ладно, Макарыч, надо так надо.— «Агафья Тихоновна» закрыла гробсбук.— Подождите все на улице, а то от шума себя не слышу.

Старик хлопнул дверью.

— Опять? — женщина посмотрела на Петрова.

— Подробностей не знаю.

Она бросила толстую книгу на пол:

— Сволочи! Сволочи все! Сколько же можно?! — И, отвернувшись к окну, забарабанила по стеклу на маникюрными пальцами.

Петров немного помолчал.

— Пятая форма — это без йода. Значит, свежего выброса нет. Просто повышенные дозы блокаторов стронция и цезия. Возможно, что со смерчем была песчаная буря — вот и подскочил уровень. Не исключено, что у нас и вообще все нормально, а препараты — так, для профилактики.

— Может быть.— Она заплакала.— Уехать надо, а куда? Дом, хозяйство. В городе не устроишься, а в селе...

— Я буду минут через двадцать.

Он прошел мимо толпы, выросшей за это время, разбившейся на кучки и настороженно смотревшей на него. Этак скоро в нем будут видеть источник всех бед. Холерные бунты на пороге двадцать первого века.

10.

Выстрелы — сухие, шипящие — доносились со стороны заповедника, то редкие, то сливающиеся в короткие очереди, они тревожили предутренний сумрак и вязли в затянутах облаками небе.

Петров сошел с крыльца, прошелся по траве — сухо, росы нет. Охоту, что ли, для лидеров устроили?

Он вернулся на веранду, налил из термоса заваренный с вечера чай.

Скоро рассвет.

Стрельба смолкла. Звуки моторов тяжелых грузовиков — оттуда же, от заповедника. Через пять минут исчезли и они. Теперь только Раптевка подавала свой голос криками петухов да лаем собак.

Он включил приемник. В новостях — ни слова об авариях, ядерных испытаниях. Вчерашняя догадка, видно, правильная — просто поднялась старая пыль.

Рано. Можно еще поспать. Но не хочется.

Он сидел на веранде, за столом, положив голову на руки, то засыпая на несколько секунд, то просыпаясь.

Нет, либо лечь по-настоящему спать, либо пойти развеяться.

Когда он подошел к лесу, было уже светло. Что за тяга к этому месту? Инстинкт горожанина-грибника?

Он решил просто пройти по пустому шоссе. Слева — железная дорога, дальше, за полем — Раптевка, справа — заповедник. Где-то здесь и стреляли. Наверное, разогнали всех кабанов. И хорошо бы.

Полчаса были слышны только его шаги. А, ладно... Петров свернул в лес, пробрался сквозь тесные ветви кустарника. Было сухо, свободно — но тихо. Слишком тихо.

Островки орешника темнели среди берез.

В траве блеснуло. Он нагнулся — длинная, непривычная гильза. Запах едкий, свежий.

— Гражданин!

Два человека — высокие, крепкие, в маскомбах, на поясах — тесаки, в руках — карабины, полузабытые, десятизарядные, стволы у них казались еще длиннее, чем в детстве, в школе, на уроках НВП. Или так после «Калашникова» кажется?

— Да?

— В лесу находиться нельзя.— Говорил тот, что пониже. Глаза его, быстро обежав Петрова, стали искать что-то за его спиной.— Обнаружили неразорвавшиеся бомбы — еще с войны. Пока не обезвредят — лес закрыт.

— Так вы саперы?

— Оцепление. Вам, гражданин, туда, — он указал стволом в сторону шоссе.

— Жаль. Но делать нечего. До свидания. Кстати, хорошие у вас карабины. Из них не то что живого — мертвого уложить можно.

Он выбрался на шоссе.

Сколько таких солдат в лесу?

Пустынная, молчаливая дорога. Умирающая дорога.

Он свернул на грунтовку, прошел через переезд. Рельсы, к которым все ближе подступает трава. Когда-нибудь она поборет всю химию, которой пропитан путь. А пока — тронутые ржавчиной рельсы, еще ждущие работу, готовые принять тяжелые составы и провести их вдоль себя. Может быть, так и будет.

Он остановился у груши-дичка, растущей у дороги, выбрал грушку пожелтее, сорвал. Кислый, вяжущий сок заполнил рот. Совсем забыл. Нельзя.

УАЗик, переваливаясь через ухабы проселка, поравнявшись с Петровым, притормозил.

— В Раптевку ехать по этой дороге?

— Да. Прямо и направо.

— Далеко это?

— Километра полтора.

— Садитесь, подвезем.

Ну-ну. Интересные пошли саперы. Любезные.

Он заглянул в салон.

— Сюда, вперед садитесь.

На заднем сиденье рядом с офицером сидела огромная немецкая овчарка.

— Нет, я лучше пешком, тут недалеко.

— Да садитесь, пожалуйста, дорогу покажите. А собаки не пугайтесь, она не сторожевая, людей любит.

Настойчивый майор.

Он сел. Сержант осторожно тронул машину.

— Вы здешний? — Майор запустил пальцы в мех овчарки. Та спокойно, не шевелясь, смотрела на до-

Чайник на плите начал шуметь. Устроить маленький праздник?

Он достал неприкосновенный запас — жестянку «СТС».

Даже немножечко, чайная ложечка... Да, медку бы...

Запах показался особенно приятным.

Растягивая удовольствие, он, отпив треть чашки, встал, раскрыл дверь в столовую.

Темновато.

рогу поверх водителя.

— Нет. Я врач, командирован на месяц.

— А мы — саперы. Очищаем лес от старой смерти, красиво говоря. Дело некрасивое, впрочем.

— Вам виднее.

Машина выехала на асфальт.

— Остановите здесь.

— Ну, всего доброго. А мы в сельсовет, предупредить, что вход в лес запрещен.

— И надолго?

— Выясняем объем работы.

Хлопнула дверца, машина покатила дальше, а Петров все стоял перед воротами в лагерь.

Тоска. Усталость от одиночества? Наверное.

Крашеное железо под рукой неохотно подалось, ржавый скрип приветствовал его. Или — предупреждал?

Вроде бы и работой теперь не перегружен, пять-шесть человек за день приходят, и то — больше поговорить. А усталость вдруг навалилась и не отпускает.

Миллирентгены сказываются?

Делать ничего не хотелось.

Он включил свет.

Ряды пустых столов, окруженных стульями, серый свет дня и желтый, керосиновый — электрический. Полное отсутствие мух. Вот санэпидстанция обрадуется.

— To hell with you. Comins here was not my idea, — начал было он и замолчал.

Ничего смешно. Не весело.

Он допил чай, внезапно потерявший вкус, выключил свет.

Еще только утро, начало дня — а нет сил, нет радости.

Тоска.

Дорожка вела в глубь парка. Он сошел с нее, подошел к качелям, толкнул ногой деревянную доску, еще и еще — наращивая амплитуду. Пусть противно скрипит, но все же как-то разгоняет тишину.

Тишина — наверное, это и угнетает.

Он шел вдоль ряда деревянных домиков с острой, как с рекламного швейцарского календаря, крышей.

Посмотреть, что там внутри?

Он шагнул было к двери, но новый приступ тоски разлился в груди.

Шалят нервы. Эндокринная недостаточность.

Развернувшись, Петров побежал в душ. Гнать, гнать из себя хандру.

Холодная вода, мятный вкус пасты во рту, запах дезодоранта, свежее белье — атака на депрессию всеми органами чувств.

Дойти все-таки до речки, половить рыбку в чистой, проточной воде?

А пыль, вчерашняя пыль? Или половить просто так, для кошки? А где она? Третий день не видно, не приходит.

Он вернулся в столовую, открыл баночку скумбрии.

Кис-кис-кис-кис...

Кусочек лежал теперь на мисбчке у входа, остальное — в холодильный шкаф.

Неполная баночка — и пустые полки — только иней.

Пустяки.

Он отыскал удочку, накопал червей — что-то делать, куда-то уйти — лишь бы не оставаться одному в этой могильной тишине.

II.

В конце концов, ее можно будет и выкинуть — если уровень окажется высоким. А так — уж больно хороша рыба. Соль есть, время есть.

Петров, сверяясь с книжечкой, расставил позицию. Семь фигур белых против черного короля. Мат в четыре хода.

Он минут пять смотрел на доску, затем зажег свет. Вот и ночь скоро. День прошел — красота. Почти красота. Если бы что-то не копошилось, что-то скользкое, холодное. Только — где? Внутри или снаружи?

Первые три хода королем. Видимость справедливости — один на один.

Он расставил следующую задачу.

Стекла двери задребезжали. Петров поднял голову, посмотрел. На пороге стоял майор — тот самый, подвоживший его утром.

— Добрый вечер!

— Заходите, пожалуйста. Как вы тихо подошли.

Майор сел на стул, прислонил к стене карабин.

— Интересно, это только у саперов сохранились карабины? И офицерам приходится их носить?

— Да ладно, Виктор Платонович! Все мы люди, ну, допустим, грешным делом поохотиться мне захотелось. Не с пистолетом же.

Петров перевел взгляд на доску. Верно, задачу решал ход слонем. Офицером. Странные совпадения бьются.

— Прошу прощения, забыл представиться. Паринов Владимир Сергеевич.

— Очень приятно. Как меня зовут, Вы, я понял, знаете.

— Конечно. В сельсовете сказали.

Какие славные саперы. Вежливые. Любопытные. Вооруженные.

— У Вас — медицинские проблемы?

— Да нет. Так зашел, посмотреть. Вдруг наша работа затянется, по очистке леса, так мы здесь расквартируемся. Вы ведь не против?

— Я? Нет, места много. Да и какое значение имеет, против я или нет?

— Мы ведь не раньше осени сюда будем перебираться — если вообще будем. А Вы ведь только на август, не позднее?

— Да.

Майор вздохнул — громко, глубоко.

— В шахматы играете? Не скучно одному?

— Желаете партию?

— Нет, куда уж мне. Вы ведь кандидат в мастера?

— Это тоже Вам в сельсовете сообщили?

Майор рассмеялся.

— Не надо сердиться. Хотя Вас, конечно, понять можно — приходит вечером незнакомый человек...

— Вооруженный.

— Пусть так — вооруженный, задает вопросы, надоедает. Но Вам ведь скучно, верно? Вот я и решил развлечь коллегу.

— Вы тоже шахматист?

— Нет, я некоторым образом врач. Попадались мне Ваши работы — по активации митохондриальных ДНК в условиях повышения гамма-фона. Кстати, что-то около года ничего нового Вы не публикуете.

— Я не занимаюсь сейчас научной работой.

— Это Вы зря. Ну, умер Ваш руководитель — так, честно говоря, Вам без него легче должно быть. А что отчислили из аспирантуры — то Вы ведь не особенно старались в ней остаться.

— Все-то Вы знаете. В процессе исследований я ушел в сторону от запланированной темы, а утверждать новую без научного руководителя в нашем институте...

— Институт еще тот, верно. Но ведь на нем свет клином не сошелся.

Из глубины парка донеслось злобное рычание собаки. Рука майора легла на карабин.

— Охотитесь, значит? Может, прямо здесь, в парке?

— Может быть. — Майор проглотил слюну, гофос внезапно сел.

— Карабин у Вас интересный. Километра полтора скорость пули?

— Тысяча пятьсот восемьдесят метров.

На этот раз он шаги услышал. Еще один охотничек — в маскомбе без знаков различия, тот же длинноствольный карабин.

— Нашли, товарищ майор.

— Хорошо. — Майор посмотрел на шахматную доску. — Это что, задача?

— Задача.

— Идемте, Виктор Платонович, мы Вам кое-что покажем — чем занимаемся, какие задачи решаем.

За эти секунды лицо майора постарело на десять лет, вместо улыбочатого бодрячка перед Петровым сидел напряженный, встревоженный человек.

— Куда — идемте?

— Совсем рядом.

Рядом — это означало к летним домикам, красивым и безжизненным.

Да уж...

Человек десять стояли около такого домика. Двое — с собаками, тихо рычащими, но не рвавшими с поводка, а, наоборот, держащимися поближе к людям.

— Все готово? — Майор смотрел на проем окна. Лучи ртутных ламп упирались в дом.

К стене подошел человек, махнул рукой, отбежал, что-то отделилось от его руки, влетело в окно, разорванное мерцанием ламп на десять кадров.

Петров ждал взрыва, огня, дыма, но — ничего. Все молча, неподвижно смотрели на дом.

Петров подошел к ближайшей скамейке, потрогал ее руками, сел.

Скрип половиц, шарканье шагов — изнутри, из дома.

Он сцепил руки, хрустнул суставами. Стоящий в пяти шагах майор дернулся, направил на него луч фонаря — и тут же убрал.

Дуновение у шеи, низкий, едва слышный звук. Он осмотрелся — ничего. Наверное, ночная бабочка или жук пролетел рядом.

Да, жук. Один за другим летели они к домику, залетали в черноту окна. Медом им, что ли, намазали?

В галогеновом свете следы их — как трассирующие пули, только наоборот — черные черточки протыкали безжизненный свет.

На удивление петли двери оказались смазанными — она раскрылась бесшумно.

Вышедший на маленькое крылечко поворачивался всем телом, не пытаясь заслониться от света фонарей, направленных на него. Расстояние, неестественный свет, искаженные, заостренные черты лица — но все равно обитатель домика казался знакомым.

Да, конечно, племянничек. Как там его? Пирогов.

Племянник сделал несколько шагов — маленьких, нетвердых. Лицо застывшее, серое, покрытое буроватыми пятнами. И руки, тело — видимое через дырявое тряпье.

Заскулили собаки — тонко, жалобно, как последние голодные дворняги.

Выстрелы ударили по барабанным перепонкам. Пламегасители не справлялись с огнем, он вырывался на полметра из стволов — дикий фейерверк сто лет спустя в заброшенной усадьбе.

Тело под пулями оплывало, теряло форму, медленно оседало на землю.

Тишина после стрельбы оглушала. Майор дважды спросил Петрова, прежде чем он понял.

— Ну, как вам все это, Виктор Платонович?

— А вам?

— Мы-то люди привычные.

Небольшой грузовичок пробирался по аллее.

— И что вы делаете с тем, что осталось? — Петров смотрел на кучу мертвой плоти. Отдельные части можно было различить — царапающие землю пальцы, челюсти, грызущие собственную кисть.

— Заливаем в бетон.

Грузовик подъехал, задний борт откинулся, на землю выдвинулись полозья, по которым, придерживая руками, скатили металлический контейнер.

Люди заработали лопатами.

— Несовременно, конечно, но достаточно эффективно. — Майор закурил.

Контейнер закатили на грузовик. Двое, в респираторах, с заплочными ранцами-опрыскивателями, поливали землю чем-то приторно пахнущим.

— Вот и все. Давайте я вас провожу.

Лампочка на веранде показалась совсем тусклой.

— Выпить у вас что-нибудь есть?

Петров молча достал два стакана, разлил из плоской бутылочки коньяк.

— Ваше здоровье! — Майор залпом выпил.

Петров подержал стакан в руке, потом отставил его на стол.

— Теперь видите, что вам грозило? Еще день-другой, и объект вышел бы на охоту.

— Объект?

— Ну, а как их еще называть? Вурдалак, упырь — слишком романтично. Мертвец — некрасиво. Да и не мертвцы они в прямом смысле слова.

— Продукты метаморфоза?

— Вот именно. Активация митохондриальных ДНК, включение их в геном человека — и получается такая вот нежить.

— Анаэробный энергетический обмен?

— Смешанный.

Даже сейчас, при желтоватом свете стоваттки майор оставался бледным, и только на щеках стали проступать розовые пятна.

— А вообще-то, Виктор Платонович, я к вам по делу.

Ну вот. Конечно, по делу. Кто же просто так приходит, да еще ночью.

— Переходите к нам. Предлагаю официально, наверху все согласовано.

— Куда — к вам?

— В исследовательский отдел. Через год — кандидатская, через три — докторская.

— Материала много?

— Много... — Он посмотрел на стакан Петрова, но сдержался.

— А вы где работаете?

— Там же, в исследовательском отделе. Биоисторик, вообще-то.

— Какая же динамика?

— Скверная. Сто лет назад — единичные случаи. Сейчас же...

— А причина? Только жесткое излучение?

— Это уж вам решать придется.

— А в заповеднике? — Петров взял свой стакан, отлил половину майору.

— Спасибо. — Он сделал глоток. — Там... Еще с тридцатых годов, умерших от голода побросали в болото. Хоронить было некогда и некому. Часть из них уже была в стадии трансформации. Что их активировало, не знаю. Вероятно, выброс стронция-девяносто. В общем, задал заповедник нам работы.

Петров наконец пригубил свою порцию.

— Много такой... работы? Как сегодня?

— Пока — немного. Но тенденция пугающая. Поэтому мы и расширяем исследовательские работы. Возможности — неограниченные. Оборудование — лубое, по первому требованию в кратчайшие сроки.

— А как дела за границей?

— Не знаю. Все это пока — высшая секретность. Приходи, красotka, в гости...

— Сегодняшний случай... Я сам видел начало трансформации. Но причина?

— Прямой контакт. Как мы предполагаем, Папкин с Пироговым искали якобы спрятанные церковные ценности — ходят такие легенды с конца двадцатых годов. Ну, и натолкнулись на объект. Не

знаю, что у них произошло, судя по найденным костям, они сумели его расчленить и сжечь, но «плевмянник» заразился. Скорость метаморфозы колоссальная.

— А Папкин?

— У него тоже нашли признаки трансформации. Может быть, он почувствовал это — и решился. А может, просто — упал, расстройство координации, знаете ли.

Петров сделал вид, что не понимает выразительного взгляда майора, устремленного на стакан.

— Если я не соглашусь — в лагерь пошлете или сразу — расстрел?

— Каков уровень трансформации среди населения? — вялым, сонным голосом спросил Петров. Майор обернулся.

— В этом-то все и дело. Эти объекты найти и разрушить — можно. А вот что делать с тем, что люди превращаются в нелюдь сейчас, везде? — Он махнул рукой.

Петров слышал, как замолкли его шаги, затарахтел мотоцикл.

Ночная стража. Хранители покоя.

А что делать?

Он вспомнил, что случилось с подопытными мышками.

— Ну, что вы, Виктор Платонович! Какой лагерь! В крайнем случае — на короткое время поместят вас в психушку — и потом говорите, что хотите. Мало ли людей на почве видео страдают некрофобией.

— И Гоголь страдал?

— Диссертацию мою читали? Впрочем, что это я, догадались, конечно. Наверное, видел и не смог оправиться до смерти. И сейчас-то не так просто с этим справиться, а тогда... Обычное оружие — не очень-то... — майор вздохнул.

— Я подумаю.

— Подумайте, подумайте. Да, пустяки, конечно, но карточки категории С и все такое прочее помогают скрашивать жизнь. — Он встал. — Завтра, то есть уже сегодня, ну, скажем, часам к десяти мы зайдем за вами. Спокойной ночи. — Он открыл дверь.

А люди?

Чудовищная жизнь в чудовищном мире.

Бессмысленные, немотивированные убийства, насилие, рост каннибализма.

Культура...

Эволюция или девиация? И есть ли хоть один шанс?

Пусть нет. Все равно, этот путь надо пройти. Может быть, тогда он и появится — этот один шанс.

ПАГАНЕЛЬ

Рассказ

На карту Советского Союза я не могу смотреть спокойно. Во-первых, потому что любая такая карта — всего лишь жалкая копия той, что заполняла собою кабинет Географии — лучшего в мире предмета, а во-вторых, нет там больше Ивана Михайловича, нашего учителя.

Безраздельно властвуя над огромными пространствами, вечно стоящий у карты, в профиль похожий на полуостров Канин, он навсегда слился с Великой Русской равниной, его серо-зеленый «вечный» пиджак растворился в Западно-Сибирской низменности, а светло-коричневый Уральский хребет мне и сегодня видится его длинным конторским галстуком.

А голос, я до сих пор его слышу, голос Стенли, неожиданно нашедшего в непролазных джунглях Ливингстона.

«Где? Ангара? Умник, да знаешь ли ты, что такое Ангара?»

И понеслось. Рухнули печальные стены школы, вокзал, поселок, засыпанный снегом, — могучая река несла наши души, пока звонок с урока не выбрасывал нас на унылый берег повседневности.

Меня Иван Михайлович никогда не вызывал к доске. Даже на открытых уроках, несмотря на то, что я был первым учеником.

И не любил меня. Двоечник и бузотер Толька Захаров вызывал у него большее внимание и уважение. Почему?

Может, потому что я дружил, сидя за одной партой, с Кожановым, который откровенно дремал на его уроках и считал, что имеет на это право. Сашкин отец был крупным «бугром» в нашем маленьком поселке и брал сына в дальние поездки — в места, куда мы путешествовали только по карте.

Сашка лениво хвастал, я ему страшно завидовал.

Еще бы, он не только видел море, но даже плавал по нему на «России»! Он списывал у меня сочинения, а я любил бывать у него дома, где было много интересных вещей и даже огромная розовая раковина, сбереженная в своих недрах шум ласкового лучезарного Ядрана.

И все же, как можно дремать на уроках нашего Паганеля?

Сорвавшись с легких крылышек усов, единственного, как я сейчас понимаю, предмета его мужской гордости, имена городов и проливов, хребтов и каньонов обрели плоть, жили как бы сами по себе, влетая в голову, словно кондоры в ущелье. «Париж» — парящая прекрасная птица... «Лондон» — лодка в тумане, с Биг-Беном вместо каюты... «Мельбурн» — мель, буря, кораллы, аборигены... «Килиманджаро» — раскаленная от жара гора с холодной блуждающей среди звезд вершиной... «Лос-Анджелес» — далекий и недоступный, как Анжела из 8 «Б», ни разу не обернется и не посмотрит на меня, маленького флибустьера...

Мир, вдруг страшно раздвинувший свои просторы, ликуя и грохоча, шаркал истоптанными ботинками, сморкался в клетчатый, как у Домби-отца, платок, затягивал бьющийся, словно фок-бом-брамсель на шквальном ветрище, галстук, мушкетерски фехтовал указкой, сверкал сверхмощными «щейсами» очков...

И этот мир чуть было не потух, просто и обыденно, как серенький денек за окном.

У Ивана Михайловича, как, впрочем, у всех выдающихся людей, был свой любимый конек — Арктика.

«Фрам» уже давно, с третьего класса, взломал льды

моих грез, шум моторов АНТ-25 не давал спать, и четыре магические буквы «РАЕМ» продирали ледяным морозом восторга.

Путешествие, едва не ставшее последним, началось, как всегда, в Архангельске. Это был «Святой великомученик Фока», если не ошибаюсь, — столько лет прошло все-таки...

Паганель расхаживал по городу, как по собственной холостяцкой комнате в учительском доме.

Нужно было: а) яростно ругаться с ушлыми купцами, стремящимися всучить залежалый товар, б) договориться с фирмой «Маркони» о возможности использования беспроводного телеграфа, в) найти надежных ездовых собак (собак, кстати, наш Учитель не любил и в глубине души даже побаивался), г) сверить картушки гиромантных компасов. Да-да, не компасов, а компасов!

И все это за один-единственный урок, а тут еще ехидный Сашка Кожанов влез со своим идиотским вопросом: «На какой стороне Северной Двины расположен Архангельск?»

«Конечно, на левом, садись, Кожанов. Так вот, ребята...»

Дальше я не слушал. Я увидел глаза Сашки, переполненные сладкой злобой власти, он их даже зажмурил, как кот, предвкушая предстоящее неумолимое торжество.

Медленно-медленно, словно палач — орудие убийства, Сашка достал пачку блестящих, как клинки, фотографий. «Сашка и Ломоносов», «Сашка, его отец и Архангельский морвокзал», «Сашка и английский танк»...

Хватит. Паганель никогда не был в Архангельске. Он вообще нигде не был дальше Череповецкого пединститута. Да и куда ему, с насморком, сутулой спиной, тонкой шеей. А разглагольствует о походах на Полюс! Полярник... Архангельск стоит на правом берегу — достаточно взглянуть на фотографию архангельского железнодорожного моста, чтобы убедиться в этом. И никаких «поющих мостовых» там нет.

«Убить горем матросы Пустошный и Линник похоронили Георгия Яковлевича на мысе Аук острова Рудольфа», — продолжал ничего не подозревавший, везде будто бы побывавший учитель.

Мне стало жаль Паганеля. Пухлая ладонь Сашки нетерпеливо вздрагивала, он обернулся, презрительно глядя на меня, на Захарова, на притихший, напряженно внимающий класс.

«Флаг России, предназначенный для установки на Полюсе, матросы водрузили на могиле любимого командира», — торжественно звенел голос Учителя.

Сейчас!..

Нет, нельзя, никак нельзя, чтобы Сашка торжествовал, чтобы такие жестокие, самоуверенные, невежественные люди были хоть в чем-то когда-нибудь и где-нибудь правы.

Но напрасно я начал его уговаривать, напрасно обещал подарить модель «Кон-Тики», напрасно клялся в вечной дружбе и угрожал...

Паганель уже заметил его руку.

«Да здравствуют Великие Неудачники! Я, будучи в Архангельске... Ну, что тебе, Кожанов? Не можешь подождать...»

Я закрыл лицо руками и горько заплакал от самого страшного человеческого горя — бессилия пресечь творимое зло. Сейчас свершится...

Класс взорвался от дружного хохота.

Сбитый толчком двоечника Захарова, мой сосед нелепо ползал по полу, собирая фотографии с видами города Архангельска.

Прозвенел звонок. Захаров получил двойку по географии, была вызвана его мать. Учитель, кажется, ничего не заметил и на следующем уроке с увлечением рассказывал о подвиге челюскинцев — так, будто он, а не Отто Юльевич Шмидт руководил той злополучной экспедицией.

А Сашка долго еще пытался что-то доказать, объяснить, но напрасно: смешной человек ничего доказать не может.

За борами, за дремучими

Валерий
МЕНЬШИКОВ

Давно это было, так давно, что не измерить прожитое ни днями, ни годами, ни отшумевшей на перекатах омутистой речушкой, не сосчитать до той дали пройденные километры. Но все чаще, все настойчивей зовет щемящее чувство на те далекие берега детства.

Живуч, неистощим глубинный родник Памяти. Он поддерживает в часы повседневности, снимает боль и усталость, врачует горечь потерь и расставаний. Да, нельзя крепко стоять на ногах, отринув прошлое. В нем наши корни, в нем та связующая нить, без которой нет и не будет настоящего. И потому так волнуется сердце, когда встает зримо перед глазами вихрастый парнишка, что смотрел на окружающий мир широко открытыми глазами. И уходит горечь нелегких послевоенных лет, остается лишь светлое, чистое и готовое призывно вырваться из груди: «Детство, не уходи!»

З

а дальними борами прячется Светлое озеро, и каждое свидание с ним живет во мне осколочком памяти, светится... Как сейчас помню, постучал под самую петушиную побудку кто-то кнутовищем в наше оконце, а потом я услышал басистый голос Макси Котельникова:

— Подымайся, Степаныч, карета подана.

Это он о своей скрипучей телеге так отзывается. Таскает ее бесцветной масти равнодушный до окружающей жизни меринок Сивка. А чего подыматься, давно все уже на ногах. Бабка увязывает торбочки, пришептывая: «Кресало, ложки, укропное семя, соль...» Главное, не забыть туго набитый мешочек с рубленным самосадом. Было как-то, оставили это зелье, вернулся дед с полдороги, себе и мне праздник испортил. И вот мечемся по двору, таскаем на телегу мордушки, сети, весла, ведерки, какие-то узелки и мешки. Не на вечер едем, на многодневье, а потому и сбор серьезный, и отвезти нас подрядился за пудовку картошки и вязку вяленой рыбы Макси Котельников, потому как закреплена за ним от колохоза лошадь. Промышляет он по местным лесам, строит печи-смолокурни, обжигая для сельских кузниц уголь, гонит из бересты нужный всем деготь. А в свободное время, как говорит бабка, «набивает мошну». Развозит по дворам дрова и сено, пашет по весне огороды. Не за так, конечно. Ну да не о цене разговор, нужда ее всегда выше. Тут уж Макси не усомниться. Сколько спросит — так тому и быть. Да еще спасибо скажешь. Что откликнулся на просьбу, не указал на порог. Где еще в поселке лошадь достанешь?

— Я, Кондратьевна, за картохой обратным следом за-

еду. Ну, а рыбки на мой пай на озере навялят. На Сивке потом и слетаю, и вам свежатинки привезу.

— Какой разговор, Максим Данилович, — отвечает бабка, — как сговорились, так и сладимся. Мы, чай, добрых людей обманным словом никогда не тревожили. А может, чайку откушаешь, самовар дошел, а езда неблизкая.

— Да уж чаевичал...

Увязывает дед поклажу, чтоб не растрясло ее по дороге, хмурит брови, оглядывая двор. Все ли в порядке остается, все ли ладно. Не утерпел, подпер плечом зависший угол поленицы, качнул ее обратно к забору.

— Все проверила? — повернулся к бабке. — Не призабыла что?

— Так вроде все...

А утро тем временем вовсю загулеванило, затопило край неба нежно-рябиновым цветом. Воздух густо выстоен запахами лежалого сена, конопли, поседевшей полыни и еще шут знает чего. Все в огородах созревает, всего вдоль, и эта перволетняя сытость томит нас, торопит на берега далекого озера, на жаркий костерок с пахучей ухой, на длинные разговоры-воспоминанья.

Вынес дед напоследок завернутое в тряпицу ружье, патронташем под колушкой опоясался. Все под рукой, все при месте. Подсадил меня на телегу подальше от колеса — не прихватило бы спицами ногу.

— Ну, с богом, отец. Не прогляди парнишонку. К воде не приваживай, и чтоб гадюка не чикнула.

«В лес одного не пускай», — слышу я уже на повороте улицы. Оглянулся: стоит бабка обычной былкой у палисада, смотрит вслед. Махнул ей рукой. Не печалься, навялим донного караса, грибов, ягоды насущим — будет к долгой зиме припас. А самого мутит от радости. Вот и я с дедом в добычниках. Теперь уж не обронит кто ненароком, не обзовет в сердцах дармоедом.

Пылит следом за телегой дорога, тянется за нами к лесу. И Сивка в такт своим шагам лениво помахивает блеклым хвостом, отгоняет учувших его горячую плоть паутов и мух. Дед с Макси сдвиг молча, подымлвывают. Закрутка у каждого длиной в ладонь, не на одну версту хватит. Да и куда им спешить — путь неблизкий, наговориться успеют. А пока под сугревный дымок у каждого своя думка. У деду, наверное, об уловах, о том, как обмануть нашей многочисленной родне очередную послевоенную зиму. У Макси, пожалуй, думки бегут в другую сторону: не протешив ли с извозом? А мне до их печалей дела нет. Лес вот он, рядом, не дает покоя. Накрыло его синь-небо. И такая алая полоска легла над зубчатой кромкой — словно полыхнуло из жаркой печи малиновое пламя да так и замерло — для глаза, для красоты, для отдыха. Всего здесь в меру: и прозрачной голубизны, и таежной зелени, и разгоревшейся ослепительной зари. Воздух свеж, ароматен, напоен мелом разных трав. Живи, дыши, любуйся. На десятки километров нет впереди торных дорог, приземистых деревень, людского говора. Первозданная тишь. Если не считать птичьих песен. Но без них и лес не в полную радость.

Вот спугнул тишину звонкой дробью дятел. Ему это работа и пропитание. Червячка из-под корья добыть. Лесу — лечение, а уху нашему — музыка. Настолько мелодичен немудреный дроботок. Неуловимо выбил дятел клювом ему лишь понятные звуки и замолчал. Видно, прислушивается. Какова его музыка? Всем ли в радость? И не родится ли на его позывные ответная песня? Пускай ждет себе награду. Заслужил...

Дорога — две еле заметные колени — петляет меж соен. Порой в такой близости от их необхватных стволов, что приходится подбирать под себя ноги, не прижало бы к колесу. А лес совсем проснулся, сверкает сочными красками — не оторвать глаз. Разноцветные волны плещутся на полянках, к самой телеге подкатывает цветочное полове. Стелется над травой и кустами паутина — видать, к теплу — переливаются алмазами осевшие на ней капельки росы. И кажется, летит откуда-то солнечный искристый дождь. Вот оно, перволетье,жданное-пережданное. И не выдержав такой красоты, я соскакиваю с телеги.

Играют лесные поляны многоцветной радугой. Золотыми звездочками горит-переливается зверобой. Точеными колокольцами манит к себе купена. А над ними покачиваются искристо-желтые корзиночки девяссила. Эту траву я хорошо знаю, бабка заготавливает ее впрок. Вялит пучками, насыпает сухое зрагено в глиняные горшки. От всех болезней девясил: раны заживляет, ломоту в суставах снимает, хрип убирает, разве что со смертного одра не поднимает. И корешок, и лист со стеблем — все в дело идет. Вот тебе и маленькое лесное солнышко.

Разогретая солнцем горит в траве рубиновыми угольками земляника, наполняет воздух неповторимым ароматом.

— Дед! — восторженно кричу я и набиваю рот малиновой сладостью. Максе и тому в удивленье.

— Смотри, какие бобылины! Эх, гибнет ягода без убору,— заводит он разговор.— А сколько этого леса от нас на север немеряно. И везде шишка, гриб, ягода. А ежели собрать все это?

— Да-а,— неопределенно тянет дед. А я, набегавшись вокруг телеги, припадаю среди узлов. Парят промоченные росой штаны. Солнечно, тепло, уютно. Качается надо мной небо, чуть припорошенное розоватыми блетками облаков. Качаются сосны. Томят, убаюкивают лесные запахи, и мое тело становится невесомым, плывет где-то там по небу...

— Вставай, рыбаль,— подает откуда-то из этой бездонной сини голос Макса. И я, приветав на телеге, досаду на свою ребячью слабость, удивленно оглядываюсь по сторонам.

Вывернулась наша телега к раскидистому кусту боярки, усыпанному прозрачно-янтарной ягодой, затихли колеса. Повернул Сивка голову, глаз большой, будто голубым молоком облитый, а в нем вопрос: ехать ли дальше? И верно, окончилась дорога, пришел ей край. Соскочил я на землю, размять ноги, разогнать по телу устоявшуюся в сонном забытьи кровь, да так и замер.

Восковые, подчерненные снизу серебром стволы вековых сосен тянулись к небу. Дерево к дереву, будто подравненные вверху гигантскими ножницами, колупни золотистую чешуйку и брызнет ароматная струя живицы. Снуют по стволам черные мураши, справляют свою работу. Здесь же, под кустом, их жилище — коричневая горка из прелой хвои, песка и мелких прутьев. Обошел я их городище, потом муравьиного сока попробую, а пока надо оглядеться. Вот она, землянуха, на самом высоком обдуваемом месте. Затравянен давно дерновый настил. Лишь рядышком углядишь небольшое, в тетрадный листок, оконце, железный изгиб трубы, полустлевшие плашки, ступенями уходящие в землю — вход в землянку. В ней коротать нам ночи, спастись от нудного гнуса. И здесь же тропка к шуршащим камышовым зарослям, а через них — к озеру. И нашел же кто-то такое веселое место. Видно, добрый был человек, любил лес, залитые солнечным светом поляны, и чтобы разговаривала-плескалась рядом вода. Отдыхал от этой картины глаз, переплавлялось во мне увиденное в светлую мелодичную песню. Кручусь я благодарно около деда, помогаю снимать наши пожитки. Потом все это разберем, определим к месту, а пока надо освободить телегу. Прощаясь с Максом, дед отсыпает в его кисет табаку, молча кивает. Довез и спасибо, а уговор сам собой исполнится. Не лебезит, не суетится — не любит он этого. И так понятно, не за красивые глаза человек в такую даль ехал-подряжался.

Я перетаскиваю узлы к входу, первым забираюсь в землянку. Внутри она выглядит добротной, стены сложены из крепких бревен, потолок из жердевика, а из мебели — нары да ручной работы стол. Опасливо тычу палку под нары — не затаилась ли змея, такое в лесу не в диковинку. Дед хитро шурит глаза: что, мол, в штанах потяжелело? Быстро наводим в землянке порядок, раскладываем привезенные припасы. Наконец дед говорит:

— Я сетешки разброшу, а ты тут, рядышком, грибов поищи, только вдаль не ударься.

Он как бы приценивается ко мне, можно ли доверять

мне свободу, оставить наедине с лесом. Видно, решает, что можно. Навешивает на плечи сети, берет в руки бот. Мне и с ним бы хотелось, и лес — примана. С ведром спешу вдаль от нашего становища. Главное, найти первый гриб, унять в себе азартную дрожь. А где один, будут и другие. Белый гриб всегда привередливый. Иногда и место подходящее, прелью-плесенью отдает, и земля дождями напитана, солнцем прогрета, а нет его, хоть убейся. А рядышком хрустят пересохшие мхи, воздух обжигает ноздри, а грибов столько, что ни корзины, ни рубахи не хватит. Вот и думай...

Первый гриб, как всегда бывает, не на глаз попался, а под ногу подвернулся. Хрустнуло что-то под шапкой мха, отвернул я серебристую курчавину; а там литой бочонок. Белая, как вата, ножка цела, а шляпка в крошево под ногой рассыпалась. Припал на колени, обрвыл ножом белоснежную мякоть и не спеша огляделся. И задрожало все во мне натянутой струной. В одном месте мох приподнялся, в другом земля нарывом припухла, в третьем и вовсе коричневое яйцо проклюнулось. Осторожно ощупываю мшистые взлобки, прицениваюсь к каждому бугорку. Здесь не просто удачливый, наметанный глаз нужен, привычный к грибной охоте.

Скрипит, пошумливает бор, разноголосо поет, пробует себя в песнях птичья молодежь. Все позабыл я, ползаю по белым мхам. А на озере шлеп да шлеп. Это дед ботом загоняет рыбу в сети, для первой ухи старается. И время летит быстрокрылой ласточкой. Кружу меж деревьев, сам себе аукаю. К ведру еще добрую кучку грибов нарезал — то-то удивлю деда. Да разве его удивишь? Таких карасей первым уловом взял, не караси — золотые слитки, одно любованье. И вот уже весело потрескивает в костерке сухостой, оплывает пеной котелок. А я о лесе думаю, о том, как завтра снова пойду по знакомым и незнакомым местам, продлю свое счастье. Сколько сегодня подроста не взял, на утро оставил. И дед, будто угадав мои мысли, говорит, как всегда, тихо и неторопливо:

— Лес — он добром платит, когда его любят и привечают. Сколько от него людей кормится. А подумать, так сродни он человеку. Есть у него душа. Ты послушай, как стонет дерево, когда его подрубают. Не живое оно, а слезой умоется. И по ночам что-то шепчет. Молодое деревце завсегда шумливое, с ветром заигрывает, а у старого — скрип печальный. Жизнь-то на исходе. Все мы на земле стоим, силу от нее набираем, что человек, что дерево.

Я люблю, когда дед просыпается от долгого молчания, лицо его добрее, наливается от волнения молодым румянцем.

Высоко в закатном небе медленно плывет по кругу черный крестик — коршун. Есть в его полете какой-то и человеку нужный смысл. Тревожно подает на озере голос журавль. Ему печально отзывается другой. Дед проворачивает глазами коршуна.

— Ишь как журавушки разговорились. За потомство свое беспокоятся. А то как же. Все в этой жизни накрепко увязано. Выпадает одно звеньишко — и не будет цепочки. Вот так-то, внучек. Неси чашки, вечерять будем.

С. Т. Аксакову — 200 лет

**Владимир
СКАЧИЛОВ,
заслуженный врач РСФСР**

Званный обед в Риме

Это было летом 1969 года. Как-то мне сообщили, что в Уфу на пароходе из Москвы прибывает профессор Неговский, и просили показать ему достопримечательности города. Имя этого выдающегося ученого известно далеко за пределами страны. Владимир Александрович Неговский создал учение о клинической и биологической смерти и разработал метод реанимации, т. е. систему оживления человека. Ныне трудно себе представить больницу без реанимационного отделения. Естественно, предстоящая встреча меня взволновала.

Экскурсию я начал с места основания Уфы. Потом показал памятник Салавату Юлаеву. Посетили мы художественный музей, носящий имя его создателя М. В. Нестерова. Побывали в доме-музее В. И. Ленина.

Вопросов почти не было, особой заинтересованности — тоже. Зато Владимир Александрович нет-нет да спрашивал о местах писателя С. Т. Аксакова. Я же всячески избегал разговора на эту тему. Не хотелось мне рассказывать, что на бывшей усадьбе Аксаковых, где родился Сергей Тимофеевич, ныне находится сад имени Луначарского, жизнь которого никоим образом не связана с Уфой. Еще в начале 60-х годов прекрасный этот сад был любимым местом отдыха уфимцев. Но вот рядом, прихватив и часть территории сада, построили грохочущий заводской корпус, не стало могучих осокорей, свидетелей аксаковских времен, оделся в бегах некогда живописный пруд... В «обновленный» сад не залетают теперь не только соловьи, но даже неприхотливые воробьи и голубы. В сохранившемся доме, где прошли детские годы Сергея Тимофеевича, устроен диспансер — лечат чесотку и венерические болезни. Не было тогда и никаких памятных знаков на бывшем Аксаковском народном доме, построенном земляками писателя на средства, собранные по случаю пятидесятилетия со дня его смерти. Мне было стыдно

за такое небрежение моих современников.

Видимо понимая мои затруднения, Неговский сообщил мне причину его особого интереса к аксаковским местам.

Незадолго до приезда в Уфу ему довелось быть в Италии. Случилось так, что оперировали сестру одного видного итальянского государственного деятеля (чуть ли не премьер-министра). Во время операции наступила клиническая смерть. Бросились разыскивать по всему Риму русского ученого-реаниматолога. Но Рим не Чишмы. Лишь спустя пару часов профессора доставили в клинику. Увидев, что больной делают лишь аппаратное искусственное дыхание, Владимир Александрович констатировал биологическую смерть и предложил прекратить бесполезные меры оживления. Объяснив коллегам принципы реанимации, он вернулся в гостиницу.

Прошло несколько дней, и Владимир Александрович получил официальное приглашение на домашний обед к итальянскому государственному деятелю. Отказываться было неприлично, но и принимать приглашение не было особого желания. Шел самый разгар «холодной войны». Любое сказанное через переводчика слово могло быть переначено. А в памяти были еще свежие воспоминания, когда группа возглавляемых им врачей реанимировала уже безнадежно больного Сталина. Помнились устрашающие предупреждения Берии при этом...

В назначенное время Неговский был доставлен на званный обед. Встретила молодая женщина, жена хозяйна, свободно, без акцента говорившая на русском языке. В ходе непринужденного разговора за столом она то и дело спрашивала гостя о писателе С. Т. Аксакове, о котором Неговский знал не так уж много. Выяснилось, что именно произведения Аксакова помогли итальянке усовершенствоваться в знании русского языка. Оказывается, досужие литературоведы подсчитали количество русских слов в произведениях классиков России и установили, что первенство в этом за Аксаковым. Поэтому за рубежом книги Сергея Тимофеевича стали своего рода эталоном русского языка. А отсюда и внимание к личности писателя.

Вернувшись в Москву, Неговский и попросил, чтобы ему устроили поездку на пароходе в Башкирию.

Теперь уж я показал профессору все аксаковские места в Уфе, поведал все, что знал о знаменитом земляке. И почувствовал, что гость стал душевнее, мягче, внимательнее к моим рассказам о родном городе.

Аксаково без Аксакова

В конце сороковых годов мне пришлось работать врачом в Кармаскалинском районе Башкирии. На прием часто приезжали больные из деревни Аксаково, расположенной в трех километрах от райцентра.

Меня заинтересовало происхождение названия села. Перечитал «Детство Багрова внука», «Семейную хронику» С. Т. Аксакова. Встретил знакомые названия: Старые Киешки, Верхне-Тимкино... Но ответа на свой вопрос не нашел.

Прошло лет двадцать после моего отъезда из района. Однажды получил письмо от тамошнего колхозника Николая Емельяновича Дунаева. Он был рад, что отыскал меня, благодарил за спасенных в те годы детей, едва не погибших от дифтерии. Завязалась переписка. А совсем недавно, уже сорок лет спустя, явился и сам Николай Емельянович, переехав на постоянное жительство в Уфу. Он — инвалид Великой Отечественной, вырастил и поставил на ноги восьмерых детей. Много вспомнили мы при встрече, говорили и о моих бывших пациентах из деревни Аксаково. И тут-то я услышал от него историю, рассказанную ему отцом, который, в свою очередь, слышал ее от своего деда.

После отмены крепостного права помещик обязан был выделить крестьянам за выкуп землю. В то время в аксаковском имении близ Старых Киешек (в «Детстве Багрова внука» — Сергеевское) управляющим был некто Парамон. Видимо, в отместку за какие-то мужицкие грехи он выделил крестьянам землю шириной 200 аршин и длиной более десятка верст. Ни скотину выгнать без опаски за поправу, ни обработать столь отдаленную от села полоску земли. И многие крестьяне, чьи наделы оказались далеко от села, продали свою землю. А для нового поселения купили землю частью у башкир, а частью у помещика Назадкина. И основали деревню, назвав ее именем прежних господ. Так появилось недалеко от Кармаскалов село Аксаково.

А бывшая деревня Сергеевское неоднократно меняла свое название и затем, по мере расширения Старых Киешек, слилась с ними. В мое время в Аксаково было около сотни дворов. Ныне, по рассказам Н. Е. Дунаева, осталось менее десятка...

БУНТ В БРОДОКАЛМАКЕ

Мария
МЕНШИКОВА

После гражданской войны на Сивой горе в центре села Бродокалмак открыли приют. Привезли беспризорников. Первые годы от них житья не было — опустошали огороды, воровали птицу, в кровь избивали местную ребятню. Селяне ночью свет не зажигали, чтобы не остаться без стекол. Словом, не было управы на «золотую роту».

Положение начало меняться с приходом в приют комсомольца Яши Грачева. Из тех же беспризорников он подобрал себе помощников, с самыми отпетыми вечерами у плотины костры палил, разговоры вел;

— Вот выучитесь на докторов и учителей, чужие огороды забудете. Никто и не вспомнит ваши проделки. Все вас будут уважать.

Его внимательно слушали, но не верили в эту сказку. А он продолжал свое: в ночное с ребятами ездил, учил с ними двадцать восемь пионерских законов, собирал деньги — для детей английских горняков — шесть рублей тогда послали в Англию. Но и беспризорники держали марку: подкормятся, получают новую одежду и бегут из приюта. Куда? Зачем?

В двадцать восьмом году в детдом пришел новый заведующий, чудинский учитель Иосиф Емельянович Легких. Яша Грачев продолжал строить шалаши за рекой, на Ветроудуйке-горе за селом пионерские сборы проводил. Дядя Ося (так звали ребята заведующего) выбивал у властей одежду и обувь, сельхозинвентарь. Телят привез, коней. Разворачивал хозяйство и втягивал в работу детей.

Он был грамотный, начитанный, а в двадцатые годы печаталось много статей, книг по обучению, воспитанию, от Кампанеллы до Песталотци — апостола трудовой школы, о школьном самоуправлении, о соединении обучения с производственным трудом. Выходило специальное постановление Совнаркома,

У Иосифа Легких была своя концепция: дети не должны быть попрошайками, чувствовать себя сиротами, белоручками, пусть сами зарабатывают и распределяют заработанное «по-умному». Должны научиться жить коллективно, семьей, заботиться друг о друге.

Детдомовское хозяйство быстро разрасталось: птицу развели, свиноферма появилась, крольчатники, пасека, плодовый сад заложили. Двухэтажный дом возвели — на первом этаже комнаты девочек, на втором — школа. Мальчики жили в двух других домах. Дети первые в районе закончили посевную и премию получили — первый в районе трактор. В округе голод начался, а у них запасы: горох, в овощехранилище капуста, брюква и морковь. Они не голодали, еще и жителей подкармливали. Об этом они писали Надежде Константиновне Крупской.

И всё дядя Ося, считали селяне. Он ведь такой: вначале накормит, потом только работать пошлет. Парень поехал в город учиться, он ему три костюма дал и сапоги! Чтоб не говорили про человека, что он детдомовский и ничего у него нет.

Конечно, в детском доме у дяди Оси было не все как в сказке. Дети трудились в поле, птицу пасли, дежурили на кухне. Но кормили сытно, и для игр время оставалось, футбол гоняли. Оводов ловили — веселое и полезное дело. Ветеринар говорил, что оводы сибирскую язву распространяют, заразную болезнь.

Но главное, никто маленьких не обижал, за этим строго следили старшие ребята, воспитатели и дядя Ося.

Осенью занятия в школе начались. Старшим ребятам выдали зеленые френчи и синие брюки, ботинки, а некоторым даже сапоги. Одели лучше родительских детей. На демонстрации селяне с нетерпением ждали, когда детский дом с горы спускаться начнет — самое главное зрелище было. Уж очень хорошо шажали, красивые пирамиды делали, всякие упражнения. На спортивных праздниках детдомовцы всегда побеждали.

Приезжали в Бродокалмак учителя из других детских домов и школ опыта набираться. Тоже говорили, что все дело в дяде Осе. Он и за учебным процессом следил. Приоткроеет дверь в класс и следит. Безобразничает кто-нибудь на задней парте, он сразу к нему:

— Ты, помашь, почему дисциплину нарушаешь?

«Помашь» — это у него «пони-маешь».

Нарушителей порядка он не наказывал ни трудом, ни лишением еды, как это делалось в других детских домах. Только строгая беседа и поручение какого-то дела, чтоб

занят был человек. И доверие, уважение к ребенку.

Но недолго пробыл в коммуне дядя Ося. Арестовали заведующего в тридцать седьмом году. Говорили — за чрезмерную эксплуатацию труда малолетних. Увели в Челябинск.

И тогда четвероклассник Гриша Гринь, ему лет шестнадцать было, бросил клич: «Выручим дядю Осю!» Подбил коммуну на бунт. Старшие ребята Володя Лепский и Володя Шмагин захватили все хозяйство, ключи у кладовщика отобрали, отстранили воспитателей. Требовали вернуть дядю Осю.

Приходило к ним начальство, пыталось уговорить. Но старшие твердили: «Отдавайте дядю Осю!» — и строили баррикады в школе, в столовой и спальнях.

Переговоры с ними велись через окна второго этажа. Даже областного прокурора не пустили в дом. Он кричал им:

— Прекратите бунт! Иначе стрелять будем!

— Не имеете права стрелять в детей! — отвечала через окна малышня.

К дому подгоняли пожарную машину, но обливать водой не стали, раздумали. Уже морозы начались, обледенело бы все.

Около трех недель управлялась коммуна детьми, скот был напоен и накормлен, работали кружки и мастерские, в слесарной тайком делали холодное оружие. Только занятий в школе не было, учителя не приходили.

Но хоть и хитрыми были Гринь и его товарищи, а взрослые их перехитрили. Привезли звуковое кино. Малышня осталась дома, а старшие пошли в клуб. Двери там узкие, зимой открывалась одна половинка. Когда ребята выходили, их хватили по одному и уводили в каталажку. Больше ста человек схватили. Выпустили через сутки, а шестнадцать человек увезли в область. Восемь из них попали в тюрьму.

Дядю Осю освободили через девять месяцев, но в Бродокалмак он уже не вернулся, работал в Челябинске, в какой-то топливной конторе. Умер в 1955 году.

Хозяйство стало приходить в упадок: резали уток, гусей, коровы и лошади вроде сами разбрелись. Мастерские и кружки распались. Самым стойким оказался музыкальный кружок и духовой оркестр, потому что руководитель Степан Петрович Костромин за него боролся, не отступал. Когда началась война, духовой оркестр провожал новобранцев до станции Муслюмово.

В войну в детский дом привезли эвакуированных детей из Житомира, Киева и Ленинграда. Своих двести да триста приезжих, и всем

хватило места. Столько понастроил дядя Ося.

После войны всех детей увезли, детский дом закрыли. Где теперь его питомцы? Известно, что Яков Михайлович Грачев перед войной окончил Пермскую совпартшколу, учился на курсах подготовки командного состава в Москве. Погиб под Сталинградом в 1942 году.

Воспитанник Геннадий Николаевич Веселов стал художником, окончил Ленинградскую художественную школу, иллюстрировал произведения Горького, Маяковского, Пушкина. Говорили, что Борис Ильичихин писателем стал. А где другие? Помнят ли свой детский дом, бродокалмакскую республику ШКИД?

г. Челябинск

ГРОТ РАЗБОЙНИКА КОУРОГО

Георгий СКАКУНОВ,
краевед

На окраине поселка Новоуткинск, административно подчиненного Первоуральскому горсовету, находится замечательный памятник природы и истории, незаслуженно обойденный вниманием исследователей. Это пещера в известняковых береговых скалах речки Утки — примерно в километре от заводской плотины (ниже по течению).

Она состоит из двух гротов, разделенных естественной каменной аркой в рост человека. Первый напоминает как бы прихожую второго главного грота. Его высота более четырех метров, а площадь такова, что там может разместиться несколько десятков человек.

Грот обладает любопытной особенностью: даже в сильные морозы в нем держится температура, близкая к нулю. Лишь у входа похолоднее. Поэтому капающая с потолка вода в студеные зимы образует на полу ледяные сталагмиты — толстые булавовидные сосульки разной высоты и толщины. Некоторые достигают высоты более метра.

Уткинская пещера издавна служила местом зимовки летучих мышей — этих хранителей лесов, истребителей многих вредных насекомых.

Летучие мыши собирались здесь многими сотнями, а может быть и тысячами. Зацепившись когтями задних лапок за неровности камней, они свисали вниз головой огромными гроздьями. Особенно выделялись ушаны.

Потолок и стены в пещере покрыты слоем копоти. Каково ее происхождение? На этот вопрос нет однозначного ответа. Несомненно, что значительная ее часть — от тех факелов, которыми пользуются современные посетители. Но весьма вероятно, что внимательный исследователь обнаружит и более давнюю копоть.

По изустным преданиям, в этой пещере долгое время жил грозный разбойник Коурый (Коурко) вместе с лошадьми и своей ватагой. Его имя носит лог, который в начале нынешнего века пересекла железная дорога. Название станции Коуровка¹ хранит память о том полузабытом рыцаре ночи.

Коурый не случайно облюбовал эту пещеру в качестве пристанища. В главном гроте свободно размещались люди и лошади, запас фуража и продуктов. Никакая непогода не была страшна. Достаточно завесить арку шкурами или домотканой занавесью — станет тепло и сухо. Если же развести посредине пещеры костер, то и кашу можно сварить, и горячим сбить душу погреть.

Кругом дебри непролазные, а до Чусовой с богатыми караванами и до сибирского тракта с купеческими обозами — рукой подать. Обнаружить место, где укрывалась ватага, было весьма непросто. Да и в случае обнаружения взять нелегко: пещера была неприступной естественной цитаделью — понадежнее выстроены крепостей Гробовской и Киргишанской.

В начале 40-х годов XVIII столетия пришли на Утку солдаты и приписные крестьяне из окрестных слобод, начали строить казенный завод. Столь близкое соседство пришлого люда оказалось для Коурого неудобным, и он оставил эти края.

Если хорошо покопаться, то, вероятно, обнаружится в пещере и копоть, возраст которой исчисляется не веками, а тысячелетиями. В начале 70-х годов прошлого столетия в окрестностях Новоуткинского завода проводил геологические исследования профессор, а впоследствии директор Горного института, член-корреспондент Академии наук В. И. Меллер. Не обошел он вниманием и

¹ По правилам современной орфографии пишется «каурий» (масть лошади). Но местный окающий диалект четко выделяет здесь «о». Это закрепилось и в написании названия станции.

В. О. Ковалевский — видный ученый-палеонтолог, муж математика и писательницы С. В. Ковалевской.

нашу пещеру. Его помощник, выпускник Горного института Ф. Ю. Гебауер заложил в пещере шурф. «Под слоем обломков (породы — Г. С.) был вскрыт слой красной несколько песчанистой глины, толщинной в 23 фута (около 80 сантиметров. — Г. С.) Определял найденные кости В. О. Ковалевский². Они принадлежали лошади, лося и зубру» (из отчета В. И. Меллера). Подчеркнем: раскопки проводились с чисто палеонтологической целью. Проблемы археологические совершенно не затрагивались.

Кости лошади и лося могли оставить Коурый и его соратники. А вот как попали в главный грот кости зубра? Ведь это крупное животное вымерло в здешних местах несколько тысяч лет назад. Войти самостоятельно оно не могло: высота арки не позволяла... Приходится только сожалеть, что до сих пор в пещере не произведено раскопок археологических.

Но прежде всего Уткинскую пещеру надо официально признать памятником природы и истории, уверечь от умножения современных «на скальных изображений».

г. Ленинск-Кузнецкий

УРЖУМСКАЯ «ЛАСТОЧКА»

Необычное издание появилось в этом году в старинном городе Уржуме, районном центре Кировской области, — краеведческий альманах «Уржумская старина».

Тут вы найдете рассказы о местных краеведах, материалы к истории сел и деревень, топонимический словарь района, факты и предания о сельских храмах, малом народе — марийцах, живущих в уржумских краях, и еще целую россыпь краеведческих искорок, которые при желании можно превратить в огоньки следопытского поиска. Заключает каждый выпуск альманаха «Календарь праздничных дат православной церкви».

И такая еще деталь: издатель объявил краеведческий конкурс для школьников района на лучший рассказ об истории своих сел и деревень.

Инициатор альманаха и его издатель — уржумский краевед Владимир Алексеевич Ветлужских. Спонсор — Уржумская централизованная библиотечная система.

Ю. СЕНТЯБРЕВ

Евгений ИЩЕНКО

Посланники Гончих Псов

Если вам запомнился «поход» по следам инопланетян, побывавших в Хабаровске в конце марта 1990 года, о чем «Уральский следопыт» писал в № 4 за 1991 год, то рассказ о том, как Галину К. посетил пришелец, тоже, видимо, остался в памяти... Помните, как все было? Галина лежала на диване, смотрела телевизор, вдруг балконная дверь ее квартиры на 8-м этаже открылась, и вошел некто с большими глазами. Дальше она ничего не помнила, а на пальцах утром обнаружила странные порезы, после заживления которых не осталось никаких шрамов.

История эта получила весьма любопытное продолжение, с которым мне и хочется познакомить читателей. Для восстановления в памяти событий той злополучной ночи Галина К. была введена в особое психологическое состояние — суггестию. Чтобы выволить из подсознания те сведения, которые человек воспринял, но не может восстановить, нужна помощь со стороны.

Мне удалось прослушать звукозапись рассказа Галины К. в состоянии суггестии.

Рисунок Сергея Григорькина

Два часа ее вводили в нужный психологический режим, а с 22-х часов вечера до 4.30 утра собственно и состоялся «допрос», в котором участвовали два специалиста из Москвы и четыре свидетеля, включая психоневролога. Вводная, специальная часть, едва ли представляет интерес для широкой аудитории, поэтому, опустив ее, перехожу к непосредственным воспоминаниям.

Голос суггестолога: — Сейчас 21 марта 1990 года. Вы возвращаетесь в этот день, в 22 часа 12 минут по местному времени. Рассказывайте все, что происходит, что вы видите, слышите, воспринимаете. Не бойтесь, вы — смелый человек. Что происходит?

Голос Галины: — Шар.

— В виде чего? Описывайте, как он выглядит.

— Черный. Около балкона, сбоку. Больше не вижу.

— Какого он размера? С чем его можно сравнить?

— Большой шар, черный. Я боюсь!

— Не бойтесь, я с вами! Никто не причинит вам никакого вреда. Вы спите. Сердцебиение, пульс, температура тела у вас нормальные. Вы находитесь в комнате?

— Да. Сажу на диване.

— Что происходит?

— Он меня за руку взял — Гоша...

— В комнате что-либо работает?

— Телевизор.

— Как Гоша появился в комнате? Посмотрите, не бойтесь! Он вам ничего плохого не сделает.

— Он из шара вышел.

— В шаре есть какой-то люк?

— Да, из него выдвинулась черная лесенка.

— Значит, открылся проем?

— Да, отверстие с ребристыми полосками, как наша дверь, только чуть пониже.

— А шар большой? Приблизительно оцените, сколько он метров в диаметре.

— Как маленький дачный дом. Где-то метров пять, наверное, а проем метра полтора по высоте, а по ширине приблизительно метр. Я боюсь!

— Не бойтесь, я с вами! Рассказывайте.

— Внизу дорожка, как резиновая... Он у меня уже дома, в квартире.

— Кто?

— Да Гоша! Он сказал, что он — Гоша.

— Описывайте, как он выглядит? Какого он роста?

— Два метра, больше. Он наклоняется.

— Обрисуйте его лицо!

— Большие глаза. Немножко зрачок вижу.

— Цвет глаз?

— Серые, светлые...

— Лоб, волосы нос?

— Носа нет.

— Никакого возвышения?

— Чуть заметное возвышение есть. Две маленькие дырочки. Волос нет. На нем шлем.

— Брови, ресницы?

— Ни бровей, ни ресниц нет.

— Кожа какая?

— Серая.

— Уши есть?

— Там всё под шлемом. Шлем светлее, чем лицо.

— Рот какой?

— Рот маленький, узкий, тонкий.

— Подбородок?

— Подбородок маленький, острый.

— Шея какая?

— Шея короткая, переходит в плечи. Костюм серый, блестит и как бы покрыт ячейками.

— Запомните лицо как следует! Мы его зарисуем. А ячейки какой формы?

— С одной стороны прямые, а с другой — округлые.
 — Во что он одет? Какие пропорции фигуры?
 — Длинные ноги. Какая-то резиновая обувь вместе с комбинезоном.
 — Может, сапоги?
 — Нет, заодно с комбинезоном.
 — Какие детали на комбинезоне?
 — На лезом рукаве — эмблема: полушар, стрела. Она чуть ниже плеча, на уровне груди.
 — Цвет эмблемы?
 — Темней немножко, чем комбинезон, а стрела серебристая. У него три пальца.
 — Три пальца? Опишите, какие они.
 — Длинные, тонкие. Один, первый палец, короче. Два других длинней.
 — Это как наши указательный, средний, безымянный? Большого, супротивного пальца нет?
 — Нет. Спать хочу...
 — Спите, не бойтесь! Вы слышите мой голос, подчиняетесь ему. Все хорошо. Посмотрите, что он делает? Он стоит?
 — Да. Он меня посадил, наклонился ко мне, взял за руку.
 — Потом?
 — Провел в воздухе около головы рукой с палочкой.
 — Что за палочка?
 — Черная.
 — В какой руке у него палочка?
 — В левой.
 — Что делается дальше?
 — Я сижу. Он прошел через комнату в коридор.
 — Проследите за ним! Что он делает в вашей квартире? Не бойтесь его!
 — Прощел в другую комнату, повернул. Открыл дверь в ванную. Прощел на кухню. Проверил плиту рукой. Пошел. Остановился посреди кухни. Стоит.
 — А что у вас на кухонной плите? Посмотрите, пожалуйста!
 — Кастрюля... Чайник.
 — Плита включена или нет? Галя, посмотрите внимательно, вы имеете такую возможность. Она включена?
 — Включена. Конфорка работает. Чайник кипит.
 — Проверьте плиту! Что дальше?
 — Он рукой с палочкой провел над плитой. Пар прекратился, конфорка выключилась.
 — Смотрите, что он еще делает? Не бойтесь, он вас сейчас не видит!
 — Он пошел назад, у дверей остановился. Подошел, взял меня за руки. Говорит, что мне надо идти с ним. Вывел меня на балкон. Еще что-то сказал, я не расслышала.
 — Прислушайтесь, что он сказал? Этот голос был на русском языке? Он губами шевелил? Посмотрите!
 — Нет... слова возникают у меня в голове...
 — Это человеческий голос или какой-то машинный?
 — Вроде как человеческий.
 — Какими словами он говорил? Вы можете воспроизвести? Прислушайтесь!
 — Ой!!
 — Не бойтесь, не бойтесь! Я с вами. Что он говорит?
 — Он пригласил меня с собой. Сказал: пойдете, не пугайтесь.
 — Вы согласились?
 — Да, согласилась. Шар поднялся на уровень балкона.
 — Так. Что происходит дальше? Рассказывайте, что вы видите?
 — На перила встала. Ба! Как страшно! Боясь!
 — Не бойтесь! Все хорошо. Все функции организма — в норме.
 — По коридору идем. Все стены черные, впереди — свет. Заходим. Дверь отошла в сторону. Еще одна комната. Стою одна.
 — Что в комнате?

— Ничего. Комната очень высокая. Где-то высота метра три, а ширина метра полтора. Снизу идет яркий свет. Стою на чем-то белом или светлом. С боков и с потолка — красный свет. Он колется сильно. Колет как!
 — Расслабьтесь, не бойтесь, я с вами! Что происходит? Рассказывайте.
 — Открылась дверь. Пульт во весь круг.
 — И что вы видите в той комнате?
 — Два человека сидят.
 — Опишите их, пожалуйста, не бойтесь!
 — Маленькие... Меньше меня, где-то метр пятьдесят. Ниже, чем я. Посадил меня на стул.
 — Кто?
 — Маленький.
 — Как они одеты?
 — Тоже в серебристые одежды и в шлемах. Рядом со мной стоит этот, высокий. Сел. По голове палочкой провел этой...
 — Что за стул, обрисуйте, пожалуйста.
 — Стул какой-то очень мягкий, как все равно полулежащий. Очень красивый какой-то...
 — Опишите лица вот этих, маленьких. Как они оба выглядят?
 — Тот который высокий со мной рядом сидит.
 — Так, а маленькие?
 — Маленькие тоже в серой блестящей одежде. Снимает с руки...
 — Перчатки?
 — Нет. Что-то положил...
 — Сколько пальцев на руках у маленьких?
 — Три.
 — Большого пальца нет?
 — Первый палец короче, два других почти одинаковые... На пульте очень много кнопок, карта...
 — Как устроены кабина, пульт? Что за карта? Может, это экран?
 — Нет, это карта. Это бумага, но она какая-то розовая.
 — Так, что на ней изображено?
 — В развернутом виде два наших полушария. Вверху — Америка, здесь европейская часть нашей страны. Хорошо видно. Цвета карты сочные.
 — Это политическая карта?
 — Нет, физическая. Горы коричневые, вода голубая, земля зеленая. Очень красивые цвета, яркие. Карта подсвечена снизу.
 — Посмотрите на лица этих маленьких. Как они выглядят? Они что, похожи на большого или нет?
 — Нет, они немного не похожи.
 — Опишите их лица, пожалуйста!
 — Глаза большие, ушей нет. Вместо ушей — какие-то ямки. Бровей нет. Тонкая, серая, гладкая кожа на голове. Нос — маленький бугорок и опять такие же дырочки.
 — Шея?
 — Да, шея недлинная, переходит в маленькие плечики.
 — Подбородок?
 — Также остренький.
 — На костюмах есть какие-нибудь карманы, застежки?
 — Ничего не вижу. Они боком сидят.
 — На пульте есть какие-нибудь приборы, кроме кнопок?
 — Одни кнопки и карта и очень большое стекло, как зеркало. Видно все.
 — А что видно?
 — Я вижу только небо. Очень черное, звездное.
 — Какой формы этот иллюминатор? Он прямо перед пультом или их несколько?
 — Нет, это не иллюминатор. Это полностью как сферическое стекло, просто как половина стеклянного экрана. Все, ничего больше нет.
 — Они общаются, как-нибудь друг с другом? С вами?

— Нет, не слышу ни звука. Они подлетели.
 — Куда?
 — Это, наверное, какой-то корабль. Не знаю, что это такое. Длинное какое-то тело. Дверь отошла. Мы залетели внутрь. Опять идем длинными черными коридорами. Дверь снова отошла, мы — в больнице.
 — Подробнее, пожалуйста, что вы видите?
 — Стол, два стула, кресло, как гинекологическое наше, только блестящее. Свет очень красивый. Все очень бело.
 — Похоже на кафель?
 — Нет, все серебристое.
 — Что происходит дальше?
 — Меня положили на большой стол, что-то одели на голову. Со мной о чем-то говорят, я отвечаю.
 — Прислушайтесь! Вспомните, о чем спрашивают, что вы отвечаете им?
 — Мне дадут информацию... Чтоб я согласилась лететь. Я говорю, да, согласна...
 — Что происходит дальше?
 — Подключили к ногам, рукам, груди какие-то блестящие...
 — Они что, раздели вас полностью?
 — Да, я голая, меня раздели. Очень теплый стол. Ой! К голове, к шлему подключают еще что-то.
 — Что вы ощущаете?
 — Я ничего не ощущаю, только тепло... Спать...
 — Вы сейчас обладаете способностью видеть, чувствовать и слышать все происходящее. Они что, велют спать?
 — Да, спать...
 — Галя, что они делают? Смотрите! Описывайте!
 — Не знаю, что-то убирают. Шприц какой-то. Нет, это не шприц, от него шланг большой. На столе какая-то еще аппаратура блестящая.
 — А они похожи на наших людей, или есть какие-то отличия?
 — Нет, они разные. Волосы уже есть, волосы белые. Женщина есть. Красивая...
 — Опишите, пожалуйста, ее.
 — Высокого роста. Тонкая талия. Только у нее ноги немножко не соответствуют туловищу.
 — То есть?
 — Туловище короткое, а ноги — длинные. И руки длинные.
 — Во что она одета?
 — Чувствуется, что внизу какой-то комбинезон, а сверху на них халаты очень облегающие, видимо, из ткани.
 — На голове что-нибудь есть?
 — Да, волосы кучерявые, волнистые, светлые. Они спрятаны, не выбиваются.
 — Глаза, нос?
 — Серые большие глаза. Нос, как у нас, только с горбинкой. Линии лба и носа соединены вместе.
 — Кого еще вы видите? Пожалуйста, громче!
 — Трое высоких мужчин, чуть выше женщин. Где-то по 2,2—2,3 метра. Одеты, как и женщина, одинаково: наверное, снизу — комбинезон, а сверху халаты блестящие.
 — Каковы их лица? Как они выглядят? Рассказывайте!
 — Лица полные, губы чуть вывернуты. Нижняя губа сильно вывернута. Надбровные дуги и у мужчин чуть-чуть больше.
 — А фигуры пропорциональные? Шея, плечи?
 — Торс такой большой. И ноги непропорционально длинные. Широкие плечи.
 — Руки? Посмотрите пальцы!
 — На руках по пять пальцев, как у нас.
 — Что на голове?
 — На голове как бы облегающие серебристые шапочки. Светятся. У них всех светятся головы. Волосы типа русских. Женщина примерно двухметрового роста, немножко ниже мужчин. Красивая!
 — Почему вы решили, что это женщина?

— У нее волос длинный. Волосы сзади опускаются кольцами на плечи, чуть-чуть. А у мужчин затылки без волос, открытые. У нее нежные такие глаза серого цвета. Линия рта четко выражена, только нижняя губа вывернута сильнее.
 — Что они с вами делают?
 — Проводят какими-то трубками вдоль тела.
 — В каких местах?
 — Где сердце, низ живота. Объем бедер, груди, кисти, пальцы измерили. Слушали все через какую-то аппаратуру. Еще смотрят.
 — Описывайте все подробно!
 — Что-то говорят между собой.
 — На что похож язык?
 — Уже ут мау... Не слышу. Мне жарко и плохо стало!
 — Сейчас все нормально, успокойтесь. Посмотрите, что они еще с вами делают?
 — Зубы осмотрели. Подкатили к столу какой-то аппарат.
 — И?
 — Смотрят по всему телу внутренности, качают головой. По-видимому, у них экран сверху. Я вижу свои ребра, сердце... Опять жарко!
 — Не бойтесь, я с вами! Все хорошо! Что было дальше?
 — Женщина подошла ко мне, в руках — металлическая блестящая трубочка. Взяла руку, правую. Ой! Провела у меня по гальцам этой трубочкой, подержала и отдала мужчине. Всё. Крови нет.
 — Боли нет?
 — Нет. Еще рентген, наверное, по всему телу. Вижу сердце, почки, мочевой пузырь... Они мне одели шлем. Уши закрыты, все закрыто. Ой, как жарко!..
 — Что они говорят?
 — Домой.
 — Это вы обратились к ним?
 — Да, говорят, что скоро домой поедем.
 — Что происходит дальше?
 — Посадили меня на мягкий такой удобный стул, откинутый, в полулежачем положении. Шлем на голове. Подошел мужчина сзади, что-то опять сказал. Появилась женщина.
 — Что сказал, прислушайтесь!
 — Что-то: «уха» или «ухе». Я не понимаю, не могу повторить.
 — Что произошло дальше? Вас усадили на стул...
 — Женщина стоит сзади меня, рядом с мужчиной. Что-то делают в шлеме. Неприятность в левой стороне головы. Очень больно!.. Я уже в рубашке. Женщина надевает на меня рубашку. Они еще на меня надели какую-то длинную серую одежду. Что-то с левой стороны головы больно так!..
 — Чем заняты эти мужчина и женщина?
 — Что-то там, в шлеме, раздвигают. Вижу какое-то округлое отверстие в шлеме, больше ничего.
 — Опишите происходящее. Что они с вами делают?
 — Снимают шлем. Этот шлем такой: уши закрыты, половина затылка и лобная часть. Спереди как будто ремешки такие блестящие и застежка. Его сняли, убрали.
 — Что происходит дальше?
 — Вызодят меня. Вышли в коридор.
 — Вы босиком?
 — Нет, я не босиком. На ногах как вроде толстые чулки до колен и тапочки мягкие. Идем по коридору. Ни растений, ни цветов, ничего нет. Двери открылись, как шторка: ушли в стороны. Спать положили в другом помещении...
 — Как выглядит комната?
 — Лежанка гладкая такая. Подушка в каких-то мелких дырочках, серебристо-голубая. Подушка с диваном вместе. Накрыли чем-то очень теплым и мягким, как бы из искусственного меха одеялом.
 — Что собой представляет комната? Освещена ли она?

— Она освещена таким матовым чуть-чуть желтоватым светом. Еле-еле желтоватым. Он падает сверху, с потолка.

— Что было дальше? Вы выспались, и...?

— Нет. Я дома, на диване.

— А как они вас возвратили? Как вы оказались дома? Посмотрите, вы имеете такую возможность!

— Несут меня. Несет на руках по коридору тот мужчина, который был в комнате. Большой. Взял под голову и под колени. Несет по коридору.

— У них в аппарате?

— Да, по коридору. Зашли в другой коридор. Темно, не видеть. Посадил вроде бы в какое-то кресло.

— Это там, где пульта?

— Нет. Комната какая-то опять без окон. Свет зажали. Красный — от стен и потолка. Открылась дверь. Зашел другой, худой.

— Похожий на нас?

— Нет. Это тот, который у меня был в квартире. Взял меня за руку. Опять пошли по коридору... Чулки он снял, когда брал меня на руки. Несет, несет...

— Куда?

— Я опять вижу тот аппарат, что привез. Такой же круглый, как и был. Сидят в нем двое.

— Слышите какие-то звуки?

— Нет. Я сильно хочу спать. Я сижу в кресле, сплю.

— Что делают эти двое?

— Эти двое водят по кнопкам пульта руками быстро-быстро. Что-то показывают пальцем. Один другому что-то сказал. Подходит ко мне. Провел по голове, нет, над головой опять этой палочкой. Я спать хрчу! Я — дома.

— А как вы оказались дома? Он вас принес с балкона?

— Нет, я сама иду с ним. Он меня ведет с балкона за руку. Он дверь открыл, меня пропустил вперед.

— Аппарат что, в районе балкона завис?

— Не знаю. Мы вошли в мою комнату. Вот моя квартира, вот мой диван и собака. Он меня положил на диван, ничем не укрыл.

— Как ведет себя собака?

— Лежит около дивана без движения.

— А в первый раз как собака реагировала?

— Стала лаять.

— А он что?

— Махнул на нее рукой с палочкой, и она легла возле дивана без движения. В такой же позе и лежит.

— Он вас оставил на диване и сказал что-нибудь?

— Палочкой провел. Сказал: «Запомни, мы из созвездия Гончих Псов. Четвертая по величине звезда. Мы называем себя «троефунты». Через три месяца ты получишь всю информацию, а сейчас — молчать. Отдыхай. Никаких контактов не будет. Не бойся! Мы здесь будем всегда. Никто тебя не обидит. Контакт будет через старика-время. Будешь обладать большими способностями. Ты удивишь всех, а сейчас отдыхай. Забудь все! Через три месяца — контакт»

— Значит он ушел?

— Он сказал, что через два года, если я буду делать все, как они велют, то они меня заберут. Но нужно готовиться!

— Как готовиться?

— Они мне скажут через три месяца. Они говорили, что меня охраняют...

Прослушивая звукозапись, я обратил внимание на довольно продолжительные ее перерывы. Мое недоумение Галина К. усилила еще больше, объяснив, что при первоначальном прослушивании пробелов не было. Они в фонограмме появились позже, хотя участки записи никто не стирал. Исчезли, видимо, сведения, которые инопланетяне сочли сообщенными преждевременно? Это объяснение заставило вспомнить аналогичные казусы, связанные с попытками осуществить звукозапись прочеств болгарской ясновидящей Ванги. Отмечу, кстати, что в состоянии суггестии голос Галины К. изменился: стал монотонным и как бы отстраненным от происходящего. Но не будем пока отвлекаться от основной канвы повествования.

После прослушивания фонограммы я заинтересовался у моей необычной знакомой, поддерживает ли она информационные контакты с троефунтами?

— Да, — подтвердила она. — Теперь я могу связаться с ними в любое время.

— И о чем же они вам говорят? — не удержался я от вопроса. — Хотя бы самое запомнившееся?

— Они сообщили мне, что наша планета начала умирать после того, как люди стали в очень больших количествах забирать из ее недр нефть, газ, воду. Нефть — кровь Земли. Планета будет отторгать, страивать все плохое, чуждое. Нельзя строить наземные атомные станции, перегораживать реки, осушать болота. 1993—1996 годы станут для людей самыми тяжелыми. Троефунты утверждают, — заключает Галина, — что если мы постигнем тайну ядра Земли и тайну Луны — мы постигнем Вечность...

Как обобщить рассказанное Галиной? Инопланетянин, зашедший в ее квартиру с балкона, прибыл на черном шаре примерно пятиметрового диаметра. Отключив сознание хозяйки с помощью «палочки», он бегом обследовал квартиру, а потом забрал Галину с собой. Шаром управляли двое НЛОнавтов, внешне похожих на визитера (серая кожа, трехпалые кисти рук, большие глаза без четких зрачков, отсутствие носа, ушей и волос, острые плечи и подбородки, тонкие конечности, одежда — серебристые комбинезоны и шлемы на головах), но довольно низкорослых.

В шар женщину доставили на большой корабль. О его внушительных размерах можно судить хотя бы по тому, что пятиметровый шар свободно залетел внутрь. Затем Галина оказалась в «больнице», где ее всесторонне обследовали с помощью явно неземной техники и оставили на пальцах странные порезы. В обследовании участвовало четверо «врачей», среди которых была и женщина. Внешность этих четверых, можно сказать, уже почти земная. Рост немногим больше двух метров, смуглолицые, с белокурыми волнистыми волосами, серыми большими глазами, имеющие носы с горбинкой, чуть вывернутые губы и пятнальные ладони. В отличие от трехпалых, общающихся телепатически, они уже говорят между собой вслух (и их пациентка даже попыталась воспринять некоторые слова!). Вернули ее домой тем же порядком — увезли в шаре.

Эти сведения записной скептик наверняка сочтет за плод буйной и большой фантазии. Согласиться с этим не могу — уж очень детально показаны. Такие может дать только очевидец. Тут и выдвигнувшаяся из шара «резиновая» десенка-

дорожка, в костюме пришельца, покрытый ячейками сложной формы, с эмблемой на левом рукаве (полушар со стрелой), и красный свет, который сильно колется, и пульт с кнопками и физической картой Земли на розовой бумаге, и двери, открывающиеся в стороны, как шторы, и внешний вид аппаратуры в «больнице», и отсутствие бюста у женщины, ее нежные глаза и коротко подстриженные ногти, и соединенная линия лба и носа у «врачей», их светящиеся головы и непропорциональные туловищу ноги, и шлем на голове обследуемой, от которого «неприятность в левой стороне затылка», и... перечислять можно еще долго.

Дело, на мой взгляд, не столько в количестве, сколько в качестве сообщенных деталей. Чего стоит, например, фраза: «Контакт будет через старика-время!» Придумать такое, да еще в состоянии суггестии, когда сознание, можно сказать, отключено, — задача едва ли выполнимая. И главное — зачем? Ведь практически ничего, кроме неприятностей по службе, она в результате происшедшего не получила.

Однако дотошный читатель, очень внимательно следивший за развитием событий, наверняка спросит: «А как же быть с обещанием троефунтов: «Ты будешь обладать большими способностями». Наврели, значит?!» Нет, нет! Мне стало известно, что Галина уже начала исцелять людей.

ОТВЕТИМ ПО — РУССКИ?

Рисунки Николая Мооса

В прошлом году отдел молодежных проблем, делясь с читателями своими планами, проанонсировал готовившуюся к печати публикацию о восточных единоборствах. Но реакция на анонс, если выделить из поступившей почты самое интересное, заставила скорректировать планы. Вот лишь несколько выдержек из писем.

«Сейчас практически каждое издание публикует материалы о восточных единоборствах. А ведь в Свердловске есть человек, который занимается системой борьбы, основанной на русском стиле боя. Это — заместитель председателя Свердловской областной Федерации айки-до и джиу-джитсу Александр Лавров. И я думаю, что именно ваш журнал с краеведческой направленностью может многое сделать для пропаганды этого стиля».

Д. СОЛОВЕЙ, Пенза.

«Зачем пропагандировать чужие стили, когда у нас есть свой, «русский стиль»? Почему бы вам не рассказать о нем? Ведь корни его уходят в глубь родной нашей истории».

И. БУБНОВ, Юрга
Кемеровской области.

«Неужели у русского народа, имеющего такое героическое прошлое, нет своей борьбы? Есть. Свидетельство тому — секция русского боевого искусства в Свердловске, которую ведет Александр Лавров. О нем писали газеты «Комсомольская правда» и свердловская областная молодежная газета «На смену!».

Д. МОЛОКАНОВ, Уфа.

Подобных просьб, причем отнюдь не общих, не абстрактных, но содержащих вполне конкретный адрес предлагаемого предмета разговора, множество. И, подумав, мы окончательно решили откликнуться именно на них, отложив в сторону пачку незамысловатых требований поместить фотографии Брюса Ли, Шварцнегера, пуститься в расследование истории воинов ниндзя... В самом деле — не лишку ли вокруг нас мускулистых портретов западных суперменов, не чересчур ли увлеклись мы японскими методами самообороны, наглухо забыв о собственном родовом наследии в этой сфере? Но дело тут не только в дани просыпающемуся нашему национальному самосознанию, проявляющему себя порой чрезмерно замысловатым образом. Как выясняется, «русский стиль» действительно достоин самого серьезного внимания и, наверное, популяризации. Во всяком случае, так считает журналист, немало беседовавший с А. Лавровым и довольно глубоко изучивший тему...

Начну с вопроса: почему в нашей стране налицо повальное увлечение исключительно восточными единоборствами? Да, они позволяют людям почувствовать себя защищенной, уверенной в жизни. И оздоровительный эффект их не вызывает сомнений. Однако не последнюю роль здесь сыграло и то обстоятельство, что единоборства восточные, как это ни странно, оказались более доступными, более открытыми для освоения, чем отечественные. Практически во всех крупных городах с переменным успехом функционируют секции у-шу, каратэ. Газеты, журналы, телевидение как бы соревнуются, кто больше о них расскажет. И тот же Александр Лавров в свое время довольно интенсивно занимался айки-до и джиу-джитсу, поскольку попросту ничего не знал о «русском стиле». Впервые же соприкоснувшись с ним, сразу стал безоговорочным его приверженцем. Сегодняшнее мнение Лаврова — «русский стиль» по простоте и эффективности превосходит все восточные варианты единоборств!

Впрочем, сравнивать национальные виды борьбы — занятие неблагоприятное. Каждый из них хорош по-своему. Но именно — по-своему. Это слово здесь ключевое. Потому что любая глубокая культура (а речь идет, конечно же, об одной из ветвей нашей культуры, если угодно, культуре драки — почему бы нет?) развивается на основе темперамента конкретного народа, его психофизических особенностей, национальных традиций.

А. Лавров: «Многие приемы «русского стиля» по своей пластике напоминают русские и украинские народные

танцы. Элемент плясовой — когда рукой бьют по пятке, вскинутой в сторону ноги — очень похож либо на отвлекающий момент боя, либо на боковой удар пяткой. Присядка — точь-в-точь уход от ударов с сохранением безопасной дистанции».

Японцы танцуют иначе, чем мы, и для них наши движения вряд ли будут удобны. Как и для нас существовать позы более естественные, чем позы каратэ. Так что превосходная степень — в основном для нас, хотя и не только...

Около трех лет назад кинорежиссером Александром Щурием была снята учебная лента «Один на один с врагом», получившая первую премию на международном фестивале военных фильмов. В ней преподаватель Краснодарского высшего военного командно-инженерного училища ракетных войск А. А. Кадочников со своими учениками демонстрируют очень своеобразные уроки самозащиты, заметно отличающиеся и от традиционных японских, и от общепринятых наших. Видимо, это была первая попытка как-то зафиксировать уникальную школу, но — не для широких экранов. Существует же она давно, а основоположник ее — незаслуженно забытый российский офицер Виктор Афанасьевич Спиридонов. Но прежде чем перейти к рассказу о нем, необходимо сделать небольшой экскурс в более отдаленную историю.

Корни всех направлений «русского стиля» уходят в десятый век, в славяно-горицкую борьбу, приемы которой позже использовали казацкие пластунические части во время турецкой войны. Сейчас в чистом виде ее пытаются возродить в стране Александр Белов (об этом подробнее смотрите в журнале «Религия и атеизм», первые номера за 1990 г.). Еще позднее эта борьба культивировалась в лейб-гвардейском казачьем полку Его Императорского Величества, сто гвардейцев из коего состояли даже на службе у китайского императора по специальной договоренности. Видно, слухи об их искусности дошли и до властелина родины у-шу, своих мастеров ему не хватало. Теперь штаб-квартира этого полка находится в Париже, и между прочим, большинство французских и американских газет в свое время обошла любопытная заметка о девятидесятилетнем казаке-эмигранте, обратившем в бегство десятых грабителей, пытавшихся украсть полковые ценности. Интересен и другой факт. Некоторые белоэмигранты тренировали по русской методике «зеленых беретов» в США. Когда Александр Лавров с помощниками подняли в специальном хранилище Ленинской библиотеки боевые уставы американской армии, то обнаружили там много знакомого. Правда, впоследствии американцы пошли своим, особым путем. Но основа осталась нашей — русской...

А вот Виктор Спиридонов никуда не уезжал, всю жизнь прожил в России — за исключением отлучек в военные походы, где проявил себя отменным воином. В семнадцать лет — доброволец царской армии, произведенный за способности в офицерский чин, в 1905-м — выпускник Казанского пехотного училища, с русско-японской войны он вернулся с крестом Станислава на груди, с первой мировой — с тяжелой контузией и ранением, заслужив внеочередной чин, почетный мундир и пенсию.

К 1919-му следы почетного пенсионера обнаруживаются в главном управлении Красной Армии. Вскоре, окончательно оправившись от контузии, он становится преподавателем московских окружных курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки, а затем переходит в только что созданное общество «Динамо», где занимается с милиционерами, чекистами, бойцами-пограничниками. И нужно считать большой удачей не только для него, но и для нас, что военспецу прежней закалки дали возможность работать, не отбраковали, как это нередко случалось, за прежние заслуги перед родиной. Преподавал Спиридонов «защиту и нападение без оружия», но не просто преподавал, — скрупулезно изучал, внимательно исследовал все, относившееся к его предмету, и, без всяких преувеличений, творил его заново. В результате его многолетнего труда появилась в высшей степени оригинальная система самозащиты, основанная на

старинном «русском стиле», а также соединившая в себе элементы бокса, борьбы, фехтования, многого другого. Вначале он именовал ее просто «сам» — «самозащита», потом — «самбо», по первым слогам слов «самооборона без оружия». Ни в коем случае не следует путать ее с самбо спортивным, созданным приблизительно тогда же В. С. Ошепковым и его учеником А. А. Харлампиевым, либо с современным рукопашным боем. Различия тут принципиальные. Самбо Ошепкова создавалось на базе японского дзю-до путем его изменений, добавлений новых элементов. Рукопашный бой тоже «замешан» на восточных единоборствах. Спиридонов же изобрел совершенно самостоятельную методику, осуществил настоящий прорыв в науке о самообороне, используя драгоценный опыт предков. Это-то школу, которую мы называем здесь «русским стилем», и осваивает сегодня в Краснодаре А. Кадочников, а свердловчанин Лавров — один из его учеников. Причем нужно подчеркнуть, что самбо Спиридонова — лишь одна из составных частей целой системы выживания, в свою очередь созданной Кадочниковым, пошедшим дальше наставника. Она охватывает практически все аспекты жизни человека и ориентирована на выработку психологической устойчивости, других полезных качеств. Но это уже — отдельная тема.

Что же конкретно представляет из себя спиридоновский «русский стиль»? В чем именно его уникальность?

А. Лавров: «Этот стиль — универсальный. Он позволяет «работать» против любого соперника, будь то боксер, каратист или бандит, вооруженный холодным или огнестрельным оружием. Причем человек, владеющий этим стилем, почти все варианты возможной схватки способен просчитать заранее. Не зря вся система подготовки разделена на отдельные блоки. Блок «работы с хода», например, позволяет «разобраться» с нападающим на тебя с любой стороны противником в то время, когда ты идешь по улице. Блок против всех видов захватов включает по 10—15 вариантов противодействия на каждый. Специальная тренировка есть и для «простой» уличной драки, и для «специальных» боксера, каратиста. Существует блок «работы» лежа, сидя — на тот случай, если тебя застали врасплох в постели или спиной с ног. Разработаны способы боя в ограниченном пространстве: комнате, коридоре, лифте, автобусе, самолете, автомобиле (кстати, моя собственная разработка) и так далее».

Добавим к сказанному и еще одно, возможно — главное преимущество спиридоновской системы перед импортными. В Краснодарском институте физкультуры однажды решили выяснить, какое количество энергии затрачивается на активную работу с условным соперником у представителей разных стилей, и провели соответствующее научное исследование. (Речь наверняка шла об отечественных специалистах, а не о японцах). Результаты говорят сами за себя. Каратист расходует 80 процентов отпущенных ему Богом на данном отрезке времени сил, самбист (спортивное самбо) — 70, а человек, владеющий «русским стилем», — всего 30 процентов! Последний не требует сверхнапряжений — фантастических прыжков, сокрушающих стены ударов. Нужно лишь определенным образом развить естественную гибкость ваших суставов. Самбо Спиридонова рассчитано не на внешний эффект, но на эффективность, и в принципе им могут прекрасно пользоваться практически все, включая стариков и беременных женщин. Физически же здоровый мужчина, дав отпор «по Спиридонову», почувствует лишь легкую усталость, оставаясь готовым к любым новым неожиданностям. Нет, не случайно последователь Виктора Афанасьевича Кадочников — преподаватель теоретической механики, науки, где столь важно рассчитать усилие... Здесь очень кстати будет процитировать письмо восьмиклассника из Тамбова Дениса С.: «Я далеко не силач. А в нашем классе почти все сильные. И они часто меня оскорбляют и унижают. Но беда даже не в этом, а в том, что мне нравится одна девочка. И мальчишки, зная об этом, позволяют себе обижать ее на моих глазах. Помогите мне, посоветуйте, как научиться хорошо защищаться и защитить других?»

Вопрос, согласимся, актуальный не для одного Дениса. И не одна тамбовская восьмиклассница терпит незаслуженные обиды от ушляющихся своей грубостью верзил. Скоро рослому спортсмену-разряднику будет страшно входить по вечерним улицам... Тут бы и открыть людям ларец со Спиридоновским богатством, тут бы и помочь им сберечь свои достоинства, тело, жизнь, в конце концов, — да как помочь! Но остаются по крайней мере две основательные причины, мешающие сделать это в короткий срок.

Первая — нравственного порядка. Вовсе неспроста столько лет ларец этот находился под большим замком. Хотя само Спиридонова целиком является системой защиты, а не нападения, это все же очень и очень мощное оружие. Оружие страшное. Далеко не у всякого хватит воспитания, культуры, выдержки, чтобы использовать его исключительно по назначению. Пусть простит меня Денис, но может ли он, положив руку на сердце, дать гарантию, что, освоив в буквальном смысле убийственные приемы, не изуродует в один прекрасный день всех классных «силачей», выплеснув таким образом накопившиеся за месяцы униженный чувства к ним? Виктор Афанасьевич Спиридонов сам видел сферу применения своих разработок только в армии, милиции, других специальных службах и считал недопустимым слишком широкую их рекламу. Вот почему по сей день большинство людей, владеющих «русским стилем», работали или работают в органах безопасности. Кстати, и Александр Лавров впервые столкнулся с ним в отряде спецназа, который готовили к борьбе с различными террористическими актами. Однако теперь сам он этот барьер не считает таким уж непреодолимым. И не только потому, что разгул хулиганства давно перешел всякие границы, а реестр «засекреченного», очевидно, нуждается в пересмотре.

А. Лавров: «Дело в том, что всю систему Спиридонова следует разделить на три уровня; первый, собственно и составляющий стержень «русского стиля», доступен и полезен всем. Механически наработать приемы, чтобы дать отпор в необходимых случаях, относительно несложно и безопасно для окружающих. А вот вторые два — для профессионалов. Они и знаний требуют особых. Тому, кто пожелает

копнуть глубже, непременно придется столкнуться с теоретической механикой — с векторными величинами, углами, плоскостями и прочим. Здесь уже одними тренировками не обойдешься...»

Как видим, названная проблема все-таки разрешима. Точнее — это проблема сугубо «учительская». Раз учителя считают, что чему-то все-таки можно учить всех, значит, при таком спросе на науку, видимо, можно. А вот с другой проблемой — значительно сложнее. Ведь, по мнению Лаврова, даже первым, наиболее доступным уровнем «русского стиля» невозможно овладеть по методичкам и учебникам, как нельзя по картинкам стать хорошим танцором или пианистом — по самоучителю. Непременно нужен хороший наставник-педагог. Поэтому мы и не предлагаем вам общепринятых рисунков уроков... Но как же быть? Как подняться до него — до урвня, если наставников в обозримых окрестностях — один Александр? Вот что говорит сам он по этому поводу:

«Надо начинать готовить инструкторов. Этим я готов заняться в любой момент. Потому что убежден: сотни платных семинаров, которые провожу в переполненных залах, не решат проблемы обучения так, как сделали бы это для начала 25—30 толковых учеников, с которыми я бы занимался серьезно, целенаправленно. И наверное, нужно создавать федерацию русской борьбы, возможно — при ДОСААФе. Одной из задач новой федерации может стать широкое привлечение населения к борьбе с преступностью...»

Правы читатели: есть в Свердловске энтузиаст, владеющий мало кому пока ведомыми секретами национального искусства самообороны, и он полон желания поделиться ими. Но пока у него нет для этого возможностей. Хорошо, если к выходу в свет номера журнала с этой статьей положение изменится к лучшему: появятся серьезные курсы, а может, и федерация возникнет. Если же нет — очень надеюсь на то, что заметки мои помогут Лаврову найти единомышленников, хороших организаторов, спонсоров для полезного дела. Все-таки не должно оставаться за семью печатями такое наследство...

ТВОЯ РОДНЯ

Мария
РУТ

См. схему на 8-й стр. вкладки

Давайте вспомним свои забытые семейные звания и должности, вспомним забытую терминологию родства. Совсем недавно в больших крестьянских семьях каждый имел не только имя, но и, так сказать, должность, и не одну. Какой-нибудь Ванюша сразу мог быть и сыном матушке с батюшкой, и братом, и деверем братиной жене, и шурином сестриному мужу... А там, глядишь, женится Ванюша — сразу должностей прибавится: он и муж, он и зять... Вся терминология родства на одном человеке сойтись может.

Человек появляется на свет и одним своим рождением раздает чины и звания. Вчерашних девчонку с мальчишкой возводит в звания Мать и Отец; вихрастого мамного брата произведет в Дяди, тут же явятся Бабушки и Дедушки... И себя не забудет: сразу окажется и Сыном, и Внуком, и Племянником.

Вслушайтесь в первые слова ребенка: ма-ма, ба-ба, па-па, те-тя, де-да, дя-дя. Правда, очень удобные для произношения слова? Большинство ученых считает, что термины родства и возникли из детского лепета.

Но есть названия, которые детским лепетом не объяснишь. Прежде всего, это слово — отец. Существует оно только в славянских языках. В немецком находим — Vater, в латинском — Pater. Правда, мы своих отцов называем папами, но это новинка. Еще и сейчас в деревнях говорят: «Папа — это по-городскому, а у нас тятей либо батей кличут». Слово «папа» возникло в речи русского дворянства под влиянием французского рара.

А вот — отец. Есть во многих европейских языках корень со значением «старый». В славянских языках от изменилось в *эт* (сравните латинское *at* и русское *соль*). А *ец* — хорошо известный славянский суффикс (мудрец, купец, глупец). То есть получается, что *от-ец* — то же самое, что *старец*. Не удивительно: отец — как правило, старший в семье.

Далеко не все древние термины родства сохранились.

В древнерусском языке, в XI веке, были слова: *нетий* — «племянник», *нестера* — «племянница». Теперь этих слов в русском языке нет. Зато появилось новое слово — *племянник*, то есть нашего же роду-племени.

Где есть племянник, там есть и дядя. Казалось бы, слово «дядя», несомненно возникшее из детского лепета, должно быть очень древним, но в древнерусском языке мы его не находим. Если встречаются «дядя», «дедя» — то они обозначают вовсе не дядю, а деда, дедушку. Что же, у древних русичей не было таких родственников? Еще как были! Дядя по отцу назывался *стрый*, по материнской линии — *уй*. Интересно, что эти названия сохранились почти во всех славянских языках, а из русского почему-то исчезли. Зато слово «дядя» есть только у нас.

С рождением новой семьи рождаются новые чины — звания. Только теперь это уже не термины кровного родства — родства по рождению, а термины свойства — родства по браку.

Слово *золовка* в народе часто связывают со словом «злой». Золовка — слово древнейшее; и есть объяснение, истолковывающее его как «веселая». Вот вам и злока!

Слово *деверь* хорошо сохранилось во всех славянских языках. Интересно, что в литовском языке его иногда сблизают со словом «шутка», «шалость». Вот так: золовка — «веселая», деверь — шалун.

Что *свекор* и *свекровь* — слова однокоренные, это ясно. Начальное *св* связано с «свой», «своя». Ученые спорят: одни говорят, что свекровь — это «своя кровь» (то есть просто родственница, хотя свекровь — неполная родственница); другие истолковывают слово «свекровь» как «своя власть, госпожа».

Невестка произошло от «невесты». Но невестку называют еще и снохой. Как правило, снохой невестку зовут только свекровь и свекор; для деверя и золовки жена брата — только невестка. Причем невесткой зовут жену сына или брата только славяне, и слово это сравнительно новое. А вот *сноха* — древнее название, имеющее параллели во многих языках Европы. *Сноха* — от сын, то есть «сыновья». Очень хорошо получается: сноха — жена сына, только непонятно, куда девалось *ы* из слова «сын»...

А теперь о *ятрови*, или *ятровке*. Ятровь сейчас сохранилось только в говорах, да и то не везде. А жаль, ведь куда удобнее сказать: «Она моя ятровка», чем «Она жена брата моего мужа».

Посмотрим, что делается в семье жены.

Слова *тесть* и *теща* — несомненно древние. Предполагается, что первичное значение этих слов — «родные», «родимые» и, скорей всего, корень тут близок к слову *тятя*. Получается, что значение «родители жены» — вторичное, более позднее, а сперва эти слова означали своих родителей, кровных родственников. Такой переход нас не удивит: сейчас как раз принято родственников мужа или жены называть так же, как своих; свекровь зовут мамой, свекра — отцом, золовку — сестрицей, деверя — братчиком. Значит, *тесть* и *теща* в известном значении возникли не так уж давно — веков 15—20 тому назад.

А вот *зять* и *шурин* — слова древнейшие. *Зять* значит что-то вроде «родной». Кстати, в древних языках зятем могли называть и тестя — очевидно, был какой-то общий термин, обозначающий родство с семьей жены вообще.

Шурин, или *шур*, *шуряк*, ученые сблизают с корнем *шип* — *шить*, *вязать*. То есть связанный родством. Зять с семьей жены не жил, только в гости наезжал, особо делить тут вроде было нечего.

В схему не уложились еще два термина: *сват* и *сватья* — родители мужа по отношению к родителям жены, и наоборот. Сейчас мы думаем, что эти слова образованы от глагола «сватать», а на самом деле — нет. Это образование опять от корня *св* — «свой». *Сваты* — значит свои, справить свадьбу — стать своими.

Вот такая она, терминология родства. Древняя и новая, всем известная и забытая, для каждого ясная и во многом еще не разгаданная...

ЧЕЛОВЕК — ЗВЕНО КОСМИЧЕСКОЙ САНСАРЫ?

Владислав
ДЕБЕРДЕЕВ

См. фото на 2-й стр. вкладки

Если говорить о буддийском искусстве, буддийской культуре — не в узком смысле культа, веры, а в широком, синкретическом значении: скульптура и живопись, литература и наука, архитектура и т. п., то до сих пор она, эта культура, была для нас чем-то вроде обратной стороны Луны. Она, существовавшая объективно многие века, для современных жителей СССР оставалась невидимой. Самобытные, неповторимые произведения искусства, насчитывающего две с половиной тысячи лет, были запрятаны в самые глубокие, глухие уголки музейных фондов.

Но вот наступили иные, новые времена. Изменилось наше отношение к нравственным началам жизни, к их религиозной трактовке и вообще к вере, религии. В том числе и к буддизму. И на свет явились извлеченные из темных запасников прекрасные, сверкающие оригинальными гранями памятники буддийского искусства, ливя нам зримые образы духовных, нетленных ценностей, которые сегодня вновь волнуют человечество: проблемы бытия личности; практические пути к знаниям, к мудрости; активная пропаганда (говоря современным языком) милосердия; представление о человеке как о подобии, зеркальном отражении, земном символе бесконечного космоса.

Такие мысли возникают на тематической выставке «Буддийское искусство», прошедшей в Улан-Удэ, в Музее истории Бурятии. Каждый из ее экспонатов — настоящий шедевр, заслуживающий особой публикации. Но в кратком обзоре ограничимся лишь беглыми заметками о четырех вышеупомянутых направлениях буддийского искусства.

Итак, первое из них — проблемы бытия личности. Пожалуй, больше всего здесь привлекла меня аллегорическая фигура существа, тело которого — большой круг! Это Сансара хурдэ — колесо бытия. Круг со-

стоит примерно из двух десятков разноцветных секторов и сегментов. Площадь каждого из них заполнена изображениями животного мира Земли, работающих людей, рядами вонных, добрыми и злыми духами, другими сюжетами.

Все эти образы служат наглядным, то есть наиболее доступным для в ту пору неграмотных народных масс, популярным изложением учения Будды, всего буддизма — так сказано в пояснительной табличке к экспонату. И подумалось, что подобное приобщение неопитов к вере, к изучению буддийских канонических текстов весьма эффективно и действенно. Недаром же народная мудрость гласит: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать (например, в длинных христианских проповедях).

Изобразительное содержание сегментов и секторов «колеса бытия», их последовательность и сочетания показывают, как в процессе жизни происходит собственно сансара — бесконечность перерождения личности, ее коловращение: от низших форм к высшим, от животного до божества. Показывают именно то, что мы сегодня называем переселением душ из одного существа в другое — в зависимости от наших благородных или низменных поступков в прежней жизни.

Органичным продолжением, развитием идей, заложенных в аллегорическом круге Сансары хурдэ, становятся буддийские картины, изваяния и другие предметы, посвященные практическим путям совершенствования личности: правильное поведение и правильное знание. Разумеется, это прежде всего сюжеты и сцены, которые рассказывают о том, как Будда и его ученики приобщали людей к вселенской мудрости, к вере в единство космических знаний, к мысли о человеке-микрокосме.

В отличие от благостного христианства, где то и дело встречаются святые заповеди и заветы типа «Око за око, зуб за зуб», главенствующее место в буддийской культуре принадлежит милосердию. Вот почему, проходя по выставке, почти на каждом шагу встречаешь художественные произведения, так или иначе связанные с этой благороднейшей чертой. Особенно наглядно прослеживается линия милосердия в образах буддийского пантеона.

Это и Арьябало (Авалокитешвара тысячерукий) — божество милосердия, портрет которого выполнен методом оригинальной грунтовки. И богиня милосердия Сагаан дари-эхэ в виде искусно вырезанной из дерева статуи с четырьмя белоснежными, как цветок лилии, лицами на все четыре стороны света. И Зугдор намжилма — богиня милосердия и муд-

рости (и мудрости!), портрет которой выполнен шелковой вышивкой.

Разнообразием форм и методов, использованных в произведениях буддийского искусства, можно только восхищаться. К примеру, фигура обнимающего женщину двенадцатиручного тантрийского божества Дэмчюга (тантризм — конфессиональная разновидность буддизма, в основе которой лежит идея о человеке-микрокосме и его особом энергетическом начале, по современным понятиям — об энергополе). Высота этой статуэтки, датируемой XIX веком и попавшей в нашу страну из Долонаора (Внутренняя Монголия), около 30 сантиметров, а шестьдесят пальцев всех рук, в том числе двух женских имеют размер с рисовое зерно. К тому же все детали, при изготовлении которых применялись медь и частично литье, чеканка, минеральные краски и позолота, выполнены с таким изяществом, филигранностью, что нет сомнений — это шедевр! Шедевр общечеловеческой, мировой культуры.

Признаться, я искренне, наивно полагал, что в буддизме доминирующий цвет оранжево-желтый (судя по одеждам буддийских монахов, которые частенько, кстати, оказывались талантливыми художниками, писателями). А тут, на выставке, вдруг обнаружил радужную мозаику: красные и синие, зеленые и коричневые, фиолетовые и прочие краски, не говоря уж об оттенках. В частности, все лица — будь то образ Будды в различных ипостасях, скульптурные или живописные портреты других божеств, ритуальные маски — выполнены исключительно белыми. Вот тебе и «желтая» раса!..

Вновь обратимся к основным направлениям буддийской культуры, к четвертому из них — космическому мирозданию, которое включает в себя и неразрывное духовное единство людей Земли с различными существами, обитающими в необозримой Вселенной. Именно потому так широко, повсеместно распространены в произведениях буддийского искусства космические символы: все то же колесо, благородные лев и лань, «мировое» дерево. Сюжеты с их изображениями встречаются и на ритуальных стегях и полотнищах — как вертикальных, так и горизонтальных, и на многих других иконографических атрибутах буддизма, и даже на музыкальных инструментах.

Всматриваясь в экспонаты, я настолько поддался их чарам, настолько проникся их космическим духом (а он там есть в виде какого-то особаго поля), что у меня в голове родилась сама собой — или, может, была внушена мне откуда-то извне, из далей Вселенной — такая мысль. А

МИР НА ЛАДОНИ

что, если в межзвездных пространствах действует своеобразная космическая сансара — бесконечное перерождение некоей духовной сущности, именуемой всеобщим Разумом; если происходит переселение его от одной космической цивилизации к другой? И эта космосансара проходит ряд метаморфоз: от первобытных, примитивно-религиозных форм сознания — через цивилизованные, гуманные ступени различной степени зрелости — до высшей стадии духовной жизни (которую буддисты называли за ее совершенство божеством и старались, по современной терминологии, установить с ней контакт). Причем одна и та же цивилизация в процессе своего развития может — с помощью старших братьев по Разуму — «переродиться» через тысячи лет.

Взять, к примеру, нашу Землю. Две с половиной тысячи лет назад индийский принц Сиддхарта Гаутама, получивший впоследствии имя Будда (просветленный, пробужденный) и ставший основателем буддизма, был просвещен звездными пришельцами об основах бесконечного перерождения личности, сознания. Таким было наше первое звено в цепочке космической сансары. Сегодня пресса сообщает о бесчисленных астральных, суггестивных контактах землян с представителями инопланетных цивилизаций. В этом мне видится подход к очередному, более зрелому, можно даже сказать — научному звену перерождения человеческого сознания.

И кто знает, быть может, через два-три тысячелетия — при новом повороте космического «колеса бытия» — мы сумеем вместе с другими звездными цивилизациями, на равных с ними приобщиться к великой и милосердной, могущественной и мудрой духовной сущности Вселенной, сумеем пользоваться безграничными возможностями единого Разума. Но для этого мы должны сегодня, в нашей теперешней жизни быть благороднее, быть лучше, чище. Пути совершенствования личности подсказывает каждому из нас, в частности, буддийская культура, которая была, повторюсь, первым шагом человечества к космической сансаре.

Экзорзетка «Зея»

Кооператив «Форт», созданный при московском городском комитете ВЛКСМ, завершил две экспедиции. Одна из них — экзорзетка «Зея» — решала проблему извлечения из водных глубин больших запасов древесины (в основном лиственницы), затопленной в водохранилище при возведении Зейской ГЭС (Амурская область).

Экспедицию возглавила молодой выпускник Физико-технического института С. Дунчевская. В свои 25 лет она уже совершила кругосветное путешествие на знаменитом судне «Витязь», стажировалась по спелеологии во Франции и установила рекорд по протяженности проникновения в подводную пещеру.

Исследователи на двух теплоходах, закупленных кооперативом, разведали и локализовали затопленную древесину. Уже в нынеш-

СПИД от обезьян?

Рисунок Алексея Рыжкова

нем году начнется отработка способов ее добычи. Со временем у водохранилища возникнет жилищно-производственный комплекс для кооперативов.

Цель другой экспедиции, организованной кооперативом «Форт», — поиск без вести пропавших воинов-участников Великой Отечественной войны в Новоархангельском районе на Украине у села Подвысокое. Поисковой партией удалось разминировать 36 взрывоопасных предметов и найти останки одного бойца. Интерес представляли и поиски содержимого сейфов Львовского банка (с золотом, драгоценностями и церковной утварью), якобы захороненных в этих местах в годы войны. Однако приборы показали отсутствие значительных магнитных аномалий на местности.

В этом году экспедиция «Форты» начнет постоянную работу в Каунасской крепости (см. статью «Экспедиция в старую крепость», «Уральский следопыт», 1990, № 6).

В. ПРЫТКОВ

Есть такая гипотеза о происхождении СПИДа: некий африканец-охотник некогда заразился вирусом от обезьяны из-за случайного пореза во время свежевания тушки. Что может следовать из этого предположения?

До сих пор считается, что СПИД неизлечим. Вирус, полученный от обезьяны, должен был «расползаться» по Африке. За многие тысячелетия (если считать вирус естественным для обезьян) заражение не было единичным. И население Африки должно было бы давно вымереть, а выйти за пределы континента вирус мог бы гораздо раньше, чем в конце XX века. Конечно, поселение африканцев в тропических лесах в прошлом были достаточно изолированы, но за длительное время вирус так или иначе все равно распространился бы.

Но этого раньше не случилось. Почему? Полагаю, что благодаря естественному отбору в Африке образовалась популяция людей, переносящих СПИД и выздоравливающих от него. Ведь коренные жители сибирской и дальневосточной тайги не болеют клещевым энцефалитом. Болезнь обнаружилась, когда тайгу стали заселять выходцы из России.

Так не включить ли в работы по СПИДу также изучение иммунной системы коренных жителей тропической Африки?

В. ЧИСТЯКОВ

Почта клуба

Бонистикой я начал заниматься недавно, собрал небольшую коллекцию, в которую попали две интересные бонны.

Облигация на сумму 200 рублей 1917 года была выпущена американской банкнотной компанией по заказу Временного правительства России. Октябрьская революция помешала пустить ее в обращение. Состав пришел в Россию, когда Временное правительство уже было свергнуто; почти весь тираж облигаций попал к Колчаку, который использовал их как деньги, обозначив штемпелями разного цвета банковские отделения — в Иркутске, Чите, Красноярске и других городах Сибири. Часть облигаций IV и V разряда попала в руки революционных частей. Нужда в дензнаках была острая, и один из сибирских революционных комитетов, отметив виньетками на лицевой стороне, тоже пустил их как деньги. Облигации эти встречаются трех цветов — зеленого, желтого и коричневого. Номинал их одинаков — 200 рублей.

Вторая бона — одна германская марка, выпущенная в 1944 году, но на территории страны начала ходить после занятия ее областей. В обращении эти бонны были до 1948 года. Клише изготовили американцы, и по договору клише было передано советскому командованию. При передаче была вынута маленькая буква — «зет». По этой букве можно узнать, кто изготовлял бону — американцы или русские. Кто захочет найти эту букву, могу подсказать, что искать следует на бонах до 10 марок справа внизу, а на крупных номиналах — справа сверху.

Возможно, это неполные сведения. Буду очень рад, если узнаю что-нибудь новое. Мой адрес: 652210. Кемеровская область, районный пос. Тисуль, пер. Почтовый, 11. Горелову Алексею Витальевичу.

* * *

Пишет вам студент Ярославского политехнического института. Я увлекаюсь историей развития футбола и хоккея, коллекционирую книги, справочники, программы. Прошу вас опубликовать мой адрес и таким образом помочь мне найти единомышленников. 150035, Ярославль, ул. Калининна, 37, кор. 2, кв. 29. Ипатову Михаилу.

* * *

Коллекция моя состоит из 500 миниатюрных книг — размеры страницы не более ста миллиметров. Предлагаю фото трех мини-книжек, рассказывающих об академках. «Замечательные люди в Осе», на снимке слева — это расширенный библиографический указатель к 400-летию города, я составлял его сам. Среди семидесяти выдающихся земляков в нем есть сведения об «отце» изобретения каучука А. А. Короткове. В другой книжке, в центре, — имена многих ученых с мировым именем — математика и механика М. А. Лаврентьева, педагога, первого президента Сибирского математического общества А. И. Мальцева

и других. В книжке-миниатюре «Ученые Узбекистана — Герои Социалистического Труда» можно найти информацию об ученом-гидротехнике А. Н. Аскоченском, и не только о нем. Может быть, это кому-нибудь пригодится...

В. РУСАНОВ,
г. Оса Пермской области

* * *

По поручению группы нумизматов пишет вам Вшивков Анатолий Михайлович из г. Чернушка Пермской области. Мы не можем найти ответа на некоторые интересующие нас вопросы и предлагаем этот перечень.

На Ваши вопросы, товарищи пермяки, отвечает заместитель председателя Свердловского городского клуба коллекционеров Виталий Таширов.

— Могут ли находиться в частной коллекции, у любителей, золотые монеты, царской чеканки, иностранные, старинные?

— Есть «Инструкция о порядке совершения между гражданами купли-продажи, обмена и дарения в целях коллекционирования единичных экземпляров монет, являющихся валютной ценностью». — № 8 от 13.01.88 г., утвержденная Министерством культуры СССР и Министерством финансов СССР. Коллекционирование монет из валютных материалов — золота, серебра — не запрещено. Сейчас в список, вероятно, можно включить платину и палладий — Гознак чеканит такие монеты. Наш клуб по официальным каналам получает монеты последних выпусков из серебра, золота, платины и палладия.

— В каких случаях частная коллекция монет может представлять интерес для государства, музея? От чего это зависит — от количества монет, их разнообразия, географического принципа или времени их изготовления и обращения?

— Коллекция может представить интерес для государственного собрания, однако не может быть изъята у гражданина без его согласия. Интерес представляют вещи, известные в единственном экземпляре.

— Многие музеи в запасниках имеют большое количество старинных монет. Возможна ли частичная распродажа монет в частные коллекции?

— Продажи дубликатов музейных единиц хранения в практике нет, хотя сами музеи не раз поднимали на страницах газет и журналов вопрос о частной продаже фондов населению. Думаю, что коллекционеры хранили бы эти экспонаты надежнее... Но вопрос остается открытым.

— Иногда на рынках, «толкучках», в клубах нумизматов, просто с рук продаются монеты, разные по времени и достоинству, и в каждом случае устанавливается своя цена. Имеющиеся ценники безнадежно устарели. Где можно взять данные о стоимости монет?

— Ценники на все виды монет, в том числе и российских, советских, имеются; они отражают некоторые рыночные оценки стоимости в клубах страны. В условиях нынешней галопирующей инфляции ценники быстро устаревают, порой в единицы раз. Но конъюнктурная цена всегда известна. В частном порядке можно приобрести ценники, отражающие стоимость сегодняшнего дня, в клубах крупных городов.

— Не можете ли вы дать адрес Всесоюзного или республиканского клуба нумизматов?

— Всесоюзное общество коллекционеров-нумизматов существует под эгидой Министерства культуры. Адрес его председателя, Евгения Ильича Дворецкого: 238530, Калининградская обл., г. Зеленогорск, ул. Бровцева, 16, кв. 2.

2

«ПОЛЯРНЫХ»

МЕДАЛИ

Не секрет, что многие коллекционеры ограничивают свою деятельность простым собирательством, не интересуясь событиями истории, которые стоят за предметом коллекционирования. О Де-Лонге и его экспедиции написано довольно много, но ничего нет о медалях этой экспедиции. Еще меньше известно о медали, отлитой в честь полярного похода Р. Пири; мало известна сама медаль, мало известно о том споре, который возник 80 лет назад и продолжается до сих пор. Я делал запрос в «Ленинку», сам копался в литературе — результат: ноль. Наконец мне удалось разыскать кое-какие факты в американской периодике, которые, на мой взгляд, будут любопытны русскому читателю.

КУК ИЛИ ПИРИ?..

Из школьных учебников географии мы знаем, что первым человеком, побывавшем на Северном полюсе, был американец Роберт Пири. Наш известный спортсмен-полярник Дмитрий Шпаро подвергал сомнению этот факт, высказав мысль, что Пири не мог достичь полюса в те сроки, которые были указаны в его отчете. К этому выводу он пришел, основываясь на личном опыте и на математических расчетах скорости движения человека во льдах. Оказывается, вопрос приоритета Пири не нов, он дискутируется уже восемьдесят лет...

Адмирал военно-морских сил США Роберт Пири двадцать четыре года своей жизни посвятил исследованию Арктики. Из восьми полярных экспедиций, которые он возглавлял, три — 1902, 1906 и 1908 годов — имели целью достижение Северного полюса.

Вот краткий пересказ его отчета о последней экспедиции. 6 апреля 1908 года экспедиция Пири на корабле «Рузвельт» отошла от причала Нью-Йорка и направилась на север. В этом году им удалось дойти до самой северной оконечности острова Элсмир, где был оборудован лагерь для зимовки.

28 февраля следующего года Пири начал челночные операции по заброске грузов по маршруту следования. Он планировал устроить ряд промежуточных баз с продовольствием и снаряжением и таким образом облегчить себе путь. В группу Пири входило 24 человека, 19 саней и 133 ездовых собаки. Подготовленные заранее базы позволяли двигаться почти налегке. Товарищ Пири по экспедиции Роберт Бартлетт шел впереди и торил целину. 1 апреля Бартлетт достиг 87 градуса 46 минут северной широты и повернул назад. До полюса оставалось примерно сто тридцать километров. Дальше Пири пошел со своим помощником, негром Мэттью Хэнсоном, и четырьмя эскимосами — Коки, Ута, Эгинуа и Сигло. Они шли строго на север, и Пири время от времени делал замеры, определяя местоположение. 6 апреля приборы показали, что они на полюсе... Цель была достигнута!

23 апреля, уже на обратном пути, они увидели свой корабль. Когда «Рузвельт» с участниками экспедиции достиг Лабрадора, Пири, к своему удивлению, узнал, что другой полярный исследователь, Фредерик Кук, за несколько дней до его прибытия известил мир о том, что он уже побывал на Северном полюсе и именно он является первооткрывателем. Так начался спор, который продолжается и по сей день. Тогда же возникла версия, что Пири вообще не был на полюсе, этой точки зрения придерживался и Кук. И хотя спор длится уже восемьдесят лет, большинство ученых и исследователей Арктики все же отдавало предпочтение Пири. Его имя появилось на карте рядом с точкой географического Северного полюса земли, а день 6 апреля 1909 года стал считаться днем покорения полюса.

Кто же был первым — Пири или Кук?.. А, может, ни тот, ни другой — ведь приоритет Кука тоже оспаривался... В газете «Известия» появилась статья М. Юсина «Пири не дошел до полюса?», в которой со ссылкой на «Вашингтон пост» приводились новые данные об этой

экспедиции. Все материалы Пири, его записи и дневники долгое время хранились в секрете, о них не знали — был известен лишь его официальный отчет. Совсем недавно эти документы обнаружены американским историком Д. Ролинсом, и он, изучив их, пришел к выводу, что Пири повернул назад, не дойдя до полюса 195 километров. Причиной была нехватка продовольствия.

Видимо, этот многолетний спор повлиял на то, что только в 1944 году Конгресс США принял решение об учреждении медали для награждения участников экспедиции Р. Пири. Самого руководителя уже не было в живых — он умер в 1920 году, ушли из жизни и многие его товарищи, но оставались в живых, по крайней мере, четверо. В своем Указе Конгресс отметил только шестерых из двадцати четырех человек. Медали были удостоены: капитан Роберт Бартлетт, командор Дональд Макмиллан, доктор Джон Гудселл, негр Мэттью Хэнсон; посмертно были награждены Росс Марвин, утонувший во время экспедиции, и Джордж Боруп, утонувший позднее, в 1912 году.

Поразительнее всего было то, что руководитель экспедиции адмирал Роберт Пири не значился в списках награжденных!..

Медаль, которая носит имя Пири и которой он так и не был удостоен, изготовлена по проекту государственного художника Филадельфийского Монетного двора Джона Синнока. Она серебряная, имеет диаметр 31,75 мм. На лицевой стороне, в центре — портрет Пири в меховом полярном костюме, под ним надпись: «Полярная экспедиция Пири. 1908—1909». Все это заключено в круг в виде лимба компаса. Обратная сторона медали разделена на три части: в верхней изображен американский флаг, по бокам которого сидят две ездовые собаки. В центральной части — надпись в восемь строк: «Вручена от имени Конгресса в знак благодарности за усилия и заслуги во время полярной экспедиции Пири в 1908—1909 годах, совершенной с научными и исследовательскими целями, и за помощь в открытии Северного полюса адмиралом Пири». В нижней части изображен «снегоступ». Медаль носится на белой ленте с зелено-голубыми полосками у краев.

Американское Национальное географическое общество, которое в свое время финансировало экспедицию Пири, долгое время защищало его интересы и приоритет; однако после публикации Д. Ролинса также поставило под вопрос результаты путешествия своего соотечественника.

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастика),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-31 (прозы и поэзии, публицистики, молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в доставочные предприятия связи по месту жительства, в отделения и предприятия «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 06.07.91.
Подписано к печати 27.08.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 9.24.
Уч.-изд. л. 14.80.
Усл. кр.-отт. 13.44.
Тираж 398 000.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 356.
Цена 80 коп.
Типография издательства «Уральский рабочий».
620219, г. Свердловск,
ул. Тургенева, 13.

© «Уральский следопыт», 1991

КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ

«В ПАМЯТЬ О ВСТРЕЧЕННЫХ ОПАСНОСТЯХ...»

Есть на карте нашей Родины небольшой архипелаг в северо-восточном углу Ледовитого океана — острова Де-Лонга. Их пять: остров Вилькицкого, остров Жохова, Беннетта, Генриетты и Жаннетты. Имена трех последних долгое время оставались для меня загадкой. Только совсем недавно небольшая медаль позволила мне ответить на вопрос, кто такие Беннетт, Генриетта и Жаннетта.

В 1873 году известный полярный исследователь Джордж Гриннелл предложил лейтенанту военно-морского флота США Джорджу Вашингтону Де-Лонгу возглавить экспедицию к Северному полюсу — экспедицию, которую он сам планировал, но по каким-то причинам не смог принять в ней участия. Де-Лонг предложение принял, и Гриннелл представил его Джеймсу Беннетту, владельцу газеты «Нью-Йорк Геральд», который незадолго до этого финансировал экспедицию Стенли для поисков пропавшего в Африке Левингстона.

Де-Лонгу удалось приобрести в Великобритании яхту «Пандора», принимавшую участие в одной из полярных экспедиций и показавшую превосходные качества. Переименовав яхту в «Жаннетту», Де-Лонг произвел некоторый ремонт, заодно укрепив корпус и такелаж. Чтобы придать экспедиции официальный характер, Конгресс США издал специальный Указ, разрешающий «Жаннетте» плавание под американским флагом.

Де-Лонг планировал, используя теплое течение Куросяво, пройти в Берингов пролив и, вмерзнув в лед, дрейфовать в направлении Северного полюса, полагая, что льды по пути течения не превращаются в тяжелый паковый лед. Попутно Де-Лонгу была поставлена и другая задача: отыскать экспедицию А. Нордшельда, вышедшую летом 1878 года на «Вега» в плавание по северо-восточному проходу и пропавшую.

8 июля 1879 года экспедиция Де-Лонга покинула пристань яхт-клуба в Сан-Франциско. 29 августа она прошла мыс Дежнева и вошла в Северный Ледовитый океан. Еще в районе Колочинской губы Де-Лонг узнал, что «Вега» Нордшельда ушла к Берингову проливу; теперь у него оставалась одна цель — Северный полюс. Надежды его на отсутствие паковых льдов не сбылись — океан был с плотным и тяжелым льдом. Пользуясь разводьями чистой воды, «Жаннетта» медленно продвигалась в северо-западном направлении, к

острову Геральда, где Де-Лонг планировал зимовать. Но и эта надежда не сбылась: не дойдя до острова, «Жаннетта» вмерзла в лед. Льды пронесли яхту мимо острова Геральда, остров был хорошо виден, до него можно было идти пешком; но Де-Лонг решил продолжать дрейф, хотя надвигались зима и поллярная ночь.

Двадцать один месяц продолжался дрейф «Жаннетты». Прошли мимо каких-то неизвестных островов — их Де-Лонг назвал именами Жаннетты, Генриетты и Беннетта. 13 июня 1881 года яхта была раздавлена льдами.

Де-Лонг предвидел возможность гибели судна. Поэтому заранее на лед было выгружено снаряжение и продовольствие. Груз был уложен в три лодки, укрепленные на санях и еще на пять саней. 17 июня тридцать три человека тронулись в путь, таща за собой 385 килограммов груза. Ближайшим местом, где мог быть человек, была дельта реки Лены, но до нее оставалось 500 миль.

Прошла неделя, и Де-Лонг обнаружил, что они не продвинулись, наоборот — их отнесло на двадцать семь миль в другую сторону. Срочно изменили курс, теперь уже с учетом дрейфа, и к началу сентября группа достигла Новосибирских островов. Здесь удалось подстрелить какую-то живность и пополнить скудный запас продовольствия.

Де-Лонг предполагал, что между этими островами и материком должна быть чистая вода. Так оно и оказалось. Лодки сняли с саней, спустили на воду. 12 сентября, в 7.30 утра, все три лодки отошли от острова Семенова и рассчитывали пройти 96 миль, отделяющих их от устья Лены. Но разразился ужасный шторм и разметал лодки в разные стороны. Одна из них — лейтенанта Чарльза Чиппа — сразу же затонула вместе с восемью членами экипажа; две остальных потеряли друг друга из вида. Лодка Де-Лонга с четырнадцатью людьми на борту с трудом добралась до устья Лены. Отсюда начался их путь по земле. Те крохи продовольствия, которые им удалось спасти во время шторма, были съедены, люди начали голодать и умирать. 9 октября Де-Лонг отобрал двух самых крепких матросов — Уильяма Ниндеманна и Лунса Норроса, и послал их за помощью. Через две недели их обнаружили якуты и доставили в поселок Булун в низовьях Лены.

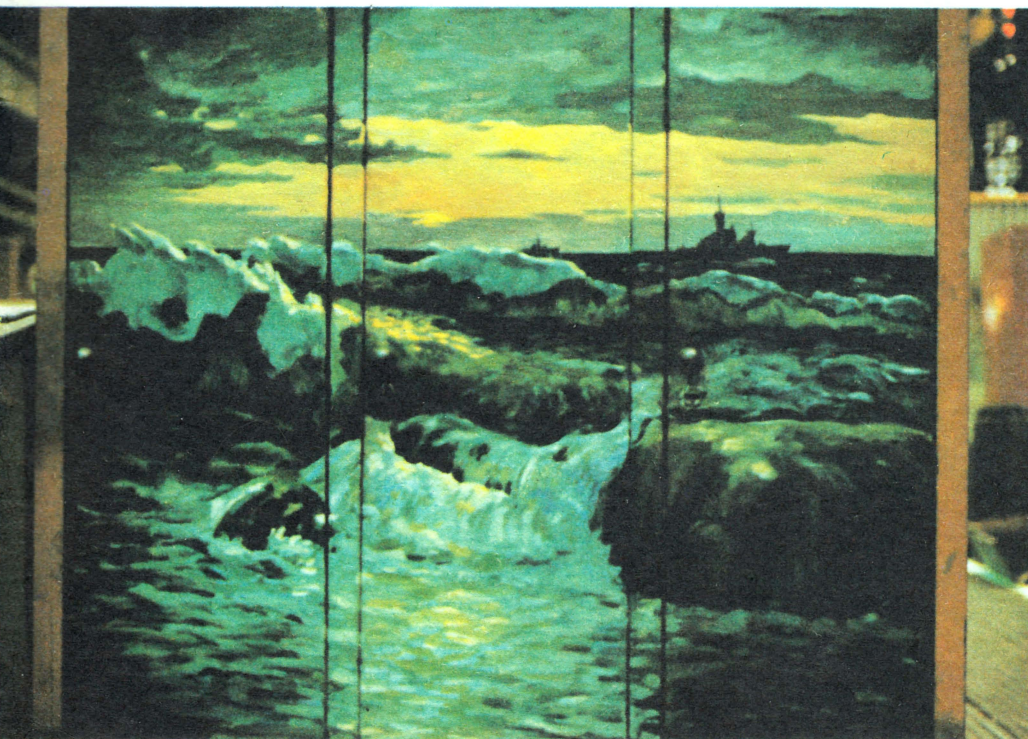
Третья лодка, под командованием старшего механика Джорджа Меллвилла, с одиннадцатью людьми, тоже добралась до дельты реки; якуты подобрали и их, и на собаках переправили в Булун.

Художник с Уралмаша

Он был в отпуске, и мне не удалось встретиться с человеком, о котором хочу рассказать.

Коллеги из заводской газеты «За тяжелое машиностроение» тоже делали попытку написать о Геннадии Власове, но потерпели неудачу. Он не захотел. И не от излишней скромности. Вероятно, были опасения, что начальство, сквозь пальцы смотрящее на его «художества», может сделать выводы и применить санкции: виданое ли дело, цеховой художник-оформитель, обязанный исправно поставлять наглядную агитацию, ею не занимается. Объявления, конечно, пишет исправно, но и только. А хлеб все-таки даром не ест.

Дело, видимо, в своеобразии понимания своих, цехового художника, обязанностей, а также самого понятия «наглядная агитация». Геннадий Михайлович взял да и расписал весь цех, покрыл стены каптерки и грязные, захватанные шкафчики разнообразными пейзажами. Получились великолепные фрески на тему природы. Рассказывают, что самые неисправимые неряхи теперь ни за что не откроют шкафчик грязными руками. Теперь не курят где попало и, дабы не загромождать картин, не складывают возле стен заготовки и разный хлам. И атмосфера в цехе, где работает Власов, резко отличается от соседних. Могу засвидетельствовать: какой-то праздник! Заходишь в цех и невольно улыбаешься.

Вот такая получилась у меня попытка судить о человеке по его поступкам. Простите, Геннадий Михайлович, если что не так.

Игорь ГОРЯЧЕВ

Фото и слайды автора

